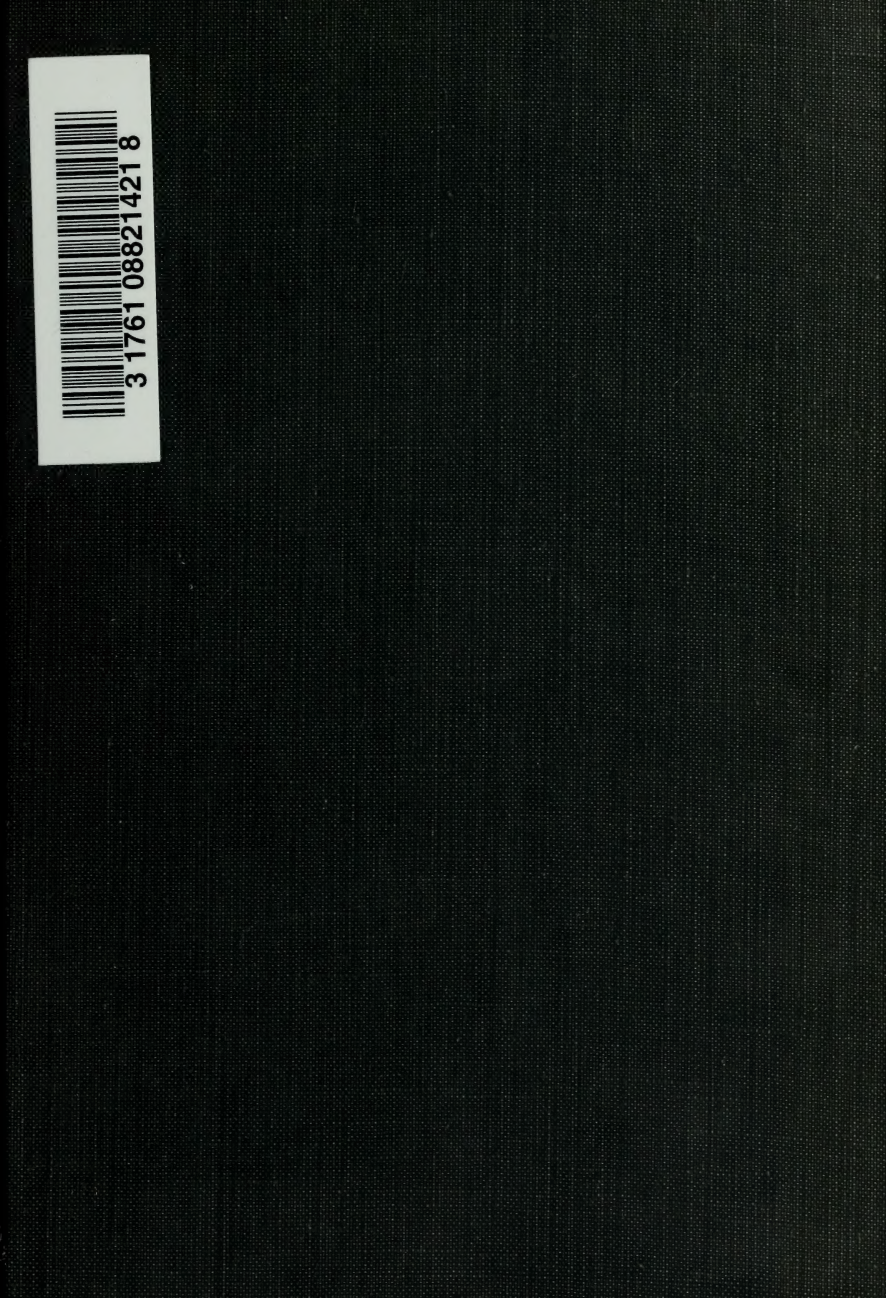

3 1761 08821421 8

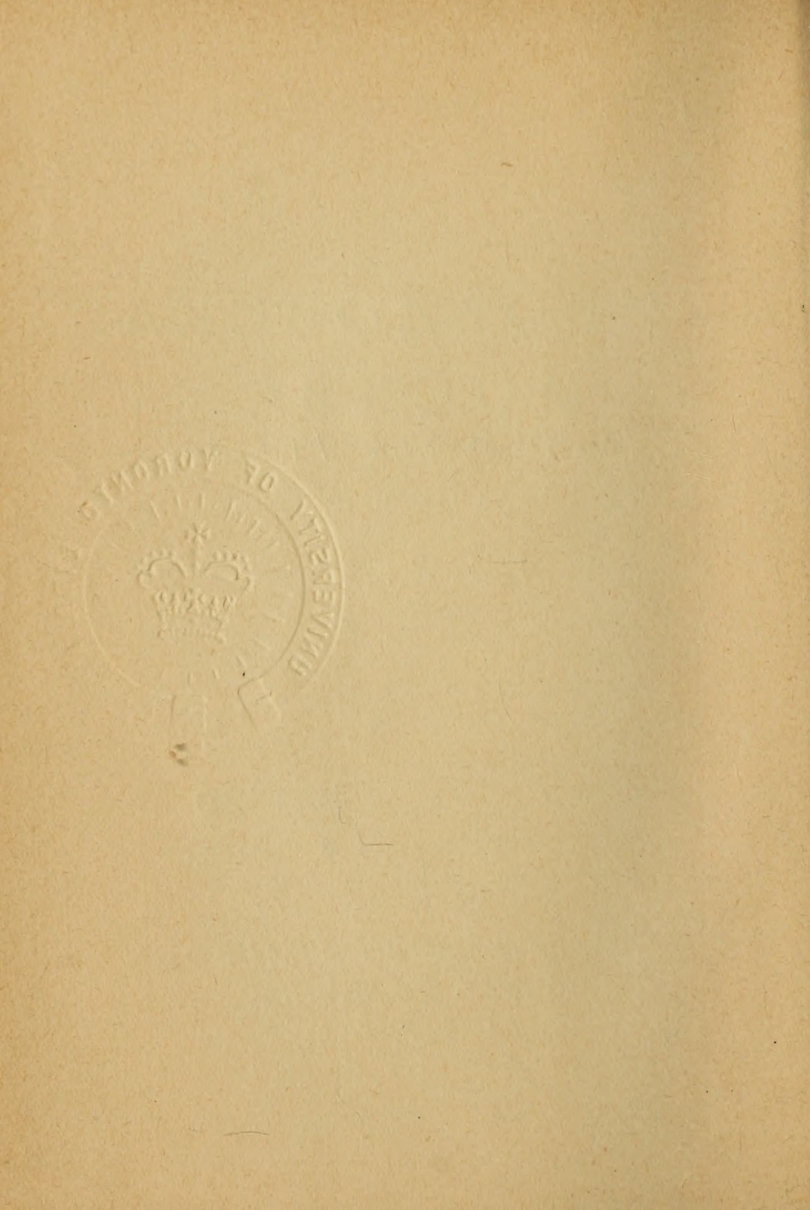
Эта книга отпечатана въ сентябрѣ 1922-го года
въ типографіи Sinaburg & Co., G. m. b. H.
для книгоиздательства „Геликонъ“

М. ГЕРШЕНЗОНЪ

ГРИБОѢДОВСКАЯ МОСКВА

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГЕЛИКОНЪ“
МОСКВА ✶ БЕРЛИНЪ
1 9 2 2

ГРИБОѢДОВСКАЯ МОСКВА

ПРЕДИСЛОВІЕ

Предлагаемая книжка есть опытъ исторической иллюстраціи къ «Горе отъ ума», попытка представить возможно нагляднымъ образомъ уголокъ той подлинной, реальной дѣйствительности, которую Грибоѣдовъ, творчески преображая, изобразилъ въ геніальной комедіи. Матеріалъ, служившій мнѣ для этого изображенія[1]), былъ въ высшей степени удобенъ, такъ какъ въ немъ обрисовывается тотъ самый кругъ московскаго общества, въ которомъ вращался Грибоѣдовъ, и какъ разъ за тѣ годы, когда Грибоѣдовъ наблюдалъ это общество. Мало того: этотъ матеріалъ давалъ возможность раздвинуть рамку картины, представить и болѣе раннюю, предшеству-

---

[1]) Неизданныя семейныя письма Римскихъ - Корсаковыхъ, переданныя мнѣ покойной Н. А. Огаревой.

ющую стадію даннаго быта (эпоху Наполеоновскаго нашествія), которая, хотя въ комедіи и не изображена прямо, но какъ бы еще незримо наполняетъ ея атмосферу.

Извѣстно, что Грибоѣдовъ, создавая свою комедію, сознательно исходилъ отъ наблюденій надъ конкретной дѣйствительностью. Это удостовѣряется не только свидѣтельствомъ ближайшихъ къ нему людей, но и его собственнымъ признаніемъ — его извѣстнымъ письмомъ къ П. А. Катенину, гдѣ онъ категорически подтверждаетъ условную (художественную) портретность дѣйствующихъ лицъ своей комедіи. Но и не будь этихъ свидѣтельствъ, къ тому же выводу необходимо приводитъ изученіе самой комедіи. Такъ, только на основаніи внутренняго ея анализа Гончаровъ призналъ, что въ ней «въ группѣ двадцати лицъ отразилась, какъ лучъ свѣта въ каплѣ воды, вся прежняя Москва, ея рисунокъ, тогдашній духъ, историческій моментъ и нравы... И общее, и детали — все это не сочинено, а такъ цѣликомъ взято изъ московскихъ гостиныхъ и перенесено въ книгу и на сцену, со всей теплотой и со всѣмъ «особымъ отпечаткомъ» Москвы».

Бытовой художественный образъ, каковы персонажи «Горе отъ ума», никогда не бываетъ ни точной копіей дѣйствительности, ни чистымъ вымысломъ: онъ всегда — субъективная переработка конкретныхъ наблюденій, накопленныхъ художникомъ, самобытное созданіе, для котораго сырой матеріалъ почерпнутъ изъ дѣйствительности. Поэтому есть два способа приблизиться къ пониманію художественнаго замысла, руководившаго поэтомъ; прямой путь — это путь непосредственнаго изученія его образовъ и творческихъ средствъ; но цѣнныя услуги въ этомъ дѣлѣ можетъ оказать и косвенный путь — ознакомленія съ той дѣйствительностью, которая служила художнику прообразомъ его созданія. Самое малое, что мы можемъ добыть на этомъ второмъ пути, — осязательность минувшей жизни, непосредственное погруженіе въ ея бытъ и психику, — уже есть большая и притомъ самостоятельная цѣнность.

I

Еще въ концѣ Екатерининскаго времени впервые появляется передъ нами Марья Ивановна Римская-Корсакова. Блѣдной тѣнью мелькнетъ она разъ, другой на горизонтѣ московскихъ преданій, потомъ исчезаетъ, и вдругъ, въ двѣнадцатомъ году, точно озаренная московскимъ пожаромъ, предстаетъ уже вся живая — не безыменная фигура, а именно Марья Ивановна, которой ни съ кѣмъ не смѣшаешь; и затѣмъ время, подобно кинематографу, постепенно все болѣе придвигаетъ ее къ намъ, ея фигура, приближаясь, растетъ и растетъ, и вотъ въ 20-хъ годахъ она стоитъ предъ нами во весь ростъ, вся на виду до мельчайшей морщинки на ея немолодомъ, но еще привлекательномъ лицѣ.

Трудно устоять противъ искушенія срисовать ея портретъ. Ея лицо такъ характерно въ своей непринужденной выразительности, и вмѣстѣ такъ ярко-типично, что она кажется скорѣе художественнымъ образомъ, нежели единичной личностью. Между тѣмъ она дѣйствительно жила, ея домъ въ Москвѣ понынѣ цѣлъ, и многіе изъ нашихъ знако-

мыхъ не разъ съ улыбкою слушали ея бойкую и умную рѣчь, въ томъ числѣ самъ Пушкинъ. Вяземскій писалъ о ней: «Марія Ивановна Римская-Корсакова должна имѣть почетное мѣсто въ преданіяхъ хлѣбосольной и гостепріимной Москвы. Она жила, что называется, открытымъ домомъ, давала часто обѣды, вечера, балы, маскарады, разныя увеселенія, зимою санныя катанья за городомъ, импровизированные завтраки... Красавицы-дочери ея, и особенно одна изъ нихъ, намеками воспѣтая Пушкинымъ въ Онѣгинѣ, были душою и прелестью этихъ собраній. Сама Марія Ивановна была типъ московской барыни въ хорошемъ и лучшемъ значеніи этого слова»[1]).

Вяземскій, Грибоѣдовъ и Пушкинъ знали ее уже въ ея поздніе годы. Вяземскій только отъ стариковъ слышалъ о томъ, какъ мастерски Марья Ивановна въ молодости исполняла роль фонъ-визинской Еремѣевны гдѣ-то на домашней сценѣ. Но князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ, самый благодушный изъ русскихъ поэтовъ и самый романтическій изъ русскихъ губернаторовъ, былъ вхожъ въ ея домъ еще при Павлѣ. Онъ въ молодости страстно любилъ «театральную забаву», а у Марьи Ивановны часто устраивались домашніе спектакли, и вообще въ ея домѣ было весело; Долгоруковъ до старости съ умиленіемъ вспоминалъ ту зиму — уже въ началѣ царствованія Александра — когда онъ чаще всего выступалъ въ спектакляхъ Марьи Ивановны,

---

[1]) Полн. собр. соч. кн. П. А. Вяземскаго, т. VII, стр. 170.

и тѣ «веселости», которыми онъ наслаждался въ ея пріятномъ домѣ, ибо — «что болѣе заслуживаетъ мѣста въ воспоминаніяхъ нашихъ, какъ тѣ часы, въ которые мы предавались невиннымъ забавамъ и одушевлялись одной чистой веселостію?» Онъ разсказываетъ къ «Капищѣ моего сердца»[1]), какъ однажды въ ту зиму игралъ онъ здѣсь роль перваго любовника въ комедіи «Les chateaux en Espagne», при чемъ его партнершей была старшая дочь Марьи Ивановны; въ этотъ вечеръ уже многіе изъ зрителей знали, что онъ назначенъ губернаторомъ во Владиміръ, онъ же этого еще не зналъ; а въ его роли были такіе два стиха, точно съ умысломъ разсчитанные на этотъ случай:

De quelqu' emploi brillant je puis me voir charger,
Et de noveau peut-être il faudra voyager;[2])

едва онъ произнесъ эти стихи, залъ огласился всеобщимъ рукоплесканіемъ: совпаденіе было слишкомъ забавно.

И дальше, повидимому, легко и весело шла жизнь въ домѣ Марьи Ивановны. Домъ былъ огромный, семья большая, и вѣрно много челяди. То было время, когда рѣдко хворали, когда мало думали, но много и беззаботно веселились, когда размѣры аппетита опредѣлялись шутливой поговоркой, что

---

[1]) Изданіе 2-е, Приложеніе къ «Русск. Арх.», 1890 г.. стр. 151.

[2]) «Я могу увидѣть себя облеченнымъ какою-нибудь блестящей должностью, и, можетъ-быть, снова надо будетъ мнѣ путешествовать».

гусь — глупая птица: на двоихъ мало, а одному стыдно, когда званые обѣды начинались въ 3 часа, а балы — между 9 и 10, и только «львы» являлись въ 11. Послѣднія двѣ зимы передъ нашествіемъ французовъ были въ Москвѣ, какъ извѣстно, особенно веселы. Балы, вечера, званые обѣды, гулянья и спектакли смѣнялись безъ передышки. Всѣ дни недѣли были разобраны — четверги у гр. Льва Кир. Разумовскаго, пятницы — у Степ. Степ. Апраксина, воскресенья — у Архаровыхъ, и т. д., иные дни были разобраны дважды, а въ иныхъ домахъ принимали каждый день, и часто молодой человѣкъ норовилъ въ одинъ вечеръ попасть на два бала. Балы и вечера у Марьи Ивановны были въ числѣ самыхъ веселыхъ. Современникъ сообщаетъ, что къ ней можно было пріѣзжать поздно, уже съ другого бала, потому что у нея танцовали до разсвѣта; и нравились ея вечера еще щедростью освѣщенія, тогда какъ въ другихъ домахъ съ одного конца залы до другого нельзя было различить лицà. Въ эти зимы впервые явилась въ Москвѣ мазурка съ пристукиваньемъ шпорами, гдѣ кавалеръ становился на колѣни, обводилъ вокругъ себя даму и цѣловалъ ея руку; танцовали экосезъ-кадриль, вальсъ и другіе танцы, и балъ оканчивался à la grecque со множествомъ фигуръ, выдумываемыхъ первою парою, и, наконецъ, бѣготней попарно по всѣмъ комнатамъ, даже въ дѣвичью и спальни[1]).

---

[1]) «Воспоминанія М. М. Муромцова», «Русск. Арх.», 1890 г., I, стр. 78—79; М. Евреиновъ «Память о 1812 годѣ», «Русск. Арх.», 1874, I, стр. 95.

Но вотъ внезапно ударила гроза, музыка рѣзко оборвалась, и танцоры въ ужасѣ заметались: французы перешли границу, французы идутъ къ Смоленску, Смоленскъ взятъ, — ужасъ и отчаяніе! Наполеонъ идетъ на Москву, надо бѣжать, куда глаза глядятъ.

У Марьи Ивановны въ это время были налицо всѣ ея дѣти — трое сыновей и пять дочерей. Всѣ они родились между 1784 и 1806 гг. Старшій сынъ, Павелъ, служилъ еще съ 1803 года въ кавалергардахъ; средній, Григорій, вступилъ въ службу также еще до войны, въ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ; наконецъ младшій, 18-лѣтній Сергѣй, въ эти самые дни, въ іюлѣ, записался въ московское ополченіе. При Марьѣ Ивановнѣ оставались теперь только дочери: старшая, Варвара, въ это время уже вдова послѣ флигель-адъютанта А. А. Ржевскаго, павшаго при Фридландѣ, и три дѣвушки — Наталья 20 лѣтъ, и младшія — Екатерина и Александра; пятая дочь, по старшинству вторая послѣ Варвары, по имени Софья, была съ 1804 года замужемъ за московскимъ полицмейстеромъ А. А. Волковымъ и жила своимъ домомъ. Былъ еще живъ и мужъ Марьи Ивановны — Александръ Яковлевичъ Римскій-Корсаковъ, повидимому, уже очень пожилой, служившій когда-то, въ семидесятыхъ годахъ XVIII вѣка, въ конной гвардіи, пожалованный Екатериною II въ камергеры, а теперь почти безвыѣздно жившій въ деревнѣ. Онъ былъ, говорятъ, очень богатъ, въ молодости красавецъ, но не очень уменъ; во всякомъ случаѣ, домомъ и дѣтьми твердо правила одна

Марья Ивановна. Сама она была урожденная Наумова, дочь Ивана Григорьевича, женатаго на княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Голицыной. Въ 1812 году Марьѣ Ивановнѣ было, вѣроятно, 47—48 лѣтъ. Всѣ ея дѣти были рослые и красавцы, въ отца и мать, а дочери славились бархатными глазами[1]).

Черезъ три дня послѣ того, какъ въ Москвѣ было получено извѣстіе объ оставленіи Смоленска, 11 августа 1812 года, когда всѣ церкви стояли отпертыя, А. Г. Хомутова видѣла въ Благовѣщенскомъ соборѣ между другими своими знакомыми и Марью Ивановну Римскую-Корсакову[2]) съ ея юношей-сыномъ Сергѣемъ, уже въ ополченскомъ мундирѣ; «она молилась за двухъ другихъ своихъ сыновей, уже находившихся въ арміи, изъ которыхъ одному суждено было вскорѣ погибнуть», т.-е. за Павла и своего любимца Гришу. Судя по тому, что послѣдняго его командиръ Дохтуровъ еще 29-го или 30-го августа отпустилъ изъ-подъ Можайска, гдѣ они стояли, на кратковременную побывку въ Москву[3]), можно

---

[1]) О М. И., ея мужѣ и дѣтяхъ см. «Списокъ лицъ рода Корсаковыхъ, Римскихъ-Корсаковыхъ и кн. Дондуковыхъ-Корсаковыхъ съ краткими біографическими свѣдѣніями». Литограф. изданіе. СПБ. 1893. — Сверхъ того, Д. Благово «Разсказы бабушки». СПБ. 1885, стр. 187. Неполный сводъ печатныхъ свѣдѣній — у Гастфрейнда, «Товарищи Пушкина», т. III.

[2]) «Воспоминанія», въ «Русскомъ Архивѣ», 1891 г., № 11, стр. 321.

[3]) «Письма Д. С. Дохтурова къ его супругѣ», «Русск. Арх.» 1874, I, стр. 1097, письмо отъ 30 авг. 1812 г. Три года спустя М. И., прося Гришу пріѣхать въ отпускъ домой, писала, что не видѣла его уже четыре года, т.-е. съ 1811, и прибавляла: «Одинъ день былъ со мной»,

думать, что Марья Ивановна съ дочерьми оставили Москву только въ послѣдній день августа или даже 1—2 сентября. Она выѣхала, какъ и большинство видныхъ московскихъ семействъ, въ Нижній-Новгородъ. Дочь ея Софья, вмѣстѣ съ мужемъ (Волковымъ) и дѣтьми, нашла пристанище у своей свекрови, въ Саратовѣ. Выѣзжая изъ Москвы, Марья Ивановна еще не знала, что 26-го августа при Бородинѣ палъ ея первенецъ. Въ этомъ бою участвовали оба ея старшихъ сына; второй, Григорій, остался невредимъ и позднѣе получилъ за этотъ день Владиміра 4-й степени, а Павелъ, богатырь ростомъ и силою, участникъ Аустерлицкаго боя, занесенный своей лошадью въ гущу враговъ, долго отбивался одинъ и уложилъ палашемъ нѣсколько человѣкъ, пока наконецъ — какъ разсказывали позже французскіе офицеры — выстрѣлъ изъ карабина не скосилъ его; тѣло его не было найдено[1]). Мы увидимъ дальше, что Марья Ивановна долго томилась неизвѣстностью о его судьбѣ; ей говорили, что онъ въ плѣну.

т.-е. за все то время. Этотъ день и былъ, безъ сомнѣнія, 30 или 31 августа 1812 г. Вмѣстѣ съ Григоріемъ Р.-К. былъ отпущенъ въ Москву и его однополчанинъ, сынъ Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, вѣроятно тоже для того, чтобы проститься съ отцомъ, который 30 августа еще былъ въ Москвѣ (тамъ же).

[1]) «Воспоминанія» А. С. Норова — «Русск. Арх.», 1881, III, 201; «Записки» Н. Н. Муравьева — «Русск. Арх.», 1885, III, 231 и 259; С. Панчулидзевъ, «Сборникъ біографій кавалергардовъ» 1801—1826, СПБ. 1906, стр. 129.

II

Въ сентябрѣ и октябрѣ 1812 г. Нижній-Новгородъ представлялъ необыкновенную картину: сюда переселилась вся богатая и вся литературная Москва. Здѣсь были Архаровы, Апраксины, Бибиковы и еще множество видныхъ московскихъ семействъ, — и Карамзины, Батюшковъ, В. Л. Пушкинъ и Алексѣй Мих. Пушкинъ, старикъ Бантышъ-Каменскій и его помощникъ по московскому Архиву, А. Ѳ. Малиновскій, — словомъ, что называется, «вся Москва». «Городъ малъ и весь наводненъ Москвою», писалъ отсюда Батюшковъ[1]). Квартиръ не хватало, и «эмигрантамъ», какъ они сами себя называли, приходилось ютиться въ тѣснотѣ; такъ, въ трехъ комнатахъ жили: Екат. Ѳед. Муравьева съ тремя дѣтьми, Батюшковъ, И. М. Муравьевъ, Дружининъ, англичанинъ, двѣ гувернантки да шесть собакъ. Богатые люди и здѣсь, разумѣется, находили способы устраиваться удобно; у Архаровыхъ и здѣсь собиралась вся Москва, особенно пострадавшіе, терпѣвшіе ну-

---

[1]) Письмо къ отцу отъ 27 окт. 1812 г.

жду; а В. Л. Пушкинъ жилъ въ избѣ, ходилъ по морозу безъ шубы и нуждался въ рублѣ. Всѣ были болѣе или менѣе удручены гибелью Москвы и собственными потерями, многія семьи тревожились за участь мужей, сыновей или братьевъ, стоявшихъ подъ огнемъ, но привычное московское легкомысліе брало верхъ, и вскорѣ здѣсь развернулась та же веселая и шумная жизнь, которую на время прервала невзгода, жизнь многолюдно- и шумно-застольная, бальная, разъѣздная и суетливая, съ тѣмъ отличіемъ противъ московской, что цыганская неустроенность и давка вносили въ эти забавы смѣшную и веселую путаницу, придавали имъ пикантность своеобразія. Батюшковъ въ одномъ позднѣйшемъ письмѣ мастерски набросалъ рядъ летучихъ сценъ изъ этой жизни московскаго табора въ Нижнемъ, — какъ московскіе франты и красавицы толпились на площади между телѣгъ и колясокъ, со слезами вспоминая о Тверскомъ бульварѣ, какъ на патріотическихъ обѣдахъ у Архаровыхъ всѣ рѣчи, отъ псовой травли до подвиговъ Кутузова, дышали любовью къ отечеству, какъ на балахъ и маскарадахъ московскія красавицы, осыпанныя брильянтами и жемчугами, прыгали до перваго обморока во французскихъ кадриляхъ, во французскихъ платьяхъ, болтая по-французски Богъ знаетъ какъ и по-французски же проклиная враговъ, — какъ на ужинахъ нижегородскаго вице-губернатора Крюкова В. Л. Пушкинъ, забывъ утрату книгъ, стиховъ и бѣлья, забывъ о Наполеонѣ, «гордящемся на стѣнахъ древняго Кремля», отпускалъ каламбуры, достойные

лучшихъ временъ французской монархіи, и спорилъ до слезъ съ И. М. Муравьевымъ о преимуществѣ французской словесности. Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ, по словамъ его вѣчнаго антагониста, В. Л. Пушкина, кричалъ въ Нижнемъ еще громче и курилъ табакъ болѣе прежняго, игралъ въ карты съ утра до вечера «и выигралъ уже тысячъ до восьми»; это о немъ и ему подобныхъ писалъ въ тѣ дни Карамзинъ: «Кто на Тверской или Никитской игралъ въ вистъ или бостонъ, для того мало разницы: онъ играетъ и въ Нижнемъ». Алексѣй Михайловичъ былъ ярый спорщикъ и любилъ донимать особенно своего благодушнѣйшаго однофамильца; Батюшковъ кончаетъ эту картину московско-нижегородской толпы портретомъ Алексѣя Михайловича, «который съ утра самаго искалъ кого-нибудь, чтобъ поспорить, и доказывалъ съ удивительнымъ краснорѣчіемъ, что бѣлое — черное, черное — бѣлое, который вздохнуть не давалъ Василью Львовичу и тѣснилъ его неотразимой логикой». А Василій Львовичъ грустилъ о потерѣ своей новой кареты и книгъ, скорбѣлъ патріотически, но минутами и утѣшался, когда удавалось прочитать кому-нибудь свои стихи, или когда шалунья Муза дарила его новымъ вдохновеніемъ. Въ самый разгаръ московскаго разоренья, 20 сентября, онъ сочинялъ куплеты къ жителямъ Нижняго, шесть куплетовъ, кончающихся однимъ и тѣмъ же рефреномъ, изъ коихъ первый таковъ:

Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы волжскихъ береговъ!

Примите насъ, мы всѣ родные,
Мы дѣти матушки-Москвы!
Веселья, счастья дни златые,
Какъ быстрый вихрь промчались вы!
Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы волжскихъ береговъ!

А 3 октября Батюшковъ писалъ Вяземскому о Василіѣ Львовичѣ, что онъ «отъ печали лишился памяти и насилу вчера могъ прочитать Архаровымъ басню о соловьѣ. Вотъ до чего онъ и мы дожили!»[1])

Конечно, были въ этой пестрой толпѣ московскихъ эмигрантовъ и серьезные, искренно-скорбѣвшіе люди. Таковъ былъ самъ Батюшковъ, горько насмѣхавшійся надъ людьми, весь патріотизмъ которыхъ заключался въ восклицаніяхъ: point de paix! Таковъ былъ И. М. Муравьевъ-Апостолъ, написавшій вскорѣ затѣмъ замѣчательныя, истинно-патріотическія «Письма изъ Москвы въ Нижній-

---

[1]) О москвичахъ въ Нижн.-Новг. — (П. И. Мельникова) «Общество литераторовъ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1812 году», «Сѣв. Пчела», 1845 г., № 72 (перепечат. изъ «Нижег. Губ. Вѣд.»); письма К. Н. Батюшкова: къ отцу, 27 окт. 1812 года, къ Н. И. Гнѣдичу, окт. 1812 г., къ кн. П. А. Вяземскому 3 окт. 1812 г., къ Е. Г. Пушкиной, 3 мая 1814 года. — Письмо В. Л. Пушкина къ кн. Вяземскому отъ 14 окт. 1812 г. — его «Сочиненія» подъ ред. В. И. Саитова, изд. Соколова, СПБ. 1895, стр. 149; его стихотв. «Къ жителямъ Нижняго-Новгорода» тамъ же, стр. 75—76. — «Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву». СПБ. 1866, стр. 169. — Статьи Н. Храмцовскаго о томъ же предметѣ, «Нижегор. Губ. Вѣд.», 1866 года, № 47, намъ не пришлось видѣть.

Новгородъ» (1813 г.)[1]). Таковъ былъ Н. М. Карамзинъ, болѣвшій душою за родину, томившійся своимъ нижегородскимъ бездѣльемъ, называвшій свою жизнь здѣсь ссылкою. Карамзину дорого обошлась его жизнь въ Нижнемъ: у него здѣсь хворали всѣ дѣти, и долго угасалъ шестилѣтній сынъ Андрей, скончавшійся въ маѣ 1813 г.; а за мѣсяцъ до смерти Андрюши, отъ тревогъ, жена Карамзина, Екатерина Андреевна, выкинула. Изъ-за болѣзни мальчика и изъ-за безденежья Карамзинымъ пришлось прожить въ Нижнемъ до лѣта 1813 г.

Для Марьи Ивановны, привыкшей къ довольству, простору и веселью, эта зима въ Нижнемъ оказалась очень тяжелой. Ее мучила тревога и о мужѣ, и о Сережѣ, и о Волковыхъ, а главное терзали ее полная неизвѣстность о Павлѣ и безпокойство о Григоріи, отъ котораго подолгу не было писемъ.

---

[1]) Перепечатаны изъ «Сына Отеч.», 1813 г., въ «Рус. Арх.». 1876 г., III, стр. 129—154.

III

Письма родныхъ къ Григорію Корсакову изъ погорѣлой Москвы живо рисуютъ и картину города послѣ разгрома, и чувства возвращавшихся на свои пепелища москвичей. Волковъ, бывшій, какъ сказано, московскимъ полицмейстеромъ, по долгу службы вернулся въ Москву — и съ женою — вскорѣ по выходѣ изъ нея французовъ. 9 ноября, найдя оказію, Софья Александровна пишетъ отсюда Григорію: «Я уже пять дней въ нашей несчастной Москвѣ. Ахъ, Гриша, голубчикъ, ты представить себѣ не можешь, что Москва сдѣлалась, узнать ее нельзя и безъ слезъ видѣть невозможно этихъ руинъ. Отъ каменныхъ домовъ стѣны остались, а отъ деревянныхъ печи торчатъ. Вообрази, какое чудо, что маменькинъ домъ уцѣлѣлъ, а еще чуднѣе, — матушкинъ (т.-е. свекрови) деревянный, въ которомъ мы живемъ теперь, а слободы какъ не было — вся выгорѣла, въ томъ числѣ и нашъ домъ (т.-е. собственный А. А. Волкова) со всѣмъ добромъ; деревню тоже всю разорили, и мы остаемся ни при чемъ». Она просила извѣстій о Павлѣ: «Признаюсь, его положеніе меня очень безпокоитъ».

Изъ письма Софьи Марья Ивановна впервые узнала, что ея домъ въ Москвѣ цѣлъ. Этотъ домъ — теперь зданіе 7-ой гимназіи, а раньше — Строгановское училище, какъ разъ противъ Страстного монастыря; его просторный вестибюль съ широкой лѣстницей вверхъ часто воспроизводятъ на сценѣ въ послѣднемъ явленіи «Горе отъ ума»[1]).

12 ноября Марья Ивановна писала Григорію, адресуя въ штабъ Дохтурова:

«Милый другъ Гриша! Господи, какъ давно объ тебѣ ничего не знаю; съ тѣхъ поръ, какъ этотъ курьеръ привезъ мнѣ объ Маломъ Ярославцѣ, отъ тебя послѣ ни строки не имѣла. Нынче набрела на какого-то почтальона, который пріѣхалъ изъ арміи свѣженькій, зовутъ его Митропольскій, и такъ мы его обступили, какъ будто онъ съ того свѣта. Онъ мнѣ кланялся отъ Талызина, только я ему не вѣрю. Онъ говоритъ, что корпусъ Дм. Серг. (Дохтурова) вмѣстѣ въ авангардѣ съ Милорадовичемъ... Помоги вамъ Господь Богъ поймать злодѣя этого рода христіанскаго, истребителя. Ну, ужъ потрудился онъ надъ Москвой. Мнѣ смерть какъ хочется съѣздить дня на три поглядѣть на пепелъ московскій. Вчера получила отъ Сони — она пріѣхала въ Москву, и Волковъ. Нельзя читать ея письмо безъ слезъ. Это, сказываютъ, ужасъ смотрѣть, что наша старушка Москва стала. Кромѣ труповъ и развалинъ ничего почти нѣтъ; изъ 9000 домовъ осталось 720, въ томъ числѣ и мой домъ цѣлъ. Кромѣ околицъ, стекла всѣ выбиты отъ ударовъ, когда взле-

---

[1]) См. «Русск. Арх.», 1900, кн. 7, стр. 298, прим.

тѣлъ Иванъ Великій, то-есть караульня и церковь, которая пристроена была къ нему. Загаженъ домъ такъ, что Ѳедоръ пишетъ — надо недѣли двѣ, чтобъ его очистить: въ немъ стояли 180 собакъ, и съ ними 1-го батальона гвардіи капитанъ жилъ, и спалъ на Варенькиной постели. Въ домѣ занавѣски ободрали, вездѣ, гдѣ нашли, кожу, сукно, все содрали. Говорятъ, чужихъ мебелей натаскали, но все ободранныхъ; дроги изъ-подъ кареты взяли. Людей однакожъ не трогали, только тулупы отняли, и въ нашъ домъ приходило множество людей спасаться; говорятъ, слишкомъ 1000 человѣкъ жило всякаго рода, и всѣ остались живы и здоровы. Вотъ сейчасъ опять Архарова прислала сказать, что еще есть пріѣзжій изъ арміи, сынъ ихъ хозяйки, который тоже тебя видѣлъ. Что это за чудо, всѣ тебя видятъ, а писульки нѣтъ, какъ нѣтъ. Прости, Христосъ съ тобой, мой милый другъ Гриша, сохрани тебя Господь Богъ. Объ Пашѣ я къ тебѣ ужъ не пишу».

Она дѣйствительно не утерпѣла, и недѣлю спустя отправилась налегкѣ въ Москву, взявъ съ собой одну Наташу. 29 ноября она пишетъ оттуда: «Милый другъ Гриша, голубчикъ мой родной, я пріѣхала на недѣлю въ Москву изъ Нижняго, чтобы видѣть Соню и Волкова. Ѣхала съ тѣмъ, чтобы прожить два дня, вмѣсто того прожила 8 дней. Завтра непремѣнно ѣду назадъ въ Нижній, чтобы забрать всѣхъ своихъ, и недѣли черезъ три пріѣду на житье въ Москву, несчастную и обгорѣлую. Домъ мой цѣлъ, но эдакъ быть запачкану, загажену, — однимъ словомъ, хуже всякой блинной. Въ немъ

стоялъ гвардейскій капитанъ и 180 рядовыхъ, стѣны всѣ въ гвоздяхъ, стекла, рамы — все изломано, перебито; но всего страннѣе, что они оставили зеркала, ни одного не разбили. Какъ я нашла домъ, то войти нельзя — да это ужъ, говорятъ, вычищено; Волковъ былъ тотчасъ послѣ этихъ поганцевъ — на полу вѣрно была четверть грязи, и все шишками, какъ будто на большой дорогѣ осенью замерзло; окошки, рамы, стекла, все это вылетѣло вонъ отъ подрывовъ, которые были этими злодѣями сдѣланы въ Кремлѣ. И такъ, однимъ словомъ сказать, они древнюю столицу сдѣлали, что въ грошъ ее не поставили, камня на камнѣ не оставили».

Марья Ивановна возвращалась въ Нижній съ намѣреніемъ къ Рождеству перевезти свою семью въ Москву. Но въ Нижнемъ она застала бѣду: Сергѣй былъ тамъ — и въ тифѣ; очевидно, онъ заболѣлъ въ лагерѣ и былъ отпущенъ къ роднымъ. За этой бѣдой пошла ихъ вереница: едва Сергѣй началъ поправляться, заболѣла тифомъ младшая дѣвочка, Саша, а за нею и 20-лѣтняя Наташа; старшая изъ дочерей, вдова Варвара Александровна, еще въ Москвѣ начала терять голосъ и покашливать, — теперь ея состояніе ухудшилось, она явно была тяжело больна, хотя и на ногахъ. Марья Ивановна надолго застряла въ Нижнемъ. Отъ Григорія письма приходили теперь еще рѣже прежняго. Дохтуровъ устроилъ ему переводъ въ гвардію, въ Литовскій полкъ[1]), и онъ былъ со своимъ полкомъ въ Германіи. Въ

---

[1]) «Письма Д. С. Дохтурова къ его супругѣ», «Русск. Арх.», 1874, I. стр. 1114.

концѣ января (1813 г.) Марья Ивановна пишетъ ему: «Милый другъ, Гриша, голубчикъ мой, ни одно письмо твое мнѣ не сдѣлало такой радости, какъ это. Я его получила вчера съ кн. Сергѣемъ Оболенскимъ. Не ожидала, мой родной, знать объ тебѣ; кн. Наталья мнѣ его привезла, я ее расцѣловала и отъ радости плакала, читавши твое письмо; я полагала, что я объ тебѣ и Богъ знаетъ когда получу, — спасибо, мой милый, что ты съ нимъ написалъ. Я все еще въ Нижнемъ, который мнѣ такъ несносенъ, какъ преисподняя какая; въ нуждѣ живу, въ мерзкой квартирѣ, трое умирали горячками, Наташа была безо всякой надежды, Сережа тоже, и Саша, но теперь, по милости Божіей, они всѣ уже здоровы; Наташа вчера изволила выступать на балъ къ вице-губернатору (т.-е. къ упомянутому выше А. С. Крюкову), который здѣсь имѣетъ субботы, гдѣ всѣ эмигранты московскіе отличаются, и мы въ первый разъ выступили съ ней». Она пишетъ, что хочетъ на-дняхъ подняться всей семьей въ Москву.

И въ этомъ же письмѣ пишетъ по-французски больная Варвара. Это — ея единственное письмо въ нашемъ собраніи, и, вѣроятно, вообще единственное, что отъ нея уцѣлѣло. Варварѣ Александровнѣ было 28 лѣтъ, она рано овдовѣла и передъ самымъ нашествіемъ французовъ на Москву была вторично помолвлена за князя Владиміра Михайловича Волконскаго, уже пожилого. Свадьбу отсрочили изъ-за московской бѣды, которую Волконскій пережидалъ въ своей казанской усадьбѣ; но свадьбы не будетъ

— невѣста умирала отъ горловой чахотки. Современница говоритъ: «Варвара Александровна была прекрасна собой: высокая ростомъ, статная, стройная, величественной осанки, и имѣла замѣчательно пріятные глаза»[1]). Это письмо ея къ брату женственно-нѣжно въ своей задушевной грусти и шуткѣ, даже въ самомъ почеркѣ, который необыкновенно красивъ. И вотъ все, что осталось отъ ея земного существа, одинъ этотъ листокъ! Но въ немъ она еще и теперь жива, въ немъ не остыла живая теплота ея чувства. Развѣ это не чудо? Каждое чувствованіе человѣка и каждая мысль есть въ своемъ воплощеніи какъ бы дивный организмъ, — и этотъ организмъ безсмертенъ; время можетъ разбить только его матеріальную форму, но не властно расторгнуть или сдѣлать не бывшимъ неповторяемый строй чувствъ и идей, который мгновенно и разъ навсегда возникъ въ душѣ человѣка. Поэтому все золото, какое есть на землѣ, не можетъ уравновѣсить цѣну этого бѣднаго листка почтовой бумаги, бережно несущаго чрезъ вѣка безсмертную жизнь сознанія. Тѣ прекрасные глаза закрылись сто лѣтъ назадъ, но ихъ бархатный взглядъ все свѣтитъ намъ, какъ лучи давно угасшихъ звѣздъ. Такъ и тѣлесный обликъ человѣка давнымъ-давно умершаго живетъ еще глубокой жизнью для дальняго потомка, мгновенно схваченный художникомъ. Объ этомъ говоритъ Я. Полонскій въ его недавно найденномъ стихотвореніи:

---

[1]) Благово, «Разсказы бабушки», стр. 183.

Къ портрету М. И. Лопухиной

Она давно прошла, и нѣтъ уже тѣхъ глазъ
И той улыбки нѣтъ, что молча выражали
Страданье — тѣнь любви, и мысли — тѣнь печали,
Но красоту ея Боровиковскій спасъ.

Такъ часть души ея отъ насъ не улетѣла,
И будетъ этотъ взглядъ и эта прелесть тѣла
Къ ней равнодушное потомство привлекать,
Уча его любить, страдать, прощать, молчать.

Она пишетъ: «Какъ есть тоска по родинѣ, такъ я жажду видѣть насъ всѣхъ вмѣстѣ, особенно тебя и Павла, о которыхъ мы такъ безпокоимся. Чего не дала бы я, чтобы обнять васъ! И, наконецъ, я согласилась бы еще дольше терпѣть ваше отсутствіе, если бы мы могли быть спокойны на вашъ счетъ и если бы намъ не приходилось дрожать за вашу жизнь. Мой милый другъ, береги себя, ради Бога! Здѣсь говорятъ, что въ арміи свирѣпствуетъ горячка, — будь остороженъ, носи при себѣ камфору. Нѣтъ, я вижу отсюда, что ты ничего этого не будешь дѣлать. Мы все еще въ этомъ противномъ Нижнемъ, и я все еще больна. Я была сипла, когда мы видѣлись въ Москвѣ; по пріѣздѣ сюда я совсѣмъ потеряла голосъ. Говорятъ, что онъ парализованъ; я бы теперь понравилась тебѣ, — меня едва слышно, и я была бы неспособна спорить съ тобою. Притомъ у меня очень болитъ горло и я сильно кашляю. Врачи теряютъ голову, не могутъ понять мою болѣзнь и не оказываютъ мнѣ никакой помощи.

Ты будешь смѣяться до упаду, когда я скажу тебѣ, что Мудровъ и Шмицъ, которыхъ я позвала на консиліумъ, начали-было лѣчить меня — угадай, отъ чего? — отъ дурной болѣзни. Вотъ до чего я дошла, какія предположенія обо мнѣ возникаютъ. Но успокойся, милый другъ, ртуть, которую они мнѣ давали, сдѣлала мнѣ только вредъ, и теперь говорятъ, что я больна отъ чрезмѣрной добродѣтели; другіе думаютъ, что у меня чахотка, хотя у меня тотъ же цвѣтъ лица, какъ при тебѣ, а итогъ ихъ пустословья тотъ, что они обѣщаютъ мнѣ выздоровленіе лѣтомъ. Я тоже думаю, что тепло и нѣкоторая доля спокойствія вернутъ мнѣ здоровье, безъ котораго непріятно жить. Поэтому и ты береги себя, милый другъ, и пусть Богъ сохранитъ тебя и успокоитъ насъ насчетъ Павла; этого я прошу у него больше, чѣмъ здоровья для себя».

Изъ писемъ родныхъ видно, что она слабѣла все больше и больше. Въ февралѣ ее началъ лѣчить какой-то новый врачъ, и его лѣченіе принесло ей на первыхъ порахъ видимую пользу; это заставило Марью Ивановну послѣ выздоровленія младшихъ дѣтей снова отсрочить переѣздъ въ Москву: думали, что этотъ врачъ ее вылѣчитъ. Такъ съ ноября отъѣздъ изъ Нижняго то рѣшался, то откладывался. 14 февраля Марья Ивановна пишетъ: «Я 18 отсюда ѣду въ Москву. Папенька уже пріѣхалъ и Соня переѣзжаетъ тоже къ намъ въ домъ со всѣмъ потрохомъ и очень будетъ пріятно жить, кабы да тебя хотя на мѣсяцъ отпустили поглядѣть на тебя, мой голубчикъ. Да, кажется, до этого и не доживемъ,

чтобъ увидѣться. Господи, когда мы услышимъ конецъ всѣмъ этимъ весельямъ. А у насъ здѣсь столько вездѣ больныхъ, что ужасъ, — даже, говорятъ, и въ Петербургѣ; тамъ, кажется, и войны не было, плѣнныхъ тоже не возятъ, а болѣзней пропасть. Обѣими руками перекрещусь, какъ выѣду изъ Нижняго. Несносный и мерзкій городъ».

Ей пришлось еще долго прожить въ Нижнемъ. А въ Москвѣ въ ея домѣ съ начала февраля жилъ старикъ, Александръ Яковлевичъ, и Софья Волкова съ дѣтьми, для которой домъ ея свекрови оказался слишкомъ тѣсенъ. Григорій очень рѣдко писалъ отцу, отецъ тревожился о немъ, а о Павлѣ прямо говорилъ: «я его въ живыхъ не считаю». Софья писала Григорію: «Насъ всѣхъ увѣрили, что онъ въ плѣну, и болѣе ничего не знаемъ», и снова, и снова просила его найти способъ узнать о мѣстѣ пребыванія Павла и снестись съ нимъ: «Ты знаешь, какой онъ сумасшедшій. Онъ теперь можетъ быть думаетъ, что насъ никого на свѣтѣ нѣтъ». Изъ Москвы написалъ Григорію и отецъ, поздравляя съ переводомъ въ гвардію и пеняя за лѣнь въ писаніи писемъ: «Благодарю тебя за письмо, которое тѣмъ для меня пріятнѣе, что я еще съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, первое отъ тебя получилъ. Но съ сими словами кончится мое неудовольствіе и я тебѣ прощаю за твое хорошее поведеніе, ибо я имъ очень доволенъ». А въ другомъ письмѣ онъ писалъ: «Все то, что до меня доходитъ, тебѣ дѣлаетъ честь, а мнѣ, ты чувствуешь, какое удовольствіе; будь всегда честенъ, твердъ, справедливъ и храбръ».

Въ мартѣ Марья Ивановна опять пріѣзжала въ Москву на нѣсколько дней, чтобы видѣться съ мужемъ и съ Волковыми. Ея письма къ сыну становились все плачевнѣе. Неизвѣстность о немъ ее терзала; получивъ отъ него послѣднее письмо отъ 23 декабря 1812 г., она въ срединѣ слѣдующаго марта еще не имѣла дальнѣйшаго извѣстія о немъ. «Когда будетъ счастливая минута въ жизни, что я тебя увижу, мой милый! Истинно бываютъ минуты отчаянія... Сдѣлай божескую милость, мой голубчикъ, хотя словечко объ себѣ напиши, гдѣ ты, что ты. Никакого извѣстія; ты легко можешь себѣ представить, каково мнѣ, мой другъ Гриша, ничего не знать». Ее мучитъ страхъ, чтобы онъ не заболѣлъ горячкой (т.-е. тифомъ), которой такъ много въ арміи, и она умоляетъ его беречься, не жить съ больными, искать способа удаляться отъ нихъ; «куда тяжело: отъ пули избавишься и горячкой умрешь».

Въ апрѣлѣ Волкова писала Григорію, что Варвара очень плоха: она почти уже не можетъ глотать пищи, потому что это причиняетъ ей сильную боль. Надежда на новаго врача не оправдалась. Въ первыхъ числахъ іюня Марья Ивановна, наконецъ, рѣшилась перевезти дѣтей въ Москву. Варвару Александровну привезли умирающей. 10 іюня (1813) Марья Ивановна пишетъ уже изъ Москвы: «Милый другъ, Гриша, голубчикъ мой родной, какъ я довольна, что я стала немного поближе къ тебѣ. Я пріѣхала, наконецъ, въ Москву, хотя не совсѣмъ пріятно. Варенька такъ больна, что нѣтъ надежды, мой голубчикъ, ея выздоровленію. Я ужъ готова сносить

эту бѣду и затѣмъ къ тебѣ мало пишу. Истинно тебѣ говорю, тяжело и несносно, какъ эта несчастная мысль въ головѣ и въ сердцѣ поселилась. Надо сносить съ терпѣніемъ и отдаться въ святую Его волю — что Ему угодно, то и будетъ. Если послѣ этого письма въ первый разъ, что я буду къ тебѣ писать, я объ ней ничего тебѣ не скажу, то ты знай, мой другъ, что нечего ужъ болѣе объ ней говорить, какъ помнить, что она тебя любила и не мало. Болѣзнь ея — чахотка. Обо мнѣ будь покоенъ, я себя помню для васъ, мои друзья, знаю долгъ свой, что надо беречь себя и любить васъ больше себя».

Варвара Александровна умерла, очевидно, въ эти же дни. 30 іюня М. А. Волкова — та, перу которой принадлежатъ извѣстныя письма къ Ланской, напечатанныя въ «Вѣстникѣ Европы» 1874—75 гг. — уже знала въ Тамбовѣ о смерти Варв. Алекс.; въ этотъ день она писала своей подругѣ: «Ты вѣрно слышала, что дочь Корсаковой, Ржевская, умерла. Жизнь ея была незавидная; вѣрно ей хорошо въ томъ мірѣ. Если ужъ она не въ раю, то какъ же намъ надѣяться туда попасть?»[1]). Похоронили Варвару Александровну въ имѣніи Корсаковыхъ, въ Николо-Пѣшношскомъ монастырѣ (Дмитровскаго уѣзда, Моск. губ.), гдѣ двадцать лѣтъ спустя ляжетъ рядомъ съ нею и мать. Годъ спустя, т.-е. въ 1814 г., Марья Ивановна, перечисляя свои потери за время войны, писала: «Можетъ быть, и Варенька была бы жива, если бы не такія несчастныя тогда были обстоятельства: докторовъ нѣтъ, квартиры мерзкія,

---

[1]) «Вѣстн. Евр.», августъ, стр. 666.

потеря Паши ей тоже была чувствительна. Последнее ея слово было: Паша! — я ей показалась имъ, и послѣ этого она послѣднiй разъ дохнула въ моихъ глазахъ».

Варвара Александровна унесла въ свою могилу и позднiя, послѣднiя надежды кн. Волконскаго, который ее любилъ. Ему было въ это время уже 52 года. Е. П. Янькова, приходившаяся ему двоюродной сестрой, разсказываетъ, что смерть Варвары Александровны тяжело поразила его. Ему, говоритъ она, было еще потому особенно трудно перенести эту потерю, что онъ былъ невѣрующiй. По словамъ Яньковой, онъ былъ умный, хорошiй, очень начитанный человѣкъ; въ молодости, подъ влiянiемъ своего воспитателя, французскаго аббата-разстриги, онъ пропитался идеями Вольтера и Руссо, и выросъ язычникомъ. Она разсказываетъ, что на ея совѣты молиться о душѣ Варвары Александровны, онъ отвѣчалъ:

— Не умѣю молиться; и зачѣмъ это? Она умерла.

Однако, говоритъ она, «послѣ смерти своей невѣсты онъ сталъ полегче: ему хотѣлось вѣрить, что она не умерла, и что съ ея смертью не все кончилось между нимъ и ею». Много лѣтъ спустя онъ, по словамъ Яньковой, таки обратился на путь вѣры. Покупая у старика на Сѣнной площади два воза сѣна, онъ захотѣлъ и самъ свѣситься на сѣнныхъ вѣсахъ; но мужичокъ пристыдилъ его: «Мы съ тобой старики, насъ вонъ гдѣ съ тобой будутъ вѣшать», и показалъ на небо. Старый вольтерьянецъ саркастически усомнился, есть ли тамъ и вѣсы, а

мужикъ отвѣтилъ ему не столь оригинально, какъ резонно: «Какъ умремъ, я-то въ накладѣ не буду, а тебѣ какъ бы не прогадать». Послѣ этого Волконскій, по совѣту Яньковой, поѣхалъ къ митрополиту Филарету и долго съ нимъ говорилъ; на слѣдующій день пришелъ къ нему отъ митрополита протоіерей Троицкой церкви, что на Арбатѣ, и кончилось тѣмъ, что вольтерьянецъ исповѣдался и причастился и съ тѣхъ поръ соблюдалъ посты, посѣщалъ храмъ Божій и ежегодно говѣлъ[1]). Кн. Волконскій пережилъ свою невѣсту на 32 года и умеръ восьмидесяти четырехъ лѣтъ (въ 1845 году[2]). И онъ, старый, легъ рядомъ со своею матерью, въ московскомъ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ. Его мать была урожденная тоже Римская-Корсакова.

---

[1]) Д. Благово, «Разсказы бабушки», стр. 183—184, 445—447.

[2]) Род. 1761, ум. 1845.

IV

Мы нескромно читаемъ письма давно-умершихъ людей, и вотъ мы вошли въ чужую семью, узнали ихъ дѣла и характеры. Что же? вѣдь нѣтъ дурного въ томъ, чтобы узнать и полюбить. И застали мы ихъ въ дни скорби всяческой — мать, терзаемую тревогами, угасающую цвѣтущую жизнь, всю семью въ изгнаніи: тутъ-то и легко рождается сердечное участіе къ людямъ. А съ ними мы выходимъ на широкую арену исторіи, личное участіе къ нимъ дѣлаетъ насъ какъ бы современниками историческихъ событій, потому что ихъ семейныя невзгоды, въ которыхъ мы ихъ застаемъ, такъ непосредственно связаны съ исторіей эпохи, т.-е. съ нашествіемъ Наполеона, что вмѣшательство общихъ силъ въ жизнь личную становится здѣсь особенно нагляднымъ. Художникъ-писатель, задумавъ историческій романъ, избираетъ фабулой жизнь нѣсколькихъ заурядныхъ людей, такъ или иначе вовлекаемыхъ въ круговоротъ, историческихъ событій; на ихъ настроеніяхъ и судьбѣ онъ въ образахъ показываетъ, какъ дѣйствовалъ разразившійся

вихрь, и, слѣдовательно, каковы были его составъ, направленіе и сила. Въ судьбѣ Мироновыхъ и Гринева Пушкинъ представилъ картину Пугачевщины, Толстой — Отечественную войну въ судьбѣ семьи Ростовыхъ, Болконскаго и Безухова; и таковы всѣ замѣчательныя историческія повѣствованія — «Обрученные» Манцони, «Германъ и Доротея» и пр. «Событіе» эпохи не только возникаетъ изъ мелочей, изъ тончайшихъ индивидуальныхъ частицъ, какъ доказывалъ Толстой въ «Войнѣ и мирѣ; оно также само дробится на милліоны частичныхъ эпизодовъ: на переломы въ судьбѣ множества отдѣльныхъ лицъ, на безчисленныя семейныя потрясенія, и пр. и пр. — и въ каждомъ изъ такихъ эпизодовъ для умѣющаго видѣть отражается весь составъ «событія». Какъ пушечное ядро изслѣдуется не только на силу своего разрыва, но и по характеру пораненій, причиняемыхъ его осколками, такъ всякая историческая катастрофа опредѣляется двумя признаками: широтою ея соціальнаго захвата, и особенностью ея воздѣйствія на отдѣльную личность, на семью — ячейку общества, на отдѣльныя группы населенія, и т. д. Эта вторая задача историка, по преимуществу психологическая, сходна съ работой художника; но въ то время, какъ писатель-художникъ, исходя изъ своего цѣлостнаго пониманія эпохи, творчески-субъективно реконструируетъ чувства и мысли современниковъ событія, историкъ обязанъ строго слѣдовать фактамъ и ими ограничиваться. Онъ не воображаетъ — онъ только разсказываетъ: изъ дневниковъ и переписки своихъ

героевъ онъ бережно возсоздаетъ картины ихъ настроеній въ ходу дѣйствительныхъ событій ихъ жизни, и отрывки изъ ихъ писемъ служатъ въ его повѣствованіи той же цѣли, какъ разговоры въ романѣ: непосредственно ввести читателя въ тѣ настроенія дѣйствующихъ лицъ, дать ему возможность слышать ихъ голосъ и манеру ихъ рѣчи. И надо сказать: иной отрывокъ стариннаго письма бываетъ такъ ярокъ психологически и такъ насыщенъ духомъ времени, какъ едва ли можетъ быть разговоръ между выдуманными людьми даже въ самомъ лучшемъ историческомъ романѣ. Что̀ здѣсь въ особенности драгоцѣнно, это подлинная реальность чувства и рѣчи. У Григорія Римскаго-Корсакова были въ полку два закадычныхъ друга, такіе же кутилы, какъ и онъ: Сергѣй Нелединскій-Мелецкій, единственный сынъ извѣстнаго писателя Юрія Александровича Н.-М., и Петръ Нащокинъ; всѣ они были изъ богатыхъ семействъ, — Ко́рсакову безпрестанно пересылаютъ изъ дому изрядныя деньги, все по 90 дукатовъ (1000 рублей). Корсаковъ, какъ уже сказано, рѣдко писалъ домой, и тѣмъ причинялъ роднымъ жестокія безпокойства. Его пріятели были, вѣроятно, не лучше, судя по тому, что Ю. А. Нелединскій придумалъ хитрый способъ обезпечивать своей больной женѣ всегда свѣжія и регулярныя письма отъ сына: по его требованію, сынъ во время похода присылалъ домой каждый разъ по два письма, одно на имя матери, другое — запасное, безъ даты, на имя отца; въ каждомъ такомъ запасномъ письмѣ должно было быть строкъ 10 или

15 въ осьмушку — «и довольно. Да въ концѣ Софьѣ (сестрѣ) два слова. Тому, сему поклоны, и содержаніе письма, чтобы всегда означало, что ты проводишь время въ пріятности. О походахъ ей разсказывать не зачѣмъ, лишь бы я зналъ гдѣ ты; такъ ея письма будутъ мной всегда туда адресованы»[1]). Въ маѣ 1813 года Петръ Нащокинъ, оставшійся въ Москвѣ, пишетъ Григорію Корсакову, который подвигался тогда вмѣстѣ со всѣмъ своимъ корпусомъ на Западъ:

«Стыдно, сударь, стыдно; тебя-то еще больше надо бранить, да даже и разстрѣлять. Какъ можно — пишетъ домой, ну что-бы къ Щекендронову (очевидно, шутливая кличка самого Нащокина) хоть строчку, по крайней мѣрѣ извѣстить, дали-ли что. Нѣтъ, избаловался ты безъ меня. Сейчасъ былъ у Волкова, чтобы ихъ извѣстить, что есть оказія, и твоя сестра хотѣла писать и прислать ко мнѣ письма. Сказывали мнѣ, что къ тебѣ послали деньги. Ну сдѣлай же одолженіе, съ этимъ курьеромъ, какъ поѣдетъ назадъ, то, если прежде не будетъ оказіи, хоть съ нимъ все напиши, что вы дѣлаете. Что же здѣсь дѣлается, то я Нелединскому писалъ. Да скажи ему, что его мать умерла. Ты адресуй письма къ себѣ въ домъ, а уже тамъ мнѣ доставятъ. Цѣлую тебя и остаюсь навсегда другъ твой Петръ Нащокинъ».

---

[1]) «Хроника недавней старины» изъ архива кн. Оболенскаго - Нелединскаго - Мелецкаго, СПБ. 1876 г., стр. 122.

Этотъ безшабашный тонъ, и вмѣстѣ мягкость, эта рыцарская дружественность, и несомнѣнное легкомысліе, это будто мимоходомъ брошенное извѣстіе о смерти матери Нелединскаго, — самъ Толстой въ «Войнѣ и мирѣ» могъ бы гордиться такимъ превосходнымъ портретнымъ письмомъ.

Пора вернуться къ разсказу, отъ котораго мы, впрочемъ, не слишкомъ удалились. Это письмо 1813 года возвращаетъ насъ ко времени печальнаго пріѣзда Марьи Ивановны въ Москву и смерти Варвары Александровны. М. А. Волкова, вернувшаяся въ Москву въ серединѣ октября 1813 года, чрезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ писала своей подругѣ, что видѣла семейство Корсаковыхъ, грустное, въ траурѣ, что всѣ они хвораютъ. Горе посѣтило не одну Марью Ивановну; та же Волкова пишетъ, какъ ей грустно ѣздить съ визитами: гдѣ плачутъ о недавнихъ потеряхъ, гдѣ терзаются страхомъ за живыхъ; ей пришлось посѣтить въ первые же дни четыре знакомыхъ семейства: въ каждомъ изъ нихъ было по сыну убито, а остальные на войнѣ[1]). Марьѣ Иьановнѣ французское нашествіе стоило сына и дочери. Она еще долго мучилась мыслью о Павлѣ; еще въ февралѣ 1814 г. она проситъ Гришу похлопотать, чтобы узнать что-нибудь о Пашѣ, но въ ея словахъ звучитъ безнадежность, да она и сама говоритъ, что въ душѣ своей считаетъ его погибшимъ, а все же иногда приходитъ надежда, авось-либо онъ живъ. Впослѣдствіи она писала: «Бѣдный и не-

[1]) «Грибоѣдовская Москва», «В. Евр.», 1874, сентябрь, стр. 141.

счастный Паша! Съ первой минуты я увѣрена была, что онъ легъ на Бородинскомъ полѣ, а не у французовъ въ рукахъ. Знавши его нравъ, минуты нельзя остановиться и полагать его плѣннымъ».

Но время лѣчитъ раны заботами новыхъ дней. Первый же наступающій день своими мелочными нуждами спугнетъ торжественность первоначальной скорби, и вотъ уже она слегка покрылась пепломъ, какъ тлѣющій уголь; такъ съ каждымъ днемъ все глуше боль, и стынетъ жгучее воспоминаніе. У Марьи Ивановны оставалось еще шестеро, Григорій былъ въ огнѣ и не писалъ по три, по четыре мѣсяца; Наташу сватали[1]), надо было возстановлять разоренный французами домъ. Но со смерти дочери всю вторую половину года Марья Ивановна хворала, — ея болѣзнь называли по тогдашней терминологіи нервической лихорадкой, — она стала, по ея собственнымъ словамъ, «худа, стара, подъ бородой какъ сморчокъ».

А тутъ ее подстерегала новая бѣда, тамъ, гдѣ она меньше всего ее ожидала. Съ самаго начала войны она благословляла судьбу за то, что Гриша, свѣтъ ея глазъ, попалъ къ доброму и заботливому о своихъ офицерахъ Дохтурову. Вдругъ, въ январѣ 1814 года, Гриша пишетъ, что онъ отчисленъ Дохтуровымъ отъ штаба и переведенъ въ полкъ за участіе въ какой-то дуэли Нелединскаго-Мелецкаго, а пріѣзжіе съ нѣмецкаго театра войны разсказали, что эта мѣра была вызвана нестерпимыми кутежами и проказами Гриши. Изъ Москвы понеслись

---

[1]) Тамъ же, стр. 130

къ блудному сыну отчаянные вопли. Писали всѣ — отецъ, мать, сестра Софья Волкова, — каждый сообразно своему характеру, но всѣ согласно винили во всемъ его дружбу съ Нелединскимъ. Мать изливалась въ жалобахъ и упрекахъ. Она уже полгода тяжело больна, а на второй день Рождества была даже при смерти, такъ что призывала священника; и все это — нервы, все изъ-за дѣтей. Получивъ его письмо, она два дня плакала и до сихъ поръ не можетъ удержать слезъ, какъ вспомнитъ, что онъ уже не при Дохтуровѣ; а виновата во всемъ его компанія съ Нелединскимъ, который пьяница, бреттеръ, радъ всякаго въ рожу, не разбирая чиновъ; эта дружба не доведетъ Гришу до добра, да и самому Нелединскому не сносить головы. Участіе Гриши въ дуэли она не ставитъ ему въ большую вину, но его образъ жизни, его шалости, гадкіе слухи о немъ — вотъ что ее терзаетъ; теперь пусть попробуетъ, каково быть рядовымъ поручикомъ, валяться на бивуакахъ, быть въ караулѣ, а иногда и безъ обѣда; а къ тому еще срамъ: отъ генералъ-аншефа въ полкъ отосланъ, — никто же не повѣритъ, что за хорошія дѣла. Словомъ, этотъ ударъ ее сразилъ; она непремѣнно умретъ, если Гриша не исправится. «Если еще въ тебѣ есть капля любви ко мнѣ, — у ногъ твоихъ лежу со слезами и прошу тебя, чтобы ты перемѣнился». Марья Ивановна была хороша съ женою Дохтурова и иногда навѣщала ее; отъ нея вѣрно она и узнала истинную причину опалы, постигшей Гришу; въ письмѣ она ссылается на свѣдѣніе, идущее отъ самого Дохтурова, что онъ нѣ-

сколько разъ арестовывалъ Гришу и Нелединскаго, но не могъ ихъ унять.

Коротко и твердо писалъ отецъ: «Никогда неожидаемое мною извѣстіе о твоемъ поведеніи, за которое ты и наказанъ покровителемъ твоимъ и милостивцемъ, утверждаетъ меня еще больше въ истинѣ худыхъ дѣлъ твоихъ, когда ты уже и сего добрѣйшаго человѣка довелъ до такого строгаго противъ тебя поступка. Ежели столько чувствительные материнскіе уговоры и просьбы, которая у ногъ твоихъ проситъ ея помилованья, не заставятъ тебя перемѣниться, то отецъ твой оставляетъ тебя съ закоснѣлыми въ мерзостяхъ твоими друзьями и забываетъ, что онъ имѣлъ сына. Я ожидаю отвѣта твоего и чистѣйшаго, чистосердечнаго признанія во всемъ».

Наконецъ, письмо сестры, Софьи Александровны, вперемежку по-французски и по-русски, исполнено прописныхъ нотацій. Она жалѣетъ брата, что онъ навлекъ на себя гнѣвъ столь превосходныхъ родителей; но этотъ гнѣвъ имъ заслуженъ, ибо онъ, Гриша, чего она никогда отъ него не ожидала, забылъ свой долгъ предъ ними, предъ Богомъ и даже обществомъ. Во всемъ виною его дружба съ человѣкомъ, который лишенъ принциповъ и не знаетъ ничего священнаго; этой связью онъ погубитъ свою репутацію и свою карьеру, убьетъ «папеньку, маменьку» и пр. Далѣе слѣдуютъ призывы быть хорошимъ христіаниномъ и воздерживаться въ своихъ страстяхъ, а въ частности — немедленно покаяться папенькѣ и маменькѣ во всѣхъ своихъ преступле-

ніяхъ. Софья, какъ и мать, находила въ этой исторіи только одну хорошую сторону — что переводъ Гриши въ полкъ разлучаетъ его съ Нелединскимъ. Отчаяніе Марьи Ивановны, повидимому, не въ малой степени было вызвано страхомъ за новое, непривилегированное положеніе Гриши: она безъ ужаса не могла представить себѣ его несущимъ всѣ обыкновенныя тяготы рядового офицерства. Военную службу для своего сына она понимала только въ условіяхъ того комфорта и блеска, которые были традиціонны для мужчинъ ея круга. Поэтому первою ея мыслью по полученіи Гришинаго письма было принять соотвѣтственныя мѣры, и въ томъ же ея слезномъ письмѣ есть такая приписка: «Я просила Волкова, чтобы онъ написалъ къ шефу твоему, господину Удому, чтобы онъ тебя не оставилъ. Потомъ тоже Волковъ напишетъ къ Булгакову (К. Я.), который при государѣ императорѣ, и я къ тебѣ иначе писать не стану, какъ черезъ Булгакова».

Еще прежде, чѣмъ это тройственное письмо изъ дому дошло до Григорія, онъ по собственному почину, вдогонку за первымъ своимъ письмомъ, подробно описалъ родителямъ исторію той дуэли Нелединскаго. Это чистосердечное и добровольное объясненіе примирило съ нимъ родителей; они признали, что его участіе въ дуэли не было проступкомъ, — только отецъ возразилъ, что это не могла быть affaire d'honneur, потому, что, сколько онъ знаетъ, un polisson не можетъ имѣть une affaire d'honneur. О своемъ поведеніи вообще Григорій не писалъ ни слова; поэтому и родители, и Софья въ

своихъ отвѣтныхъ письмахъ, хотя уже и безъ слезъ и упрековъ, продолжали требовать отъ него подробной исповѣди. Исповѣди онъ, конечно, не написалъ, да тѣмъ дѣло и кончилось. Армія углублялась все дальше на западъ, приближаясь къ Парижу, онъ попрежнему рѣдко писалъ, и письма шли долго.

V

«Европа спасена, народы освобождены, тиранъ обезоруженъ, и утомленное человѣчество ожидаетъ всеобщаго мира, какъ мореплаватель послѣ бурь и крушеній, претерпѣнныхъ имъ на грозномъ океанѣ, ждетъ тишину и пристань». Такъ писалъ въ концѣ апрѣля 1814 года безыменный московскій публицистъ[1]). Парижъ былъ взятъ, Наполеонъ въ плѣну, — Москва ликовала. 13 апрѣля курьеръ изъ Петербурга привезъ въ Москву первое извѣстіе о занятіи Парижа, 17-го прибылъ графъ Васильевъ, присланный Александромъ спеціально для оповѣщенія Москвы о радостномъ событіи. Начался длинный рядъ празднествъ въ Первопрестольной. 23 апрѣля при громадномъ стеченіи народа служили въ Кремлѣ благодарственное молебствіе; въ слѣдующіе три дня звонъ колоколовъ не умолкалъ по городу съ утра до вечера, а по вечерамъ всѣ три дня городъ былъ пышно иллюминованъ. 24-го московское дворянство, частью по случаю взятія Парижа, частью въ изъявленіе своей благодарности государю, прислав-

---

1) «Вѣстн. Евр.», 1814 г., май, № 9, стр. 72.

шему незадолго предъ тѣмъ 150.000 руб. на исправленіе дома Благороднаго собранія, устроило въ этомъ собраніи великолѣпный балъ, гдѣ, между прочимъ, хоръ пѣвчихъ подъ музыку оркестра исполнялъ Польскій, сочиненный на этотъ случай:

Вѣсть громчайшая несется
На крылахъ съ бреговъ Невы;
Радость нова въ души льется
Къ оживленію Москвы,
и т. д.

25 апрѣля было торжественное собраніе московскаго университета — рѣчи, стихи, музыка и пр. 26-го Позняковъ угощалъ Москву маскарадомъ — и тутъ гремѣлъ хоръ:

Богъ и слава съ нами, съ нами!
Вѣстникъ къ намъ Царевъ доспѣлъ:
Орлими махнувъ крылами,
Россъ въ вѣнцахъ въ Парижъ взлетѣлъ...

Затѣмъ наступилъ перерывъ въ торжествахъ. Они возобновились 10 мая концертомъ въ домѣ С. С. Апраксина, даннымъ артистами московскаго императорскаго театра; пѣлись — тріо «Кто бѣднымъ милости творитъ», аріи изъ «Русалки», пѣсня «къ Царю-Батюшкѣ» и т. п. 13 мая Позняковъ далъ въ своемъ домѣ спектакль въ пользу русскихъ воиновъ, раненыхъ подъ стѣнами Парижа, гдѣ актриса ухитрилась въ комедію «Оборотни, или Споръ до слезъ, а объ закладъ не бейся» вставить куплеты

на торжественный въѣздъ Александра въ Парижъ. Наконецъ, 19 мая московскіе дворяне устроили грандіозное празднество въ домѣ Полторацкаго, у Калужскихъ воротъ[1]). Программу этого праздника наша Марья Ивановна заранѣе сообщала въ письмѣ своему Гришѣ. Къ этому времени Корсаковы, повидимому, уже оправились отъ горя и тревогъ. 14 мая Марья Ивановна писала сыну:

«Всевышній сжалился надъ своимъ твореніемъ и наконецъ этого злодѣя сверзилъ. У насъ, хотя Москва и обгорѣла до костей, но мы на радости не унываемъ, а торжествуемъ изъ послѣднихъ копѣекъ. Въ собраніи былъ маскарадъ, члены давали деньги; купцы давали маскарадъ, Позняковъ далъ маскарадъ-театръ. И каково-же, что черезъ полтора года мы торжествуемъ тутъ, гдѣ французы тоже играли комедію, на Позняковомъ театрѣ. Эта мысль была всеобщая, и когда государю пѣли хвалу, клянусь, что мало было людей, которые бы не плакали отъ удовольствія. А 18[2]) будетъ славный праздникъ, гдѣ и твои сестрицы будутъ отличаться. Дворяне собрались и каждый далъ, что хотѣлъ, но не меньше 200 давали; собрали 25 тысячъ. Будутъ играть мелодраму; Россію играетъ Вѣрочка Вяземская, что была Гагарина, Европу играетъ Лунина

---

[1]) Свѣдѣнія о московскихъ празднествахъ 1814 г. — тамъ же, въ двухъ статьяхъ «Московскія записки» за май и іюнь, «Вѣстн. Евр.», 1814 г., ч. 75-ая, стр. 133 и д., 292 и д.

[2]) Праздникъ отложили изъ-за дурной погоды на 19-ое.

дочь, Славу — Бахметева Дмитрія Алекс. (т.-е. дочь). Мелодрама сочинена Пушкинымъ Алексѣемъ Михайл. Потомъ сдѣланъ храмъ, гдѣ поставленъ бюстъ его величества государя императора нашего, и около стоятъ народы всѣхъ націй: Софья (т.-е. Волкова) — Португалія, Наташа (Римская-Корсакова) — Англія, Шаховская — Турція, Шаховская другая — Германія, Полторацкая — Швейцарія, Высоцкая одна — Италія, другая Высоцкая — Швеція. Францію и Польшу никто не хотѣлъ представлять. Всѣ эти мамзели поютъ хоръ — безподобныя слова, — и всякая кладетъ гирлянду цвѣтовъ. Для народа — качели, лубочная комедія, фейерверкъ, иллюминація».

По свидѣтельству современной хроники праздникъ сошелъ блистательно. Пьеса А. М. Пушкина называлась: «Храмъ безсмертія», мелодрама въ трехъ лицахъ съ хоромъ Европейскихъ народовъ. Содержаніе ее было слѣдующее: Россія въ отсутствіи своего государя молитъ небо о возвращеніи Александра; къ ней является радостная Европа, освобожденная русскимъ царемъ, а за нею вслѣдъ идетъ Слава — 14-лѣтняя хорошенькая и бойкая Бахметева — и возвѣщаетъ дѣянія Александра. Вдругъ открывается сіяющій храмъ безсмертія, въ которомъ стоитъ бюстъ государя; Россія преклоняетъ колѣна, европейскіе народы окружаютъ бюстъ, Слава вѣнчаетъ его лаврами, и признательная Россія — молоденькая жена поэта кн. П. А. Вяземскаго, — вся въ брильянтахъ и золотѣ — декламируетъ плачевныя вирши Алексѣя Михайловича:

Къ нему моя любовь,
О Боже! ясно доказалась:
Лилась Россіи кровь
И грудь моя нещадно раздиралась.
Смерть зрѣла я моихъ сыновъ;
Но врагъ не наложилъ оковъ:
Къ Царю я вѣрной пребывала,
На брань младыхъ и старцевъ созывала,
И жертвуя собой,
Лишь слезы я лила, но не роптала.

За прологомъ слѣдовали балъ и ужинъ; танцы продолжались до 4 ч. утра[1]). Загородный домъ Полторацкихъ, гдѣ происходило это празднество, былъ настоящій дворецъ, съ чуднымъ садомъ. Вяземскій былъ въ числѣ главныхъ устроителей. М. А. Волкова разсказываетъ въ письмѣ къ Ланской, какъ онъ съ цѣлой депутаціей явился упрашивать ее взять на себя роль Европы; по первоначальному плану прологъ должны были пѣть, а у Волковой былъ хорошій голосъ; но она отказалась, да и вообще исполнительницъ для пѣнья не нашлось, и потому было рѣшено замѣнить пѣнье декламаціей. Волкова подтверждаетъ, что праздникъ былъ великолѣпенъ. На исполнительницахъ были платья баснословной дороговизны; платье Вяземской стоило двѣ тысячи, да брильянтовъ на ней было тысячъ на шестьсотъ; остальныя тоже были осыпаны брильянтами, и на зрительницахъ было ихъ также немало[2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 294—295.

[2]) «Вѣстн. Евр.», 1874 г., октябрь, стр. 573, 578, 581—2.

Предъ началомъ пролога произошла нѣмая сцена, не предусмотрѣнная программой. О ней разсказываетъ Вяземскій въ своей «Старой записной книжкѣ»[1]). Извѣстно, что по возвращеніи москвичей въ Москву послѣ пожара въ московскомъ обществѣ начало складываться рѣзко-враждебное настроеніе противъ Растопчина. Какъ разъ въ началѣ 1814 года эта непріязнь къ Ростопчину достигла особенной остроты. И вотъ, когда на праздникѣ въ домѣ Полторацкаго собравшихся гостей пригласили перейти въ залу, гдѣ должна была играться мелодрама Пушкина, кн. Ю. В. Долгоруковъ поспѣшно предложилъ руку матери-Волковой и первый вошелъ съ нею въ залу; за ними перешла туда вся публика, и Ростопчинъ остался одинъ. Онъ сильно обидѣлся, и распорядителямъ стоило потомъ большого труда уговорить его идти въ залу, такъ что занавѣсъ можно было поднять только въ 9 час.

---

[1]) Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 79.

VI

Весь этотъ годъ (1814) и весь слѣдовавшій за нимъ Марья Ивановна провела въ непрерывной тревогѣ о Гришѣ. Мысль о томъ, что онъ не въ штабѣ, что онъ осужденъ тянуть скучную полковую лямку, что его карьера остановлена, — эта мысль убивала ее; она боялась, что, оставшись безъ попечительнаго надзора, онъ напроказитъ пуще прежняго и окончательно погубитъ себя. А онъ въ довершеніе горя почти не писалъ ей. Почти каждое ея письмо начинается со слезныхъ упрековъ за молчаніе. Написалъ изъ Базеля 13 января, вотъ уже наступилъ май, онъ вошелъ въ Парижъ, а писемъ отъ него нѣтъ и нѣтъ. Всѣ матери въ Москвѣ получили письма отъ сыновей изъ Парижа: Олсуфьева, М. А. Волкова, Щербатова, Баранова, Строганова, — только она безъ письма. «Нѣтъ несчастнѣе меня въ мірѣ. Воля твоя, если ты живъ и здоровъ, какъ не написать двухъ словъ ко мнѣ, что ты и какъ ты? Конст. Булгаковъ, дай ему Богъ здоровья, пишетъ тотъ день, какъ вошли въ Парижъ, къ брату, — не забылъ написать объ тебѣ въ этакое время, что онъ

тебѣ деньги съ письмами отдалъ... Несчастный Паша послѣ Аустерлица на перепачканной бумажкѣ-лоскуткѣ написалъ: Я и Никола живы, запечаталъ пятакомъ; а ты, милый, теперь больше имѣешь способовъ черезъ Булгакова ко мнѣ написать, да не дѣлаешь». Въ это время еще шла война; мать, напуганная двумя потерями, дрожала за жизнь Григорія. Она пишетъ ему, что по нѣсколько разъ въ день вспоминаетъ о немъ, каждый разъ съ молитвою: «Мать, Пресвятая Богородица, помилуй его и защити его отъ злодѣя!» Поздравляя его со днемъ рожденья, она прибавляетъ: «Несносная мысль, мой другъ, Гришенька: пишу къ тебѣ, а можетъ тебя уже нѣтъ. Господи, услышь мою грѣшную молитву», и т. д. Такъ же рѣдко, разъ въ два, три мѣсяца писалъ ей Гриша затѣмъ и изъ Варшавы, гдѣ былъ водворенъ его полкъ съ середины 1814 г., для охраны вел. кн. Константина Павловича[1]); тутъ она боялась, не заболѣлъ ли онъ, не «сосланъ» ли за проказы. Деньги — по 90 дукатовъ каждый разъ — регулярно высылались ему, то съ почтою, то по оказіи, но онъ часто даже не извѣщалъ о полученіи ихъ. Онъ жилъ въ Варшавѣ съ однимъ изъ сыновей извѣстной Настасьи Дмитріевны Офросимовой, пріятельницы Марьи Ивановны; молодой Офросимовъ каждыя три недѣли писалъ родителямъ, и Марья Ивановна пеняла сыну, что только-де черезъ Офросимова она и знаетъ, «что есть эта несчастная Варшава». Пишутъ и се-

---

[1]) А. Маркграфскій, Исторія л-гв. Литовскаго полка. Варшава, 1887, стр. 97.

стры, просятъ его не лѣниться ради спокойствія матери, — ничего не помогаетъ. Марья Ивановна пробуетъ облегчить ему трудъ: «Я рѣшилась тебѣ написать форму письма, какъ тебѣ писать ко мнѣ, и отдавай эту записку въ письмо Офросимова... Форма: Я, слава Богу, здоровъ. Желаю вамъ того же. Сынъ Вашъ Григорій Р.-Корсаковъ. — Я больше ничего не желаю, какъ узнать объ тебѣ, живъ ли ты и здоровъ ли». Но и это средство не помогло.

Тѣмъ временемъ Марья Ивановна безъ устали хлопотала за сына. По ея просьбѣ К. Я. Булгаковъ проситъ кн. Алексѣя Щербатова взять Гришу въ адъютанты; по ея просьбѣ М. А. Волкова-мать пишетъ о немъ Полиньяку то самое письмо, которое, кстати, должно было напомнить ему о забытой имъ любви, и которое такъ часто поминается въ письмахъ Волковой-дочери къ Ланской; Марья Ивановна заставляетъ своего пріятеля, кстати же и вздыхавшаго о ея Наташѣ, Ф. И. Талызина, написать къ Олсуфьеву и просить его «о неоставленіи твоемъ, если съ тобой что случится несчастное». «Право, Гришенька, — прибавляетъ она, — ты бы съ нимъ (съ Олсуфьевымъ) познакомился и ходилъ бы къ Олсуфьеву. Онъ тебѣ пригодится, также и съ Кривцовымъ». На Талызина она надѣялась больше всего; онъ, пишетъ она, «нашъ вѣрный рессурсъ», т.-е. чрезъ него Гриша освободится отъ строевой службы: «онъ имѣетъ дивизію, то будемъ его просить. Ему дали второго Владиміра и въ ожиданіи быть генералъ-лейтенантомъ; онъ представленъ... Къ нему войди и потомъ онъ тебя въ адъютанты возьметъ

и будетъ тебя чаемъ поить». Поставить Гришу въ такое положеніе, чтобы начальникъ поилъ его чаемъ, — вотъ о чемъ страстно мечтаетъ Марья Ивановна. А пока это устроится, — хоть не былъ бы безъ надзора и авторитетной опоры. Она пишетъ къ кн. Петру Мих. Волконскому, «который генералъ-адъютантомъ и котораго нашъ государь жалуетъ»: онъ съ нею знакомъ и, бывши въ Москвѣ, обѣдалъ у нея; «къ князю Петру я право такое жалкое письмо написала; нельзя, чтобы онъ не сжалился надо мной». И еще — «къ князю Сергѣю писала Волконскому, что по прозванію Бехна, князь Петръ женатъ на сестрѣ Бехны». По ея просьбѣ бывшій Екатерининскій фаворитъ И. Н. Корсаковъ пишетъ Ланскому, губернатору въ Варшавѣ, «чтобы тебя тамъ не оставилъ». Она пишетъ о немъ къ А. И. Татищеву (который позже былъ военнымъ министромъ), и сыну пишетъ: «Ходи къ Татищеву. Я просила его, чтобы онъ тебя не оставилъ и къ нему прямо послала посылку». Когда генералъ-губернаторомъ въ Москву, на мѣсто Ростопчина, былъ назначенъ Тормасовъ, въ дѣятельномъ умѣ Марьи Ивановны тотчасъ сложился планъ: оба полицмейстера — ея зять Волковъ, и другой, Брокеръ, просятся въ отставку; Тормасовъ навѣрное захочетъ одно изъ этихъ мѣстъ предоставить своему любимому адъютанту Бибикову, стало быть, освободится мѣсто адъютанта при немъ; вотъ на это мѣсто и надо пристроить ея Гришу — и Волковъ берется попросить Тормасова; одно препятствіе — что отецъ, Александръ Яковлевичъ, въ прошломъ году, по такому

же случаю, писалъ ей, что ни за что на свѣтѣ не позволитъ, чтобы его сынъ былъ адъютантомъ при какомъ бы то ни было главнокомандующемъ.

Эти и всѣ другія хлопоты Марьи Ивановны о доставленіи сыну адъютантства остались безплодными. Тѣмъ усерднѣе работала она одновременно въ другомъ направленіи: она хотѣла выпросить Гришу въ отпускъ — прежде всего, разумѣется, для того, чтобы увидѣть его, но не менѣе и съ практической цѣлью, — чтобы здѣсь уговорить его выйти въ отставку изъ Литовскаго полка, и затѣмъ сызнова, при лучшихъ условіяхъ, вступить въ службу, конечно, уже не «рядовымъ» офицеромъ и по возможности въ Москвѣ. Она сильно тосковала о сынѣ. 13 мая 1814 г. поздно вечеромъ, не предупредивъ родныхъ, пріѣхалъ домой, прямо изъ только что занятаго русскими Парижа, 19-лѣтній сынъ М. А. Волковой, Николай, — братъ той Волковой, чьи письма къ Ланской, нами не разъ цитируемыя, имѣлъ въ рукахъ Л. Н. Толстой во время своей работы надъ «Войною и миромъ»: пріѣздъ Николиньки Волкова, описанный въ этихъ письмахъ[1]), безъ сомнѣнія, и подалъ ему мысль изобразить сходный пріѣздъ Николеньки Ростова. Волковъ привезъ Марьѣ Ивановнѣ письмо отъ Гриши; узнавъ о его пріѣздѣ, она въ тотъ же день поѣхала къ Волковымъ, а на слѣдующій день писала сыну: «Вотъ ужъ, милый другъ Гриша, истинно тебѣ скажу, вотъ минута была, что я крѣпко ему позавидовала. Онъ сидитъ между сво-

---

[1]) «Вѣстн. Евр.», 1874 г., октябрь, стр. 579.

ими, — не только онѣ радуются на него, — я, посторонній человѣкъ, но мнѣ тоже было пріятно и весело на душѣ моей его видѣть и слышать. Подумаешь, откуда онъ пріѣхалъ, какая даль, и всѣ дѣянія ваши! Сколько разъ человѣкъ былъ на ниточкѣ жизни, что мимо ушей пролетѣло ядеръ, пуль!»

Лишь только Гриша съ полкомъ вернулся въ Россію, въ Варшаву, Марья Ивановна начала приставать къ нему: просись въ отпускъ. Просись, писала она ему, на четыре мѣсяца, а отпустятъ на два. Она пускаетъ въ ходъ всѣ свои связи, по ея просьбѣ другіе ходатайствуютъ у вел. кн. Константина Павловича чрезъ близкихъ къ нему людей — ген. Куруту, ген. Сабанѣева. Въ октябрѣ (1814 г.) ей подвернулся счастливый случай: пріѣхалъ въ Москву герой Вязьмы, Милорадовичъ, она познакомилась съ нимъ, излила предъ нимъ свое сердце, и онъ твердо обѣщалъ устроить Гришу по ея желанію. Письмо, гдѣ она описываетъ сыну этотъ свой разговоръ съ Милорадовичемъ, стоитъ привести цѣликомъ: оно какъ нельзя болѣе картинно.

«Сюда пріѣзжалъ гр. Милорадовичъ на нѣсколько дней. Я съ нимъ ужинала у Варлама (тесть К. Я. Булгакова). Вечеромъ я съ нимъ успѣла познакомиться. Онъ такъ словоохотенъ и безъ чванства человѣкъ, что съ нимъ такъ легко познакомиться, какъ воды стаканъ выпить. На другой день кн. Сергѣй Голицынъ насъ пригласилъ на балъ, гдѣ праздновали его сіятельство, пѣли ему пѣснь. Въ теченіе вечера я съ нимъ долго рядомъ сидѣла. Слово за слово начала ему разсказывать свои несчастія,

начиная съ Бородина и кончая потерей Варенькиной, вояжъ свой въ Нижній отъ французовъ, потомъ про тебя, что ожидала тебя видѣть скоро здѣсь, но надо, чтобы я такъ несчастлива была, что тебя отправили въ Варшаву. «О, вы должны этимъ радоваться. Государь мнѣ приказалъ выбрать лучшихъ офицеровъ, чтобы послать въ Варшаву». — Радоваться, графъ, я радуюсь, но жалѣю больше, что онъ не со мной. Вотъ, графъ, вамъ стоитъ одно слово сказать, такъ вѣрно все сдѣлано. Тогда бы я вамъ при всей публикѣ до земли поклонилась. Возьмите его къ себѣ въ адъютанты. «О, послушайте, у меня есть два адъютанта, которыми я недоволенъ. Обѣщать вамъ не обѣщаю, а постараюсь. Я уже двоимъ обѣщалъ, а вамъ его пришлю. Великій князь меня жалуетъ; я къ нему напишу, чтобы отпустилъ. Если же не отпуститъ, то я пошлю другого офицера на его мѣсто, и сынъ вашъ будетъ вскорѣ у васъ». Разсказывавши свое горе на балу, я заплакала. «Вы не должны плакать и огорчаться: у васъ такія прекрасныя дѣти. Я вамъ скажу чистосердечно, что я былъ въ Парижѣ, а такую прекрасную не видалъ, какъ ваша дочь» (т.-е. Наташа). — Надо тебѣ еще сказать, что у него Аракчеевъ адъютантъ, полковникъ, который вляпался въ нашу Пенелопу (Наташа) по уши. Я дала этому адъютанту записку объ тебѣ. Онъ черезъ полчаса приходитъ ко мнѣ: «Будьте, сударыня, увѣрены, что сынъ вашъ будетъ при графѣ». И Волкову онъ тоже сказалъ: «Я графу говорилъ, онъ мнѣ сказалъ: возьмемъ, братъ, къ себѣ». Онъ этого Аракчеева очень любитъ, онъ

измайловскій. Ну, мой другъ, Гриша, я все дѣлаю, что возможно, мой голубчикъ, а объ успѣхѣ не отвѣчаю. Кажется, Милорадовичъ вѣрнѣе всѣхъ. Онъ не упустилъ мнѣ разсказать, какъ государь ему далъ команду гвардіи и почему его великій князь любитъ за дѣло, которое было подъ Шампенуазомъ. Я ему сказала: «Позвольте мнѣ вамъ черезъ письмо напомнить объ сынѣ». — «Будьте покойны, что никакъ не забуду». Онъ мнѣ страхъ полюбился, и, кажется, предобрый, а болтунъ на заказъ»[1]).

Неизвѣстно, сдержалъ ли слово Милорадовичъ, но его адъютантъ сдѣлалъ все, что было въ его силахъ. Недѣли черезъ двѣ Волковъ, зять Марьи Ивановны, получилъ письмо отъ этого Аракчеева. Оно сохранилось. «Спѣшу васъ увѣдомить, — писалъ Аракчеевъ, — и навести удовольствіе какъ вамъ, такъ и ея превосходительству, генеральшѣ Корсаковой, что объ увольненіи сына ея, лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, въ отпускъ уже послано съ курьеромъ къ его высочеству, Константину Павловичу. Исполняя свято данную мнѣ препорученность какъ отъ его сестрицы (т.-е. отъ Наташи Корсаковой), такъ и отъ васъ, долгомъ поставляю я васъ о семъ увѣдомить и просить васъ, Александръ Александровичъ, о продолженіи вашего со мною знакомства». Изъ этихъ строкъ видно, во-первыхъ, что Марья Ивановна не ошиблась на-

---

[1]) Грибоѣдовъ шутя называлъ Милорадовича: chevalier-bavard (рыцарь-болтунъ), см. «Русск. Стар.», 1874 г., іюнь, стр. 276.

счетъ чувствъ, внушенныхъ храброму полковнику ея Пенелопой, и, во-вторыхъ, что храбрый полковникъ былъ мало искусенъ въ слогѣ.

Изъ этого дѣла ничего не вышло: отпуска Гришѣ не дали, и въ адъютанты къ себѣ Милорадовичъ его не взялъ. Но неудача, казалось, только удвоила настойчивость Марьи Ивановны. Изъ ея писемъ не видно, чтобы Гриша такъ же страстно желалъ отпуска, — иначе ей не приходилось бы безпрестанно напоминать ему, чтобы просился въ отпускъ. Весь конецъ этого года она истощается въ усиліяхъ выпросить сына, и, наконецъ, въ первыхъ числахъ января 1815 г., отчаявшись, принимаетъ героическое рѣшеніе. «Мой другъ Гриша, голубчикъ мой родной, — пишетъ она 11 января, — всѣ мои просьбы объ тебѣ, теперь вижу, никакого дѣйствія не имѣютъ. Итакъ, мой милый, я рѣшилась, благословясь, написать къ великому князю отъ себя письмо прямо, и, написавши къ тебѣ, повезу на почту. Дай, Боже, чтобъ былъ успѣхъ, желаемый мной. Господи, не смѣю впередъ радоваться и полагать себя счастливой матерью». Она послала сыну копію своего прошенія, чтобы онъ зналъ, что отвѣчать, если великій князь призоветъ его къ себѣ. Прошеніе было составлено искусно, — не въ плачевномъ тонѣ, однако такъ, что всѣ ея бѣды бросались въ глаза: и потеря Павла, и смерть Варвары Александровны, и бѣгство въ Нижній-Новгородъ, и свое слабое здоровье. Она почтительно просила дать Григорію отпускъ на тотъ срокъ, какой великому князю угодно будетъ назначить. Ей казалось, что риска въ ея

поступкѣ нѣтъ. «Что жъ бѣды, если я такъ буду несчастлива, что не отпуститъ; мнѣ стоитъ одинъ трудъ написать, да за почту заплатить. А если онъ разсердится, то все, что худо можетъ случиться, — что онъ письмо броситъ въ корзину».

Легко представить себѣ, съ какимъ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ Марья Ивановна ждала отвѣта, переходя отъ надежды къ унынію. То великій князь казался ей «милостивымъ и чувствительнымъ», то ее брала дрожь при мысли, что откажетъ. Въ этомъ нервномъ состояніи она писала сыну: «Да, мой истинный другъ, для тебя, мой голубчикъ, всякаго и всякому стану подлить».

Отвѣтъ пришелъ по-тогдашнему очень скоро, 5 марта (1815), т.-е. менѣе, чѣмъ черезъ четыре недѣли. Великій князь сообщалъ, что при всемъ уваженіи къ просьбѣ Марьи Ивановны и всегдашнемъ своемъ желаніи оказывать возможное содѣйствіе своимъ подчиненнымъ «долженъ съ сожалѣніемъ моимъ, — знаю, что будетъ вамъ, какъ матери, прискорбно, — по всей справедливости сказать, что сынъ вашъ весьма неревностно, и, можно сказать, совершенно лѣниво продолжаетъ службу. Онъ даже нѣсколько мѣсяцевъ какъ рапортуется больнымъ, и я не помню, когда уже видѣлъ его на службѣ; словомъ, онъ не заслуживаетъ быть уволенъ въ отпускъ».

Марья Ивановна была какъ громомъ поражена: этого она не ожидала. 5 марта пришелъ отвѣтъ вел. князя, а 6-го она пишетъ сыну отчаянное письмо, и 8-го опять. Вопросъ объ отставкѣ отошелъ

уже на заднiй планъ: теперь она трепещетъ, какъ бы великiй князь, въ гнѣвѣ своемъ на Гришу, не сталъ его преслѣдовать, не выписалъ его куда-нибудь на линiю или въ Оренбургъ; «этого я ужъ не перенесу и не переживу этакой бѣды». Она заклинаетъ сына, чтобы онъ сжалился, если не надъ собой, то надъ нею, — чтобы берегъ себя, былъ прилеженъ къ службѣ, не сказывался больнымъ по пустякамъ, старался заслужить милость великаго князя. «Душа моя теперь ничѣмъ не наполнена, какъ совершеннымъ горемъ на твой счетъ». Отнынѣ она уже не знаетъ покоя; ей все мерещится, что съ Гришей случилась какая-нибудь бѣда, или же ей представляется, что онъ не могъ такъ долго рапортоваться больнымъ, а вѣрно у него есть злодѣи, которые оклеветали его предъ великимъ княземъ.

На ея счастье въ Москвѣ какъ разъ находился ея другъ и поклонникъ ея красивой Наташи, Ф. И. Талызинъ. Она заставила его тотчасъ написать самое настоятельное письмо (оно сохранилось въ копiи) къ его другу, генер.-маiору Н. Д. Олсуфьеву, — ближайшему фавориту в. кн. Константина; онъ заклиналъ Олсуфьева склонить милость вел. князя къ молодому Корсакову, обѣлить послѣдняго, выпросить ему отпускъ и оказывать ему покровительство, но также и написать в с ю п р а в д у. Повидимому, онъ или сама Марья Ивановна не были увѣрены въ полной непорочности Гриши. Какъ ни далека была Варшава, до нея все-таки доходили кое-какiе слухи. Такъ, незадолго до этой исторiи, въ концѣ зимы, ей разсказали, что Гриша поссорился

со своимъ батальоннымъ командиромъ и переведенъ въ другой батальонъ. Тогда она ему горько пеняла за это: одна-де надежда на отпускъ должна бы сдѣлать его скромнѣе, да и вообще ей странно, «какъ вы, господа храбрые офицеры, не понимаете, что командиръ, будь онъ хоть дубина, но его надо слушать и повиноваться». А того она не знала ни теперь, ни потомъ, что Григорій дѣйствительно былъ боленъ, и именно вслѣдствіе раны, полученной имъ на дуэли съ какимъ-то офицеромъ. Объ этомъ мы узнаемъ изъ письма къ Григорію его друга, С. Ю. Нелединскаго-Мелецкаго.

Отпуска онъ не получилъ, а тутъ недолго спустя вернувшійся съ Эльбы Наполеонъ снова замутилъ Европу. 7 апрѣля (1815 г.) Марья Ивановна смогла написать сыну лишь нѣсколько строкъ: «Милый другъ Гриша, не могу много писать, мой родной; не осушая глазъ, плачу. Каково же — опять война. Господи, спаси тебя и помилуй! Дай-то Богъ хоть черезъ два года увидѣться. Христосъ съ тобой, спаси тебя и помилуй». Но Литовскій полкъ на войну не послали. 4-го августа, когда уже все было кончено, Марья Ивановна пишетъ: «Вчера у насъ прошелъ слухъ, будто чортъ самъ околѣлъ (т.-е. Наполеонъ). Если бы эта милость Божья была! Но нѣтъ, міръ христіанскій столь грѣшенъ, что оной милости не достоинъ. Довольно и того по нашимъ грѣхамъ, что его и въ другой разъ поймали. Это невѣроятно даже, въ 3 мѣсяца кончить все; вотъ каковъ сѣденькій Блюхеръ. Какъ я рада, мой милый другъ, этого я не умѣю объяснить, что гвардія

не ходила далѣе Варшавы; хотя прогулка эта и не совсѣмъ пріятна, но живы всѣ остались. Великъ Богъ и милость Его до насъ многогрѣшныхъ. Вѣрно вамъ всѣмъ не очень пріятно, что васъ не было тамъ и вы не въ Парижѣ. Матери и жены не такъ разсуждаютъ, и всякая молитъ Бога за Блюхера. Я не умѣю объяснить, какъ я боготворю Блюхера и Веллингтона. Конечно, жаль, — и у нихъ тоже люди погибли, а не мухи. Если бъ столько и мухъ перебить, сколько погибло людей съ тѣхъ поръ, какъ этотъ чортъ Наполеонъ велъ войну, да привести потомъ на это мѣсто человѣка съ чувствомъ, гдѣ лежатъ 10 милліоновъ мухъ, такъ всякій содрогнется, кромѣ чорта самого и изверга Наполеона, — этому все ничего. Если онъ околѣлъ, неужели его не открыли, чтобы видѣть внутренность этого изверга? Я увѣрена, что у него было два сердца, такъ какъ у злыхъ людей находили по два крана. И онъ не былъ злой, а былъ кровопійца; только и счастливъ, чтобъ губить людей для своей славы, которая что ему сдѣлала? околѣлъ, какъ собака; даже и въ исторіи, если будутъ ее писать, героемъ его грѣшно назвать, а просто разбойникомъ, извергомъ. И сколько слезъ пролито! Его бы, злодѣя, нѣсколько разъ можно бы было въ нихъ утопить. Но дай-то Богъ, чтобы это была правда, что онъ околѣлъ. Казалось бы, что ему самому бы надо убиться или опиться, — да мерзавецъ-то любитъ жизнь больше всего». — Марья Ивановна ненавидѣла не только Наполеона, но и всѣхъ французовъ. Вообще на ея примѣрѣ можно видѣть, какъ личныя страданія, перене-

сенныя русскими людьми въ 1812—14 годахъ, породили въ обществѣ негуманный, эгоистическій націонализмъ. Той же осенью 1815 г. она пишетъ сыну: «Я чай, ты по-польски такъ и рѣжешь, какъ эти бритые поляки съ завороченными рукавами. Признаюсь, что ненавижу ихъ родъ, — всѣ обманщики и плуты, не много лучше этой безхарактерной французской націи: самъ ласкаетъ, а за пазухой змѣя сидитъ. А эти мерзавцы французы голопятые — уже ни на что не похожи: присягаютъ королю, а между тѣмъ комплоты новые ежеминутно противъ него. Что уже про нихъ говорятъ теперь, волосы дыбомъ становятся. Всякій русскій долженъ Бога благодарить, что онъ родился не французомъ; всякій русскій мужикъ лучше и почтеннѣе французскаго министра: совѣсть чиста передъ Богомъ и передъ отечествомъ». Эта ненависть къ французамъ, какъ видно, крѣпко укоренилась въ Марьѣ Ивановнѣ; еще въ 1821 году, передавая слышанный ею изъ вторыхъ устъ непочтительный отзывъ какого-то французскаго депутата объ Александрѣ I, она разражается бранью: «Мерзавцы, безбожники, уроды рода христіанскаго! ненавижу! что чортъ, что французъ — одно и то же».

Гриша взялъ (или ему дали) отпускъ только весною 1816 г., для лѣчебной поѣздки на Кавказъ. До тѣхъ поръ продолжалось то же: онъ писалъ рѣдко, мать просила и корила его, со вздохомъ перечисляла счастливыя семьи, чьи сыновья или мужья пріѣзжали въ отпускъ, и все продолжала высылать Гришѣ деньги, не малыя, и чай, и халатъ бухар-

скій, теплые сапоги и фуфайки и разныя другія вещи съ оказіями. Ея любовь къ сыну нимало не пошатнулась, несмотря на его невниманіе, шалости и нерадѣніе въ службѣ (онъ все еще былъ подпоручикомъ); она увѣряла себя, что это «видно остатки Нелединскаго дружества».

Нелединскій съ середины 1814 г. жилъ въ Петербургѣ и былъ въ перепискѣ съ Григоріемъ Корсаковымъ. Изъ писемъ Нелединскаго мы узнаемъ, что онъ передъ тѣмъ былъ боленъ и лѣчился въ Баденѣ; по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ еще не совсѣмъ оправился, сидитъ взаперти — и не жалѣетъ объ этомъ: Петербургъ ему не нравится, одинъ только и есть пріятный домъ — Архаровыхъ; онъ радъ своему уединенію, гдѣ чтеніе и музыка составляютъ его отраду. — Онъ пишетъ по-французски, и въ его письмахъ есть аффектированная разочарованность. Недѣль шесть спустя (ноябрь 1814), уже бывая въ обществѣ, онъ еще болѣе недоволенъ Петербургомъ. Корсаковъ, какъ видно, жаловался ему на варшавскую скуку; удивляюсь, пишетъ Нелединскій, какъ можно скучать среди очаровательныхъ полекъ; другое дѣло — Петербургъ, здѣсь дѣйствительно можно умереть со скуки, и вы напрасно завидуете моимъ развлеченіямъ и побѣдамъ. Здѣсь все такъ непривѣтливо, женщины едва отвѣчаютъ, парадируя напускной неприступностью вмѣсто добродѣтели; ихъ шокируютъ, видите ли, дурныя манеры военныхъ, а нѣкоторыя порицаютъ даже тотъ любезный пріемъ, который оказываютъ военнымъ въ немногихъ порядочныхъ домахъ Петербур-

га. Отъ этихъ жалкихъ кумушекъ приходится слышать такія рѣчи: эти-де господа (т.-е. военные) привыкли за время войны вести цыганскій образъ жизни, пусть-ка сначала отвыкнутъ отъ своихъ бивачныхъ нравовъ, а если не научатся вести себя прилично, — ихъ надо будетъ совсѣмъ исключить изъ свѣтскаго общества. Хорошъ патріотизмъ; такъ-то поощряютъ доблесть и вознаграждаютъ за лишенія, сспряженныя со службою родинѣ! — Словомъ, Петербургъ такъ противенъ Нелединскому, что онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ новой войны (тогда поговаривали о войнѣ съ Австріей, или съ Турціей); гдѣ бы ни воевать, только бы оставить этотъ несносный городъ. — Это было писано въ ноябрѣ, а полгода спустя, въ апрѣлѣ (1815) Нелединскій уже привольно плаваетъ и ныряетъ въ петербургскомъ свѣтѣ, адски влюбленъ, танцуетъ безъ-устали, и болѣе не жалуется на Петербургъ. Между прочимъ, изъ его словъ видно, что Корсаковъ сердился на мать за то, что она своей глупой затѣей — послать прошеніе великому князю — навлекла на него непріятности по службѣ; Нелединскій увѣщеваетъ его, что Марьей Ивановной руководило только естественное желаніе увидѣться съ нимъ, Гришей.

VII

Такія скорбныя воспоминанія и такія ежедневныя тревоги, какія переживала Марья Ивановна въ 1814—15 гг., въ наше время, безъ сомнѣнія, надолго погрузили бы всю семью въ печаль и равнодушіе къ веселью. А въ домѣ Марьи Ивановны уже съ осени 1814 года возобновилась та же шумная, широкая, хлѣбосольная жизнь, которая завелась тамъ задолго до войны, — и то же самое мы видимъ по всей Москвѣ, во всѣхъ видныхъ домахъ, гдѣ также минувшая гроза оставила неизгладимые, казалось бы, слѣды. Зимніе сезоны 1814 и 1815 годовъ въ Москвѣ были даже шумнѣе и веселѣе сезоновъ 1810 и 11-го годовъ. Балъ слѣдовалъ за баломъ безъ передышки, а въ промежуткахъ — всевозможные завтраки, катанья, дѣтскія утра и пр. Волкова въ письмѣ къ Ланской отъ 4 января 1815 г. перечисляетъ свои выѣзды за текущую недѣлю: въ субботу танцовали до пяти часовъ утра у Оболенскихъ, въ понедѣльникъ — до трехъ у Голицына, въ четвергъ предстоитъ костюмированный балъ у Рябининой, въ субботу — вечеръ у Оболенскихъ, въ воскресенье званы къ гр. Толстому на завтракъ,

послѣ котораго будутъ танцы, а вечеромъ въ тотъ же день придется плясать у Ѳ. Голицына[1]). И такъ всю зиму безъ перерыва, и всѣ эти балы «такъ оживлены, что приходится вертѣться до изнеможенія», «а потомъ полдня лежишь въ кровати отъ усталости»; отъ этой усталости Волкова уже къ концу января «замѣтно похудѣла», а въ февралѣ она пишетъ: «Въ нынѣшнемъ году многіе поплатились за танцы. Бѣдная кн. Шаховская опасно больна. У насъ умираетъ маленькая гр. Бобринская вслѣдствіе простуды, схваченной ею на балѣ».

Удрученная заботами о Гришѣ, Марья Ивановна нисколько не отставала отъ этого веселаго общества. Когда въ декабрѣ 1814 г., проѣздомъ въ Петербургъ остановился въ Москвѣ персидскій посолъ, это дало поводъ московскому обществу устроить рядъ блестящихъ раутовъ. Посолъ былъ еще молодъ и красавецъ собой. «Вчера, — пишетъ Марья Ивановна сыну, — гр. Орлова давала балъ персидскому послу, гдѣ и мы съ Наташей отличались, и этой черной харѣ Наташа полюбилась», а А. Я. Булгаковъ, тоже бывшій на этомъ балу, въ письмѣ къ брату передаетъ остроумное замѣчаніе, сдѣланное персомъ въ этотъ вечеръ; ему все понравилось, но удивило его, зачѣмъ на этомъ балу такъ много старыхъ женщинъ, и, когда ему объяснили, что это матери и тетки присутствующихъ дѣвицъ, которыя не могутъ же выѣзжать однѣ, онъ резонно замѣтилъ: развѣ у нихъ нѣтъ отцовъ и дядей?[2]) — Корсаковы въ

[1]) «Вѣстн. Евр.», 1875, январь, стр. 221—225.

[2]) «Рус. Арх.», 1900, кн. 7, стр. 327.

эту зиму не только посѣщаютъ чужіе балы, — у Марьи Ивановны уже у самой вечера. 25 января (1815 г.) М. А. Волкова плясала у нея[1]); 2 февраля у Марьи Ивановны была folle journée, о которой говорили уже за недѣлю, и объ этой забавѣ писали: Волкова — своей подругѣ, А. Булгаковъ — своему брату, Кристинъ — княжнѣ Туркестановой[2]); именно, завтракали у Марьи Ивановны, затѣмъ катались по городу и предмѣстьямъ — было 30 саней, до ста приглашенныхъ, — послѣ катанья закусывали у Ѳ. Голицына, а кончили день баломъ въ Собраніи. Такъ шла вся зима, а лѣтомъ 1815 г. Марья Ивановна съ дочерьми развлекалась поѣздками къ знакомымъ въ ихъ подмосковныя: къ Ст. Ст. Апраксину на три дня, къ кн. Вяземской на двѣ недѣли, а то къ дочери Софьѣ (Волковой) — и всюду жили весело.

Отчасти, можетъ-быть, вести такую открытую жизнь побуждала Марью Ивановну забота о своей «Пенелопѣ» — о Наташѣ. Дѣвушкѣ было уже за двадцать, т.-е. по тогдашнимъ понятіямъ — давно пора замужъ; а Марья Ивановна была заботливая мать. Въ поклонникахъ недостатка не было, но серьезныхъ намѣреній никто не обнаруживалъ. Одно время ухаживалъ за Наташей Орловъ (трудно опредѣлить, какой), и весною 1814 г. Гриша изъ арміи спрашивалъ мать, вѣрны ли дошедшіе до него слухи, что Наташа выходитъ или уже вышла за Ор-

---

[1]) «В. Евр.», тамъ же, стр. 223.

[2]) «Рус. Арх.», 1900, кн. 8, стр. 456; «В. Евр.», тамъ же, стр. 224; «Ferd. Christin et la Pr. Tourkestanow», Moscou, 1882, p. 165.

лова; но Марья Ивановна отвѣчала ему: «все это вздоръ, она подъ той же крышкой со мной живетъ; непонятное дѣло, какъ могли этакія фальшивыя вѣсти дойти до Франціи. Это правда, что онъ Пенелопѣ куры строилъ, но ничего изъ этого не вышло солиднаго, или, лучше сказать, его родные разбили, т.-е. графиня Орлова; она, что пріѣхала въ Москву, то онъ пересталъ почти ко мнѣ ѣздить». Потомъ — уже года полтора спустя — были у нея виды на Александра Дм. Олсуфьева, штабъ-ротмистра Ахтырскаго гусарскаго полка, изъ хорошей московской семьи. «Вчера, — пишетъ она (октябрь 1815 г.), — у меня былъ Олсуфьевъ, нынче ѣдетъ въ полкъ, который въ Старой Руссѣ, 600 верстъ отсюда. Для меня онъ сталъ молодецъ хоть куда, а нашей Пенелопѣ все не по вкусу. Право, не знаю, какого она жениха дожидается. Только двухъ этакихъ дѣвокъ и знаю: графиню Орлову (т.-е. А. А.). Да той немудрено, она отъ богатства себѣ не находитъ мужей; ей все кажется, что для мужиковъ ея на ней женятся, — а Наташа изъ чего капризничаетъ, не понимаю». Однако, несмотря на неохоту дочери, Марья Ивановна, видимо, приманивала Олсуфьева. Когда въ слѣдующемъ іюнѣ (значитъ, 1816 г.) Олсуфьевъ опять пріѣхалъ въ Москву, съ отпускомъ на три мѣсяца, Марья Ивановна писала Гришѣ: «Это на наше счастье, мой другъ: въ другой разъ годомъ отпускается». Въ это же время она имѣла виды на кн. Н. С. Меньшикова, — вѣроятно, у нея были для этого основанія. Но ни то, ни другое не удалось. Олсуфьевъ, какъ только пріѣхалъ, началъ явно уха-

живать за одной изъ Кавериныхъ, и, что хуже, увлекъ за собою и Меньшикова; ровно мѣсяцъ спустя Марья Ивановна пишетъ: «Олсуфьевъ женится на Кавериной, Меньшиковъ, говорятъ, тоже на Кавериной. Это Олсуфьевъ работаетъ и для себя, и для него, — они большіе пріятели. И признаюсь тебѣ, очень мнѣ грустно, что князя Меньшикова изъ нашихъ рукъ отбилъ Олсуфьевъ. Пускай бы ужъ кто другой, а не этотъ дуракъ. Смерть досадно, признаюсь тебѣ, мой милый другъ: думала, что Меньшиковъ будетъ нашъ». Меньшиковъ не женился на Кавериной, да не женился и на Наташѣ, а Олсуфьевъ дѣйствительно женился на старшей Кавериной, Марьѣ Павловнѣ, но меньше чѣмъ черезъ три года овдовѣлъ: Марья Павловна умерла 24 лѣтъ, отъ чахотки. Эти барышни Каверины были сестры Пушкинскаго пріятеля, геттингенца; ихъ было трое, всѣ очень красивыя, и всѣ рано угасли въ чахоткѣ, унаслѣдованной отъ матери[1]).

Мы упустили выше сказать, что въ это же время, 14 января не то 1814, не то 1815 года (на письмѣ не означенъ годъ), умеръ старикъ Римскій-Корсаковъ, Александръ Яковлевичъ, повидимому, въ деревнѣ, гдѣ онъ постоянно жилъ. Его смерть нисколько не отразилась на образѣ жизни Марьи Ивановны и ея дѣтей.

Отнынѣ жизнь Марьи Ивановны уже до конца не будетъ ничѣмъ омрачена. Невзгоды и потери 1812—14 годовъ были въ ея жизни случайнымъ,

---

[1]) Письма А. Я. Булгакова къ брату», «Рус. Арх.», 1900, кн. 11, стр. 369; ср. «Остаф. арх.», т. III, стр. 432.

можно сказать, — сверхличнымъ эпизодомъ; когда бы не эта историческая гроза, разразившаяся надъ всей Россіей, Марья Ивановна, вѣроятно, прожила бы весь свой вѣкъ безмятежно и счастливо, потому что тѣхъ, кто такъ охотно пріемлетъ жизнь и такъ вѣритъ ей, какъ она, судьба любитъ щадить и баловать. Больше въ ея домѣ нѣтъ смертей — до ея собственной смерти; все идетъ складно, и жизнь катится весело, людно и шумно, въ полномъ довольствѣ, которое обезпечивалось доходами съ нѣсколькихъ тысячъ пензенскихъ и тамбовскихъ «душъ». Какія еще были событія въ жизни Марьи Ивановны, о тѣхъ рѣчь впереди; теперь же разскажу, какъ она жила въ ближайшіе годы, съ тѣхъ поръ, какъ кончились ея напасти. Задача не трудна: Марья Ивановна писала Гришѣ по 2, по 3 и 4 раза въ недѣлю; а привычка ея была писать ему наподобіе дневника, т.-е. подробно разсказывать весь свой день и предшествующіе два или три дня, отъ того часа, на котсромъ она оборвала предыдущее письмо, — часъ за часомъ съ утра до вечера, и обычно съ пересказомъ разговоровъ, которые она вела, новостей, которыя слышала, и своихъ впечатлѣній. Эти письма ссхранились, и дальнѣйшій разсказъ будетъ весь до малѣйшей подробности основанъ на нихъ.

VIII

Домъ Марьи Ивановны въ 1816—1823 гг. — во всѣхъ отношеніяхъ типичный домъ Грибоѣдовской Москвы. Какъ-разъ въ эти годы (1818 и 1823) и какъ-разъ въ томъ кругу, къ которому принадлежала семья Римскихъ-Корсаковыхъ, Грибоѣдовъ, наѣзжая въ Москву, наблюдалъ московское общество; въ эти же годы было и создано «Горе отъ ума». Грибоѣдовъ несомнѣнно съ дѣтства зналъ Марью Ивановну, и очень вѣроятно, что въ эти пріѣзды онъ бывалъ въ ея домѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя, еще при жизни Грибоѣдова (въ 1828 г.), обѣ семьи породнились: младшій сынъ Марьи Ивановны, Сергѣй, женился на той самой кузинѣ Грибоѣдова, Софьѣ Алексѣевнѣ, которую преданіе называетъ прототипомъ Софьи Фамусовой, какъ ея отца, дядю Грибоѣдова, — прототипомъ самого Фамусова[1]).

---

[1]) Сергѣя Александровича Римскаго-Корсакова не разъ называли прототипомъ Скалозуба, что безъ сомнѣнія, ошибочно; но любопытны эти смутныя воспоминанія

Какъ извѣстно, «портретность» персонажей «Горя отъ ума» не подлежитъ сомнѣнію; но она весьма условна. Глубоко-вѣрны слова А. Н. Веселовскаго: «...невозможно упускать изъ виду, что копировка шла не далѣе первоначальнаго контура, общаго облика, оживить который и сдѣлать цѣльнымъ, своеобразнымъ типомъ, вполнѣ отвѣчающимъ замыслу автора, было неотъемлемымъ дѣломъ его таланта»[1]). Въ извѣстномъ смыслѣ «Горе отъ ума» — эпизодъ изъ жизни самого Грибоѣдова, и самъ авторъ — прототипъ Чацкаго. Таковъ былъ несомнѣнно и сознательный замыселъ Грибоѣдова. Чацкій взятъ въ той самой позиціи, въ какой дважды былъ самъ Грибоѣдовъ, — вернувшимся въ Москву послѣ долгаго отсутствія. Выдуманная Грибоѣдовымъ любовь Чацкаго къ Софьѣ (потому что въ его собственной жизни, какъ говорятъ біографы, такого факта не было) служитъ для обостренія этой позиціи: она дѣлаетъ московскія впечатлѣнія Чацкаго болѣе яркими и болѣзненными, его отвѣты на нихъ —

о связи персонажей «Горя отъ ума» съ домомъ Марьи Ивановны; въ одной новѣйшей статьѣ даже прямо говорится о «домѣ, бывшемъ когда-то Римскихъ-Корсаковыхъ, въ Газетномъ переулкѣ (!), въ которомъ Грибоѣдовъ посѣщалъ знакомую семью, снабдившую его всѣми типами «Горе отъ ума», начиная отъ Фамусова, Софьи, Молчалина, Скалозуба и кончая лакеемъ Петрушкой», см. «Полн. собр. соч. А. С. Грибоѣдова», п. ред. Н. К. Пиксанова, 1913 г., т. II, стр. 341, въ статьѣ редактора: «Прототипы дѣйствующихъ лицъ комедіи «Горе отъ ума».

[1]) «Очеркъ первоначальной исторіи» «Горе отъ ума» — «Русск. Арх.», 1874, I, 1540—41.

болѣе страстными; это — интенсификація автобіографическаго элемента (прошу прощенія за три иностранныхъ слова). Особенно любопытны въ этомъ отношеніи обмолвки комедіи, еще болѣе приближающія Чацкаго къ Грибоѣдову. Чацкій имѣетъ какое-то отношеніе къ литературѣ: онъ, какъ самъ Грибоѣдовъ, — «пишетъ, переводитъ». И гдѣ онъ былъ эти три года? Въ пьесѣ намекается, что въ чужихъ краяхъ; но есть въ ней и противоположные намеки: онъ лѣчился на «кислыхъ водахъ», — такъ говорили тогда только о Кавказскихъ водахъ; онъ и самъ вспоминаетъ Кавказъ[1]):

Я былъ въ краяхъ,
Гдѣ съ горъ верховъ комъ снѣга вѣтеръ скатитъ
и т. д. —

ни дать, ни взять, какъ самъ Грибоѣдовъ. Далѣе, онъ отсутствовалъ изъ Москвы три года, а Горичеву онъ говоритъ:

Не въ третьемъ ли году, въ концѣ,
Въ полку тебя я зналъ?

а по ранней рукописи даже — «не въ прошломъ ли году, въ концѣ»; и теперь онъ пріѣхалъ въ Москву, очевидно, изъ Петербурга — проѣхалъ «верстъ больше семисотъ» (45 часовъ): именно

[1]) Въ рукописи Моск. Историч. Музея, изданной В. Е. Якушкинымъ.

столько считали тогда между Петербургомъ и Москвою[1]). Но, разумѣется, еще гораздо болѣе, нежели эти внѣшнія черты сходства, Чацкаго сближаетъ съ его творцомъ тожество ихъ настроенія и ихъ взглядовъ, неопровержимо доказанное критикою[2]). И тѣмъ не менѣе, въ цѣломъ, какъ очевидно для всякаго, Чацкій вовсе не автопортретъ Грибоѣдова, художественный обликъ перваго не совпадаетъ съ личностью второго; и таковы, конечно, всѣ дѣйствующія лица комедіи: каждое создано изъ чертъ, наблюденныхъ поэтомъ въ дѣйствительности, можетъ быть, даже изъ чертъ, подмѣченныхъ имъ преимущественно у одного опредѣленнаго лица, но каждое именно не списано, а создано по таинственнымъ законамъ художественнаго творчества. Эту элементарную истину надо имѣть въ виду всюду, гдѣ заходитъ рѣчь о конкретномъ матеріалѣ, изъ котораго художникъ созидалъ свои образы.

Войдемъ же въ домъ Марьи Ивановны; едва мы перешагнемъ порогъ, насъ охватитъ атмосфера «Горя отъ ума».

Домъ большой, просторный, въ два этажа и два десятка комнатъ, съ залой, умѣщающей въ себѣ

---

[1]) Волкова пишетъ Ланской въ 1818 году: «Ты вѣрно забываешь, милый другъ, что Москва въ 700 верстахъ отъ Петербурга»—«Вѣстн. Евр.», 1875, августъ, стр. 686.

[2]) См. особенно Н. К. Пиксанова, біографію Грибоѣдова, при 1-мъ томѣ академич. изданія сочиненій Грибоѣдова и статью А. Кадлубовскаго въ «Сборникѣ» Истор.-филол. Общества при Нѣжинскомъ институтѣ, Кіевъ, 1896.

маскарады и балы на сотни персонъ и благотворительные концерты. Фасадъ выходитъ на Страстную площадь: нынѣшніе москвичи знаютъ зданіе 7-ой мужской гимназіи. При домѣ громадное дворовое мѣсто, цѣлая усадьба; здѣсь флигель-особнякъ и службы: конюшня, каретные сараи, помѣщенія для дворни семейной и холостой. Въ конюшнѣ 6—7 лошадей, въ сараяхъ — кареты и сани, выѣздныя и дорожныя; въ домѣ и на дворѣ — множество крѣпостной прислуги: кучера и мальчишки-форейторы, прачки, поваръ, кухарка, горничныя. Въ домѣ, кромѣ своихъ, живутъ какія-то старушки — Марья Тимоѳеевна и другія, еще слѣпой старичокъ Петръ Ивановичъ, — «моя инвалидная команда», какъ не безъ ласковости называетъ ихъ Марья Ивановна; за столъ садится человѣкъ 15, потому что почти всегда изъ утреннихъ визитеровъ 2—3 остаются на обѣдъ. Всѣмъ до послѣдняго сторожа живется сытно и привольно; Марья Ивановна сама любитъ жить и даетъ жить другимъ.

При Марьѣ Ивановнѣ сынъ Сергѣй и три дочери: красавица, уже порядочно за 20, въ полномъ цвѣту, — Наташа, подрастающая красавица Саша и дѣвочка Катя. Сергѣй служитъ въ Бородинскомъ полку, тутъ же, въ Москвѣ, и живетъ зимою дома. Гриша уже давно благодаря связямъ переведенъ изъ Варшавы въ Петербургъ, въ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ, и мать за него спокойна, тѣмъ болѣе, что теперь онъ чаще пишетъ и пріѣзжіе чаще привозятъ отъ него поклоны. Всѣмъ домомъ твердо правитъ, обо всѣхъ думаетъ Марья Ивановна. Ей

подъ пятьдесятъ. Она совсѣмъ здорова, бодра и легка на подъемъ, но у нея частые «вертижи», темнѣетъ въ глазахъ. Она чрезъ мѣру толстѣетъ съ годами и слишкомъ многокровна; докторъ прописываетъ ей кровопусканья.

Марья Ивановна встаетъ рано, въ 7 час., иногда въ 6; только если наканунѣ поздно вернулись съ бала, она проспитъ до 9. Помолившись Богу, она выходитъ въ гостиную и здѣсь пьетъ чай съ наперсницей-горничной Дуняшкой. Только отопьетъ чай, идутъ министры съ докладами. Главный министръ — Яковъ Ивановичъ Розенбергъ; онъ давно живетъ въ домѣ и вполнѣ свой человѣкъ. Яковъ Ивановичъ докладываетъ счета, подлежащіе оплатѣ. Марья Ивановна недовольна: расходы огромные, деньги идутъ, какъ соръ, а изъ деревни не шлютъ; хорошо, что есть впереди доходъ, а то смерть скучно: деньги есть, а все безъ денегъ сидишь. Обсуждаютъ вины пензенскаго приказчика: уже конецъ января, а еще греча не перемолочена, овесъ тоже, рожь не продана. Сколько это составитъ дохода? Ржи 2000 четвертей — 14 тысячъ рублей, крупы 600 четвертей — 6 тысячъ; всего, значитъ, будетъ 20 тысячъ. Надо будетъ послать туда Андрея Пономарева, чтобы на мѣстѣ распорядился: деньги нужны, и Гришѣ надо послать. — Якова Ивановича смѣняетъ главный кучеръ Астафій; къ каждому слову — «позвольте доложить»; нужно терпѣніе Марьи Ивановны, чтобы выслушивать его. Покончивъ съ Астафіемъ, Марья Ивановна идетъ къ ключницѣ Анисьѣ, пьетъ у нея кофе, обсуждаетъ

съ нею дѣла по кухнѣ и гардеробу, и иной разъ провозится съ нею до обѣда, занявшись кройкою на дочерей. Наташа такъ растолстѣла, что мочи нѣтъ, совсѣмъ стала баба, на мамзель не похожа; всѣ платья брось, нечего надѣть, всѣ надо новыя шить; а Саша и Катя выросли. Да только ли хлопотъ съ дѣтьми! Гриша жилъ въ гостиницѣ, теперь рѣшилъ взять квартиру, — надо ее обставить. Марья Ивановна составляетъ реестръ нужнымъ вещамъ. Нужны ему: диванъ, 6 креселъ, 6 стульевъ, столъ письменный, крытый кожею, съ ящиками, бюро, столикъ къ дивану, комодъ, гардеробъ, шкафъ; далѣе, суповая чашка, два соусника, 4 блюда, двѣ дюжины тарелокъ, круглая чашка для бульона, подносъ, дюжина чашекъ, дюжина стакановъ, дюжина рюмокъ, два графина, судокъ, двѣ солонки, щипцы. На все это Марья Ивановна посылаетъ ему 400 руб. Потомъ лошади: онъ нанимаетъ въ Петербургѣ пару и сани за 300 руб. въ мѣсяцъ; а Марья Ивановна справилась у Миши Голицына, что въ Петербургѣ овесъ — 12 руб. четверть, сѣно — 1 р. 25 к. пудъ; по этимъ цѣнамъ содержаніе лошади должно обходиться только рублей въ 40, значитъ, ему выгоднѣе держать четверку своихъ, нежели нанимать пару. А какъ Марья Ивановна собирается въ Ростовъ на богомолье, она тамъ и купитъ ему лошадей. И точно, въ Ростовѣ она достала четверку казанскихъ гнѣдыхъ лошадокъ, хорошенькихъ, но еще не ходившихъ въ упряжи; заплатила 600 руб. Начинаются хлопоты: лошадей объѣзжаютъ, заказываютъ кучерскіе кафтаны и хомуты такіе, чтобы годились

и въ карету, и въ дрожки; Марья Ивановна пригоняетъ все дѣло такъ, чтобы лошади были у Гриши на Страстной недѣлѣ: пусть на Святой щеголяетъ новымъ выѣздомъ. И вотъ все готово; утромъ, послѣ докладовъ, Марья Ивановна садится писать Гришѣ (она всегда пишетъ ему въ это время); пишетъ она, что все отправилось къ нему нынче рано, и, какъ она рада, что онъ будетъ теперь съ лошадьми. Овса ему надо въ мѣсяцъ на четырехъ лошадей, если въ 9 мѣръ, — 6 четвертей 6 четвериковъ, а если въ 8, — 7 четвертей 4 четверика; пусть велитъ купить. И пусть самъ посмотритъ, какъ все привезутъ. Кафтаны сшиты на петербургскій манеръ и сукно довольно хорошо. «Кучера твои, какъ женихи, приходили оба ко мнѣ. Я имъ мораль читала. Прикажи Алексашкѣ за мальчишкой смотрѣть, онъ такой хорошенькій, и чтобы Петрушка его не билъ. Петрушка ужасный буянъ и преупрямый болтунъ». Теперь у Гриши пять человѣкъ прислуги, всѣ изъ дому, въ томъ числѣ поваръ. Такъ жилъ тогда въ Петербургѣ гвардейскій офицеръ средней руки. — Только кончила экипировку Гриши, — Сережа произведенъ въ прапорщики: Марья Ивановна посылаетъ за портнымъ, заказываетъ мундиръ для Сережи и двое панталонъ; да и ему теперь надо дрожки купить, ѣздить на ученье въ казармы, а дрожки, это около 1300 руб., — «распоясывайся, мать Марья». Но она не ропщетъ на эти расходы, только бы сынки хорошо служили.

Надо замѣтить, что Марья Ивановна вѣчно въ долгу у разныхъ поставщиковъ. Состояніе у нея

хорошее, доходы немалые, но живетъ она не по средствамъ, «ужъ очень размашисто». А какъ она выходитъ изъ долговыхъ затрудненій, объ этомъ картинно разсказываетъ много лѣтъ и близко знавшая ее Е. П. Янькова: «Вотъ, придетъ время расплаты, явится къ ней каретникъ, она такъ его приметъ, усадитъ съ собой чай пить, обласкаетъ, заговоритъ — у того и языкъ не шевельнется, не то что попросить уплаты, — напомнить посовѣстится. Такъ ни съ чѣмъ отъ нея и отправится, хотя и безъ денегъ, но довольный пріемомъ»[1]). Марья Ивановна вообще добра и обходительна, «всѣхъ умѣетъ обласкать и привѣтить». Но въ Москвѣ злословятъ про нее: «должна цѣлому городу, никому не платитъ, а балы даетъ да даетъ»[2]).

Но мы уклонились отъ разсказа. Много хлопотъ у Марьи Ивановны и по дому. Затѣяла Марья Ивановна обить мебель новой матеріей, — старая износилась, — и поставила на эту работу своихъ же дворовыхъ: Ванюшу Пономарева, Тимошку и Алешку Турикова; «я имъ приказала быть tapissiers, они молотки въ руки, и заколотили». А матерія вотъ какихъ цвѣтовъ: та комната, изъ которой топится каминъ, обивается кумачомъ и дѣлаетъ видъ мериносу; другая, гдѣ клавикорды стоятъ, — синей китайкой, на подобіе каземира Marie-Louise; третья,

---

[1]) Д. Благово «Разсказы бабушки», 1885, стр. 440.

[2]) «Письма А. Я. Булгакова», 1822 г., «Рус. Арх.» 1901, т. I, стр. 401.

гостиная, — желтой англійской китайкой, которая не въ примѣръ лучше сафьяна.

Часамъ къ 12 Марья Ивановна кончила хозяйственныя дѣла. Тѣмъ временемъ уже пошелъ народъ; обыкновенно это все тѣ же лица, друзья дома, ежедневные посѣтители: Спиридовъ, Башиловъ, Подчаскій, Метакса; но бываютъ и посторонніе; какъ видно, ранніе визиты были тогда въ обычаѣ, — такъ и Скалозубъ является къ Фамусовымъ утромъ. Вотъ съ утра сидятъ Спиридовъ, Метакса и Миша Голицынъ, сынъ петербургской тетушки Марьи Адамовны; потомъ явились визитеры — Нарышкинъ съ женою, затѣмъ живописецъ Рейхель, котораго Марья Ивановна пригласила писать Наташинъ портретъ. Забѣжалъ на минуту Подчаскій: Москва вся въ хлопотахъ, — въ пятницу маскарадъ у Кологривовой; Марья Ивановна даетъ Подчаскому старинный бархатный кафтанъ, шитый золотомъ. Или другое утро: кончивъ дѣла, сѣла писать письмо къ Гришѣ, — докладываютъ о приходѣ Талызина; немного погодя является Бехна-Волконскій; принялись они толковать о службѣ; Бехна остановился у Бибиковыхъ во флигелѣ; Марья Ивановна предлагаетъ ему переѣхать къ ней и велитъ отвести ему комнату; «согрѣшила я; мнѣ кажется, Бибиковъ пустилъ его, авось-либо не влюбится ли въ которую свояченицу. Нынче народъ востеръ, добрымъ манеромъ немного сдѣлаешь, надо употреблять хитрость и подловить». Потомъ пріѣхалъ мужъ Кологривовой; эти трое сидѣли больше часа. Потомъ пріѣхала Маргарита Александровна Волкова, потомъ

Миша Голицынъ; тутъ былъ разговоръ объ іерусалимскомъ патріархѣ, недавно пріѣхавшемъ въ Москву.

Но не каждый день съ утра гости. Если чужихъ нѣтъ, Марья Ивановна еще до обѣда выѣзжаетъ изъ дому. Отдавъ съ утра распоряженія и написавъ письмо Гришѣ, она идетъ одѣваться. Надо навѣстить больныхъ — старика Офросимова и Щербатова, или надо въ лавки. Довольно часто Марья Ивановна «со всѣмъ потрохомъ» обѣдаетъ у дочери Сони (Волковой), особенно когда тамъ рожденье, именины или т. п., изрѣдка обѣдаетъ она и у чужихъ, но только по необходимости. Иногда и у Марьи Ивановны бываетъ парадный обѣдъ. Въ день ея ангела у нея за столомъ 39 персонъ старыхъ и малыхъ, въ день рожденія Гриши — то же самое, обѣдаютъ Соня съ потрохомъ, Бальменша, Нарышкинъ, Н. А. Корсаковъ, Ржевскій Павелъ, Метакса, княжна Софья (Туркестанова). А то обѣдаетъ у нея іерусалимскій патріархъ, и при немъ обычные: Голицынъ, Спиридовъ, Метакса, княжна Софья; патріархъ — предобрый старикъ, и не ханжа, много разсказывалъ про Іерусалимъ, — удивительно какое интересное мѣсто, — «когда будутъ крестовые походы, я непремѣнно, Гриша, за тобой поѣду; и вся компанія наша собирается, кто съ котомкой, кто съ мѣшкомъ, иные пѣшкомъ, — и совсѣмъ готовы».

Но обычно Марья Ивановна обѣдаетъ дома и только со своими, т.-е. съ домашними и 2—3 пріятелями. А послѣ обѣда она отдыхаетъ часокъ, тутъ же въ столовой на диванѣ. Дремлютъ и другіе: Голи-

цынъ болталъ, болталъ, да и задремалъ въ креслахъ, а кн. Софья, Наташа и Дуняшка сначала тихо разговаривали, потомъ начали спорить и разбудили спящихъ. Подаютъ чай, а тутъ скоро либо кто заѣдетъ — и тогда уже останется ужинать, либо пора собираться куда-нибудь. Часто вечеръ проводятъ у Сони Волковой, играютъ въ банчокъ на серебряные пятачки, или въ бостонъ, — молодежь облѣпитъ столъ, какъ мухи къ меду. Иногда ѣздятъ въ концертъ или въ театръ. Намедни смотрѣли «Сороку-воровку», — «и мои мамзели такъ разревѣлись, что унять нельзя было». Ѣздятъ въ гости на вечеръ, всей семьею, или одна Марья Ивановна, оставивъ дочерей дома или у Сони. Въ гостяхъ тоже играютъ въ карты, и Марьѣ Ивановнѣ случается выиграть въ одинъ вечеръ 50 руб. Поѣхала съ кн. Софьей къ Маргаритѣ Александровнѣ Волковой, матери той Маргариты Аполлоновны Волковой, которую мы теперь знаемъ по ея письмамъ къ Ланской. Дочери Марья Ивановна не долюбливаетъ, считаетъ ее, кажется, гордячкой и называетъ въ письмахъ неизмѣнно Панталоновной. Народу немного было; играли въ лотерею, Миша Голицынъ выигралъ платье перкалевое шитое и, «comme de raison», подарилъ Марьѣ Ивановнѣ; онъ пріѣхалъ къ Волковой прямо отъ Трубецкого съ завтрака и не могъ досидѣть вечеръ, поѣхалъ домой спать, — усталъ плясавши. А зимою, разумѣется, балы, на которые Марья Ивановна ѣздитъ «со всей прелестью», т.-е. со всѣми тремя дочерьми (или, можетъ-быть, только съ двумя старшими); балъ у Ростопчиной, балъ у Бартеневой, до

150 человѣкъ народу, балъ у Кологривовой, человѣкъ 300, свѣтло и прекрасный балъ; вернулись домой въ часъ, а Сережа въ 6 ч. утра, пропасть новыхъ лицъ; отличался особенно полковникъ Дурасовъ: пляшетъ мазурку французскую до поту лица, — «большой охотникъ; я прорекаю ему, что онъ отсюда безъ жены не уѣдетъ, какую-нибудь, хоть дуру, но богатую подхватитъ»; «только умора, Гриша, какъ здѣсь офицеры себя наряжаютъ; есть здѣсь Зыбинъ, — на немъ панталоны завязаны внизу прегустыми бантами, башмаки тоже». Марья Ивановна не охотница до баловъ, но не ѣздить нельзя, да и Наташу вывозить надо. Разумѣется, и сама Марья Ивановна даетъ балы. Зато, какъ кончится сезонъ, она вздыхаетъ съ облегченіемъ: слава Богу, дожили до чистаго понедѣльника; такъ ужъ балы надоѣли, что мочи нѣтъ.

А кромѣ баловъ, сколько другихъ обязанностей! Жара такая, что двигаться трудно, а надо ѣхать обѣдать къ теткѣ Олсуфьевой, на крестины; обѣдъ будетъ плохой, да это не худо, — въ жарѣ не надо много ѣсть, — легче дышать. Или надо на свадьбу къ Николаю Николаевичу Наумову, — женится на Булыгиной, сестрѣ Ивана Дмитріевича Нарышкина; пиръ кончился только въ 11 час. вечера: «если бы ты меня видѣлъ, какъ я была важна въ діамантахъ, въ перьяхъ». Умеръ Офросимовъ, — надо на похороны, умеръ Голицынъ А. Н. — то же, — и какъ это грустно! «Жизнь наша въ рукахъ Всевышняго, и для того-то не должно мерзостей никакихъ дѣлать, чтобы быть готовымъ предстать передъ Нимъ;

безъ покаянія умрешь, какъ скотъ какой». Словомъ, точь въ точь, какъ Фамусовъ въ сценѣ съ Петрушкой:

Постой же. На листѣ черкни на записномъ,
  Противу будущей недѣли:
  Къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ въ домъ
  Во вторникъ званъ я на форели.
  Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!
  Пофилософствуй — умъ вскружится!
  То бережешься, то обѣдъ;
Ѣшь три часа, а въ три дни не сварится!
  Отмѣть-ка: въ тотъ же день... Нѣтъ, нѣтъ...
  Въ четвергъ я званъ на погребенье.
  Охъ, родъ людской! пришло въ забвенье,
Что всякій самъ туда же долженъ лѣзть,
  Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать, ни сѣсть.

Марья Ивановна, разумѣется, богомольна. Каждое воскресенье, а часто и въ среду, она отправляется къ обѣднѣ — либо въ чью-нибудь домовую церковь: къ Вяземской, къ Волконской, — либо съ Дуняшкой въ Страстной монастырь; «когда возвратится съ бала, не снимая платья, отправится въ церковь вся разряженная; въ перьяхъ и брилліантахъ отстоитъ утреню и тогда возвращается домой отдыхать»[1]). Въ тотъ день, какъ Сережѣ первый разъ итти на службу, она съ утра посылаетъ за Казанскою, чтобы поручить Сережу подъ ея покровъ; «всякое дѣло надо начинать съ молитвою, а особенно гдѣ зависитъ счастіе человѣка». Познакомившись

[1]) Благово «Разсказы бабушки», стр. 187.

съ пріѣзжимъ патріархомъ іерусалимскимъ, она проситъ его отслужить у нея молебенъ. За нимъ посылаютъ карету, онъ служитъ молебенъ и святитъ воду; собрались всѣ домашніе, старухи снизу пришли, и весь «дворъ» Марьи Ивановны: Метакса, Спиридовъ и пр.; патріархъ всѣхъ благословилъ; подвела своихъ мамзелей. — «На что тебѣ трехъ? Одну въ Іерусалимъ со мной отпусти. Я очень Москву люблю; я бы ее съ собой взялъ»; въ два часа его отвезли назадъ. Говѣетъ она ежегодно, истово, и заранѣе предупреждаетъ Гришу, что ближайшую недѣлю не станетъ писать ему каждый день, какъ обычно, — времени не будетъ: надо рано вставать къ заутренѣ, потомъ обѣдня, потомъ обѣдать, потомъ соснуть, потомъ вечерня. Причащается она обыкновенно въ субботу на Страстной или въ Свѣтлое Воскресенье. Ѣздитъ она и въ Ростовъ на богомолье; въ 4 поутру ложится въ кибитку, — туда 3 дня, тамъ 3, да назадъ 3.

У Марьи Ивановны твердые принципы, но они не сложны и еще того менѣе глубоки. Она многократно внушаетъ сыну, что надо честно служить, но это на ея языкѣ значитъ — аккуратностью въ службѣ и послушаніемъ начальству дѣлать карьеру: «надо къ службѣ рвеніе, если и не въ душѣ его имѣть, но показывать; дойдетъ до ушей всевышняго (т.-е. государя) — вотъ и довольно, на головѣ понесутъ». Она стоитъ также за нравственность, за «честныя правила»: «кто ихъ имѣетъ, тотъ и счастливъ, а всѣ побочныя непріятности въ сей жизни, не надо такъ сокрушаться, сносить съ терпѣніемъ, и все

будетъ хорошо». Она твердо знаетъ, что дочерямъ надо выйти замужъ, — и она выдастъ ихъ; она твердо знаетъ, что женщина, которая позволитъ себѣ написать письмо мужчинѣ, — «конченная»; знаетъ она, что крѣпостной есть крѣпостной, но знаетъ также, что мужиковъ продавать безъ земли — «смертельный грѣхъ». Кого она любитъ, того любитъ крѣпко; выдавъ дочерей замужъ, она «пристяжныхъ» сыновей, т.-е. зятьевъ, любитъ такъ же, какъ родныхъ. «Я люблю любить твердо, — говоритъ она. — Не умѣю любить немножко — вся тутъ, мѣры въ любви и дружбѣ не знаю, а скажу какъ Павелъ-императоръ, — онъ, покойникъ-свѣтъ, все говорилъ par parabole: «не люблю, сударь, чтобы епанча съ одного плеча сваливалась, надо носить на обѣихъ твердо». Она находитъ, что съ 12-го года Москва деженерировала; «ни сосьете, ничего нѣтъ путнаго; тошно даже на гуляньѣ: каретъ куча, а знакомыхъ почти нѣтъ; такъ идетъ, что часъ отъ часу хуже, — точно кто былъ послѣднiй, тотъ сталъ первымъ». Она охотно уѣзжаетъ изъ Москвы — въ деревню, за границу, на Кавказъ, да она и просто любитъ ѣздить, хотя это ей и не по лѣтамъ. По годамъ, пишетъ она, «мнѣ бы надо въ моей гостиной уголокъ, краснаго дерева навощенный столикъ, чтобъ ящичекъ выдвигался, въ которомъ должны лежать мятныя лепешечки, скляночка со спиртомъ, чулокъ, очки, хотя еще въ нихъ не гляжу, et des lettres d'affection, на столикѣ колокольчикъ, съ поддонышкомъ не стаканъ, а кружка съ водой, двѣ игры картъ дѣлать patience, изрѣдка позвонить — «Ванюшка, сходи къ

такой-то, приказала Марья Ивановна кланяться, спросить о здоровьѣ, когда, дескать, матушка, я васъ увижу?» — цѣлый день сидѣть въ вольтеровскихъ креслахъ, и только подниматься съ нихъ за необходимыми нуждами — пообѣдать, къ Софьѣ Петровнѣ и къ Якову Андреевичу». — Поэтъ Марья Ивановна! чѣмъ не художественная картина? Но она нисколько не похожа на этотъ портретъ. Напротивъ, она еще очень бодра и подвижна, весела и затѣйница, несмотря на свои годы и полноту. Она мастерица выдумывать катанья и устраивать folles journées, она въ Ставрополѣ сплотитъ и разбудитъ сонное общество, заставитъ скупого задать блины на всю компанію, и пр. Ей ничего не стоитъ, имѣя одну темносѣрую лошадь съ черной гривой, остановить на улицѣ карету, въ которой запряжена точно такая же лошадь, и спросить господина, сидящаго въ каретѣ, не продастъ ли онъ ей лошадь, — но онъ, взглянувъ на ея карету, въ которой запряжена та лошадь, не будь дуракъ, потребовалъ за свою 2500 р. — догадался, что ей нужно для пары. Собралась Марья Ивановна въ театръ, и радуется, что удалось добыть ложу, — пьеса, говорятъ, очень хороша; уже велѣла закладывать, вдругъ говорятъ ей, что спектакль отмѣненъ, и по какой причинѣ! — директоръ театровъ (Кокошкинъ) званъ куда-то за городъ со своей актрисой Синецкой. «Нужды нѣтъ, давайте все-таки карету!» и, несмотря на всѣ увѣщанія, ѣдетъ въ театръ; пріѣзжаетъ, никого нѣтъ, — спектакль дѣйствительно отмѣненъ. «Человѣкъ, позови кого-нибудь изъ конторы». Является какая-то

фигура: «Что вамъ угодно, сударыня? Театра не будетъ; Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ приказалъ отказать». — «А я прошу васъ сказать Ѳ. Ѳ. Кокошкину, что онъ дуракъ. Пошелъ домой», — и, отъѣзжая, величественно пояснила: «Я — Марья Ивановна Римская-Корсакова»[1]).

А какъ она бойка на языкъ! Ея письма такъ и пестрятъ мѣткими словами и сочными характеристиками. Свой день рожденія она называетъ — «день, что я прибыла на здѣшній суетный свѣтъ и васъ за собой въ него притащила»; сыновьямъ она пишетъ: люблю васъ, дескать, равно, — «вы всѣ изъ одного гнѣзда выползли, одна была квартира»; или вотъ, напримѣръ, о кучерахъ: «Ванюшка хорошъ на дрожкахъ, — рожа и фигура хороши, и какъ онъ на козлахъ, онъ думаетъ объ себѣ, что онъ первый въ мірѣ, какъ думалъ Наполеонъ; а смотрѣть, кормить лошадей, это не его дѣло, всѣхъ испортитъ лошадей; то совѣтую, хоша Семенка и козелъ, но за лошадьми присмотритъ. Я на его лицо прибавлю 100 руб., на содержаніе козла-Семенки, а Николашку пришлите, или дать ему пашпортъ, куда хочетъ на волю, то-есть не вѣчную волю, а по пашпорту; пускай попробуетъ, будутъ ли держать пьяныхъ услужниковъ».

Царская семья знаетъ Марью Ивановну, и не только какъ тещу московскаго коменданта: нѣсколько лѣтъ назадъ она была съ Наташей въ Петербургѣ, гостила у тетки, княгини Голицыной, и

---

[1]) Письма А. Я. Булгакова, «Рус. Арх.», 1901, II, 196.

тамъ Наташа опасно заболѣла, и царь, узнавъ объ этомъ, прислалъ къ ней своего лейбъ-медика. Когда осенью 1817 года царь съ семьею посѣтилъ Москву, Марья Ивановна, какъ дама одного изъ первыхъ 4 классовъ, и какъ одна изъ директрисъ Благороднаго Собранія, уже ex officio должна была участвовать въ торжествахъ. Она съ Наташей, въ числѣ другихъ дамъ московскаго дворянства, представилась государю и обѣимъ государынямъ, при чемъ государь напомнилъ ей свое петербургское обѣщаніе пріѣхать въ Москву, которое онъ теперь сдержалъ, а про Наташу спросилъ, та ли это ея дочь, которая была больна въ Петербургѣ. На слѣдующій день онѣ были на балу во дворцѣ, Наташа съ ген.-ад. кн. Трубецкимъ открывала балъ — была больше мертвая, чѣмъ живая, потомъ шла съ государемъ польскій, и государь очень восхищался ея красотой, а съ Марьей Ивановной говорили обѣ императрицы, и у Елизаветы Алексѣевны были слезы на глазахъ, когда Марья Ивановна ей разсказывала о своихъ потеряхъ 12-го года. Потомъ Марья Ивановна, вмѣстѣ съ остальными тремя директрисами, принимала царскую фамилію на балу въ Собраніи. Вдовствующая императрица спросила ее: «Гдѣ ваша дочь? Я такъ много слышала о ней хорошаго, позовите ее сюда, я ее хочу видѣть поближе». Марья Ивановна отыскала Наташу среди танцующихъ и привела; императрица встала съ мѣста, подошла къ нимъ и привѣтствовала Наташу: «О лицѣ вашемъ нечего говорить, это видно, но я слышала о вашихъ достоинствахъ; вамъ дѣлаетъ честь, а вамъ, какъ

матери, должно быть пріятно, что вы такъ успѣли въ воспитаніи вашей дочери». Однимъ словомъ, такъ была милостива, что передать нельзя; «въ польскомъ идетъ — или что-нибудь скажетъ, или такое умильное лицо мнѣ сдѣлаетъ, что мнѣ самой смѣшно. Царь всегда особый поклонъ моему мѣсту». Красота Наташи дѣлала фуроръ; царь нѣсколько разъ говорилъ о ней Волкову. Вмѣстѣ съ царской семьей былъ здѣсь и прусскій король, Фридрихъ Вильгельмъ III; нѣсколько лѣтъ спустя Фамусовъ скажетъ:

А дочекъ кто видалъ, всякъ голову повѣсь!
Его величество король былъ прусскій здѣсь:
Дивился не путемъ московскимъ онъ дѣвицамъ—
Ихъ благонравью, а не лицамъ.

Но Наташа Корсакова взяла и тѣмъ, и другимъ.

Однако блескъ двора мало ослѣпляетъ Марью Ивановну; у нея свои виды. Послѣ перваго же представленія царской семьѣ она пишетъ сыну: «Теперь, слава Богу, мы съ царями знакомы. Со всѣми съ нами они переговорили, но что отъ этого будетъ? Кажется, насъ не прибудетъ ни на волосъ, и признаюсь тебѣ, что ничего не хочу и не желаю, однакожъ кромѣ одного, чтобы Гриша мой былъ флигель-адъютантомъ. Вотъ отъ этого не прочь». — Флигель-адъютантство, конечно, только утопія въ шутку: цѣли Марьи Ивановны болѣе достижимы. Она расчитывала, что царскій пріѣздъ приведетъ и ея Гришу въ Москву, но его полкъ остался въ

Петербургѣ; теперь она хочетъ добыть для него отпускъ. И вотъ на Воробьевыхъ горахъ, во время парада по случаю закладки витберговскаго Храма Спасителя, происходитъ такая сцена. Милорадовичъ стоялъ противъ Корсаковыхъ; и слышитъ Марья Ивановна, какъ онъ говоритъ сосѣду, что потерялъ свой носовой платокъ; она смѣясь говоритъ Голицыну, что генералу придется сморкаться въ руку, а Голицынъ ей: «Дайте ему, если у васъ есть лишній». Подходитъ Милорадовичъ, Марья Ивановна и говоритъ ему: «Я слышала, вы потеряли платокъ, хотите я вамъ дамъ свой?» и, отдавши платокъ: «Вы вѣрно меня не узнали?» — «Нѣтъ, извините, не узналъ». — «Я Корсакова, и вы мнѣ пропасть вещей обѣщали, а ничего не сдѣлали», и т. д., и въ заключеніе потребовала отъ него, чтобы онъ досталъ Гришѣ отпускъ, на что онъ отвѣчалъ, что ей стоитъ только назначить время, когда она хочетъ видѣть у себя сына. — Но нѣсколько дней спустя дѣло неожиданно приняло другой оборотъ. Московскій генералъ-губернаторъ Тормасовъ, который уже давно, и даже дважды, обѣщалъ взять Гришу къ себѣ въ адъютанты и ни разу не исполнилъ своего обѣщанія, теперь вдругъ по собственному почину предложилъ черезъ Волкова взять въ адъютанты одного изъ сыновей Марьи Ивановны и, встрѣтивши ее на царскомъ балу въ Собраніи, лично повторилъ это предложеніе. Марья Ивановна объяснила, что Сережа слишкомъ молодъ и еще не знаетъ службы, а она желала бы, чтобы это мѣсто занялъ Гриша. Неожиданную любезность Тормасова она

приписывала тому, что онъ видитъ, какъ ласковъ царь съ Волковымъ и съ ними, Корсаковыми; «я полагаю, — пишетъ она, — что Тормасовъ немножко подлецъ». Три дня спустя государь, по представленію Тормасова, назначилъ Гришу къ нему въ адъютанты, и Марья Ивановна послѣ этого имѣла счастье больше года видѣть сына при себѣ.

Но главная ея забота въ эти годы — выдать замужъ Наташу. Дѣвушка засидѣлась, даромъ, что красавица. У нея — не материнскій темпераментъ: она вялая, любитъ сидѣть дома, отчего мать и зоветъ ее Пенелопой; рада-радехонька, когда зубъ разболится или сдѣлается флюсъ, чтобы не ѣхать на балъ. У нея, по словамъ матери, удивительное счастье на такихъ жениховъ, которые нимало не похожи на порядочныхъ людей. Вотъ въ нее одновременно влюблены трое. Первый — какой-то купчикъ, Барышниковъ; отъ его имени пріѣзжалъ къ Сонѣ Яковлевъ просить «послѣднюю резолюцію», — «что молодой человѣкъ такъ жалокъ, боленъ отъ любви, и теперь нервическая горячка». Другой влюбленный — «дуракъ Волконскій, отецъ этого, къ которому ты ѣзжалъ, что жена въ салопѣ, варшавскій; ѣздитъ къ Вяземской и проситъ ее, чтобы она сватала. Ну, съ ума сошелъ старый дуракъ. Вяземской очень хорошо: онъ ее всѣмъ кормитъ — огурцами свѣжими, фруктами, цвѣтовъ присылаетъ». Наконецъ, Талызинъ, бывши здѣсь, непремѣнно требовалъ отъ Вяземской, чтобы она спросила рѣшительный отвѣтъ у Наташи. «Вотъ трое почти вдругъ, одинъ одного хуже».

Ради дочерей и ради престижа Марья Ивановна раза два въ сезонъ даетъ балы, не считая тѣхъ вечеровъ, когда «съѣзжаются домашніе друзья потанцовать подъ фортепьяно». Зная Марью Ивановну, какъ затѣйницу, и судя на основаніи нижеслѣдующаго, можно думать, что она старалась выдѣлить свои балы изъ ряда обычныхъ какими-нибудь эксцентричными выдумками. 14 января 1820 г. состоялся у нея маскарадъ; «гвоздемъ» вечера была собачья комедія, въ которой принимали участіе не только мужчины, но и дамы; «Башиловъ, какъ собачка, прыгалъ черезъ обручъ, и чуть не такъ, то А. М. Пушкинъ ну его бичомъ, а онъ ну лаять». Это разсказываетъ А. Я. Булгаковъ въ письмѣ къ брату[1]); а танцы въ этотъ вечеръ сопровождались пѣніемъ куплетовъ, спеціально ad hoc сочиненныхъ кѣмъ-то изъ друзей дома, — куплетовъ въ честь четырехъ сестеръ-красавицъ — Сони Волковой, Наташи, Саши и Кати. Эти куплеты были заранѣе отпечатаны въ типографіи Селивановскаго[2]) тетрадкою въ 4 страницы въ 16-ю долю на плотной зеленоватой бумагѣ, и въ такомъ видѣ, вѣроятно, раздавались гостямъ на маскарадѣ. Они приводятся здѣсь по экземпляру — вѣроятно единственному, — который сохранился въ библіотекѣ московскаго университета.

---

[1]) «Рус. Арх.», 1900 г., № 11, стр. 327.

[2]) Ценз. разрѣшеніе (Иванъ Давыдовъ) — 6 января 1820 г.

КУПЛЕТЫ

пѣтые въ маскарадѣ
М. И. Р.-К.
1820 года Генваря 14 дня.

Польской.

Здѣсь веселье съединяетъ
Юность, рѣзвость, красоту;
Старость хладная вкушаетъ
Прежнихъ лѣтъ своихъ мечту.

Для хозяйки столько милой
Нѣтъ препятствій, нѣтъ труда;
Пусть ворчитъ старикъ унылой,
Веселиться не бѣда.

Рядъ красотъ младыхъ, прелестныхъ
Оживляетъ всѣ сердца.
Послѣ подвиговъ чудесныхъ
Воинъ ждетъ любви вѣнца.

Мазурка.

Скорѣй сюда всѣ поспѣшайте;
Кто хороводомъ здѣсь ведетъ,
Хвалы ей дань вы отдавайте:
Ее въ красѣ кто превзойдетъ?

Но не уступитъ ей другая
Искусствомъ, ловкостью, красой,
И сердце, душу восхищая,
Блеститъ какъ солнышко весной.

Но трудно третьей поравняться,
Шептать всѣ стали про себя;
Но вотъ и ты; и намъ бояться
Не нужно, право, за тебя.

Еще четвертая явилась
И стала съ прежними равна;
Но слава прежнихъ не затмилась:
Четыре словно какъ одна.

Экосезъ.

Веселитесь
И рѣзвитесь,
Нужно время не терять.

Лишь весною
Красотою
Роза можетъ насъ прельщать.

Полны славы,
Намъ забавы
Только надобно вкушать.

Вотъ какова была и какъ жила видная представительница Грибоѣдовской Москвы.

IX

А домашніе и друзья Марьи Ивановны, тѣ, кто составляли ея «дворъ» и ближайшій кругъ, — «знакомыя все лица!» Не съ Дуняшки ли списалъ Грибоѣдовъ свою Лизу? Дуняшка — горничная, крѣпостная, Дуняшка по-французски характеризуетъ гостя: «charmante personne, joli garcon»; она пьетъ съ Марьей Ивановной чай поутру и сопровождаетъ ее къ обѣднѣ, а лѣтомъ, въ деревнѣ — «Саша (барышня) ѣздитъ всякій день верхомъ на гнѣдкѣ, — я велѣла остричь хвостъ, — и онѣ съ Дуняшкой ѣздятъ по очереди: одна сидитъ въ кабріолеткѣ, а другая верхомъ; такъ онѣ отправляются отъ крыльца, а воротятся — которая была въ кабріолеткѣ, та уже верхомъ; Петръ кучеръ сзади, и за кушакомъ кнутъ вкось — c'est le genre». Нѣтъ, Лиза не вся списана съ субретокъ французской комедіи. — Не съ Софьи ли Волковой списалъ онъ Наталью Дмитріевну, потому что лѣтъ пять спустя развѣ не могла, не должна была Наталья Дмитріевна говорить мужу или брату то, что въ 1820 г. писала Софья брату Гришѣ — сначала по-французски (я пере-

вожу): «Избѣгай всего, что можетъ возбудить неудовольствіе твоихъ начальниковъ. Пусть они даже истуканы — это все равно. Не слѣдуетъ искать въ нихъ всегда совершенства: такимъ манеромъ ты никогда не найдешь между ними сносныхъ; ты долженъ видѣть въ нихъ только людей, которымъ ты подчиненъ, и исполнять хорошо свои обязанности. (Дальше по русски). И въ твоемъ чинѣ должно сіе дѣлать для примѣра другихъ, ибо вѣрно младшіе тебя не осмѣлятся, видя твое повиновеніе хоть къ истуканамъ, не только что сдѣлать противное, но даже подумать». И Софья Волкова всегда въ заботахъ о мужѣ: «здоровьемъ очень слабъ... все ревматизмъ и головныя боли», и мужъ ея кстати — московскій комендантъ, а Наталья Дмитріевна о своемъ увѣрена, что

Когда бы службу продолжалъ,
Конечно, былъ бы онъ московскимъ комендантомъ.

Свербеевъ, описывая чету Волковыхъ въ 1824 году, точно даетъ портреты Платона Михайловича и Натальи Дмитріевны Горичевыхъ: «Волковъ былъ добрякъ, и человѣкъ не глупый, а жена его красива, по-московски бойка и по-французски рѣчиста безукоризненно»[1]).

Но Лиза и Наталья Дмитріевна — типы, а вотъ одинъ вѣроятный прообразъ: бессарабско-венеціанскій грекъ Метакса, который въ 10-хъ и 20-хъ го-

---

[1]) «Записки» Д. Н. Свербеева, II, 228.

дахъ бывалъ во всѣхъ домахъ Корсаковскаго и Грибоѣдовскаго круга, всюду завтракалъ и обѣдалъ, всюду дѣлался нужнымъ и порою за глаза обзывался «надоѣдалой». О немъ часто говоритъ А. Я. Булгаковъ въ письмахъ къ брату, онъ годы цѣлые упоминается едва ли не въ каждомъ письмѣ Марьи Ивановны къ сыну, какъ ея утренній и обѣденный завсегдатай. Въ 1816 году Кристинъ пишетъ о немъ княжнѣ Туркестановой: «Какъ это вы не знаете Метаксы? Толстый, маленькій, 35 лѣтъ, чернѣе цыгана, носъ уже въ гостиной, когда самъ грекъ еще въ передней, морской офицеръ (въ отставкѣ), имѣетъ Георгія, живетъ у Варлама, которому спасъ жизнь, когда слуги хотѣли его убить, — весь міръ его знаетъ и вы сто разъ видали его у Ростопчина при мнѣ въ 1813 году. Софья давно его знаетъ, я часто по утрамъ встрѣчался съ нимъ у нея; онъ — завсегдатай Марьи Ивановны Корсаковой»[1]). Скорѣе всего о немъ, а не о Сибилевѣ, какъ думали комментаторы, — потому что Сибилевъ былъ русскій дворянинъ[2]), — Чацкій спрашиваетъ Софью:

А этотъ... какъ его... онъ турокъ или грекъ...
Тотъ черномазенькій, на ножкахъ журавлиныхъ,
Не знаю, какъ его зовутъ,
Куда ни сунься — тутъ какъ тутъ
Въ столовыхъ и гостиныхъ?

---

[1]) Ferd. Christin et la Pr. Tourkestanow, стр. 340.

[2]) Вяземскій. Полн. собр. соч. т. VIII, стр. 223.

(уменьшительныя: «черномазенькій» и «ножки» могутъ указывать на малый ростъ, о которомъ говоритъ Кристинъ). Грибоѣдовъ, конечно, зналъ Метаксу въ свои молодые годы, и потомъ въ 1823 году засталъ его такимъ же, всюду бывающимъ.

А послѣдніе обломки минувшаго вѣка, которыхъ такъ много на сценѣ «Горе отъ ума», въ лицахъ и портретахъ, — сколько ихъ вокругъ Марьи Ивановны! Начать хотя бы со старой княжны Хованской, тетки знакомаго намъ Нелединскаго. Не о ней ли спрашиваетъ Чацкій:

А тетушка? Все дѣвушкой, Минервой,
Все фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ...

Лѣтами въ подмосковной одного изъ своихъ друзей Марья Ивановна видитъ княжну, проводящую тамъ лѣта. Княжна стара, дряхла. Она ежедневно совершаетъ прогулку въ большомъ кругу вокругъ двора; на плечѣ сидитъ зеленый попугай, дѣвка держитъ зонтикъ надъ ея головой, а лакей сзади. Такъ было въ 1814 году, а въ 1818 птицы уже нѣтъ, а вмѣсто нея — большая собака англійской породы, которую «ея сіятельство откормила какъ кормную свинушку».

Старикъ Офросимовъ — другъ Марьи Ивановны. Онъ, какъ Фамусовъ, — Павелъ Аѳанасьевичъ, да и фамилія Фамусова возникла, можетъ быть, путемъ перестановки буквъ фамиліи Афросимова, какъ писали и говорили тогда всѣ. Онъ генералъ-маіоръ

въ отставкѣ, богатъ и важенъ, одинъ изъ директоровъ Дворянскаго Собранія, московскій тузъ. Онъ никогда не отличался быстротой ума, — Настасья Дмитріевна, его грозная жена, громогласно заявляетъ, что она его похитила изъ отцовскаго дома и привезла къ вѣнцу, а москвичи разсказываютъ, что однажды на улицѣ, проѣзжая съ нимъ въ открытой коляскѣ и за что-то разгнѣвавшись на него, она публично сорвала съ него парикъ (онъ носилъ парикъ) и бросила на мостовую[1]). Теперь онъ старъ и дряхлъ, глухъ и обжорливъ. Марья Ивановна съ нимъ очень дружна и во время его послѣдней болѣзни (въ февралѣ и мартѣ 1817 года) навѣщаетъ его ежедневно. Пріѣдетъ, онъ ей обрадуется и проситъ ручку поцѣловать. Жизнь уже едва теплится въ немъ, онъ ужасенъ, «точный скелетъ», а говоритъ и думаетъ только объ ѣдѣ, и все жалуется доктору, что ему мало даютъ ѣсть. Марья Ивановна посылаетъ ему угощенье — студень изъ ножекъ, желе, компотъ, клубники и ежевики вареной, — все это разомъ, — и оправдывается передъ сыномъ: «кажется, умирающему человѣку это слишкомъ много, но онъ удивительно какъ кушаетъ». И каждый разъ, побывавъ у него, она пишетъ: «Сидитъ и такъ уписываетъ! ѣстъ, хотя бы не умирающему, а ужасенъ». Его уже соборовали, совсѣмъ умиралъ, — глядь, опять посвѣжѣлъ; и все объ ѣдѣ: «Теперь хлопочетъ самъ, велитъ при себѣ крессъ-салатъ сѣять и ѣстъ; вдругъ спрашиваетъ, можно ли наливать голубей яйцами, какъ цыплятъ; это онъ дума-

[1]) «Записки» Д. Н. Свербеева, т. I, стр. 261.

етъ, чтобы ѣсть въ Свѣтлое Воскресенье». Это было за нѣсколько дней до его смерти. А судьба и напослѣдокъ была къ нему добра, — и правда, что съ него взять! онъ до послѣдней минуты былъ въ памяти, — не умеръ, а заснулъ безъ всякаго страданія. Марья Ивановна два дня не выходила отъ Офросимовыхъ. А потомъ были похороны богатыя и почетныя, и Фамусовы могли сказать:

Но память по себѣ намѣренъ кто оставить
    Житьемъ похвальнымъ — вотъ примѣръ:
    Покойникъ былъ почтенный камергеръ,
Съ ключемъ, и сыну ключъ умѣлъ доставить;
Богатъ, и на богатой былъ женатъ;
    Переженилъ дѣтей, внучатъ;
Скончался — всѣ о немъ прискорбно поминаютъ:
    Кузьма Петровичъ! миръ ему!
Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!

Грибоѣдовъ хорошо зналъ Офросимовыхъ. Въ одно время съ Офросимовымъ умиралъ другой московскій тузъ, иного рода, — изъ тѣхъ, которые, «великолѣпныя соорудя палаты», «разливались въ пирахъ и мотовствѣ», которые «для затѣй» сгоняли крѣпостныхъ дѣтей на балетъ и, промотавшись, умирали въ нищетѣ. То былъ кн. А. Н. Голицынъ, по прозванію «Cosa-rara», прожившій громадное состояніе (свыше 20.000 душъ) и теперь существовавшій на пенсію, которую выдавали ему его племянники, князья Гагарины. Про него разсказывали, что онъ ежедневно отпускалъ своимъ кучерамъ шампанское, крупными ассигнаціями зажигалъ трубки гостей,

не читая подписывалъ заемныя письма, и пр.[1]). Сердобольная Марья Ивановна навѣщаетъ его въ его предсмертной болѣзни, и очень жалѣетъ его: «одинъ лежитъ на холопскихъ рукахъ; имѣвши жену, имѣвши 22 тыс. душъ — и въ этакомъ положеніи. Не накажи, Господи, никого этакой бѣдой! Два человѣка наняты за нимъ смотрѣть». Его жена, урожденная княжна Вяземская, не вынеся его самодурства и расточительности, развелась съ нимъ еще въ началѣ вѣка и вторично вышла замужъ за гр. Льва Кирил. Разумовскаго; Голицынъ былъ друженъ съ мужемъ своей бывшей жены, часто обѣдалъ у нея и нерѣдко даже показывался съ нею въ театрѣ. Голицынъ умеръ въ апрѣлѣ 1817 года; Гагарины схоронили его съ почестью — похороны, пишетъ Марья Ивановна, стоили 10 тысячъ, на попонахъ и на каретѣ были Голицынскіе гербы; «если бы онъ и имѣлъ всѣ свои 22 тысячи душъ, лучше бы его не схоронили».

Еще тузы и типы Грибоѣдовскаго общества, друзья Марьи Ивановны и ея сосѣди по пензенскому имѣнію, — Кологривовы, Петръ Александровичъ и его жена, Прасковья Юрьевна, не безъ основанія считаемая прототипомъ Татьяны Юрьевны въ «Горе отъ ума»[2]). Ихъ домъ былъ тотъ самый, что те-

---

[1]) О немъ см. Васильчиковъ, «Сем. Разумовскихъ», II, стр. 155 — 156; Жихаревъ, въ «Рус. Арх.», 1890 г., октябрь, стр. 59; «Остаф. арх.», I, стр. 539; «Рус. Арх.», 1866, столб. 901.

[1]) О Кологривовыхъ см. Вигель, ч. IV, стр. 70 и д., «Рус. Арх.», 1901, I, 67, «Остаф. арх.», I, 445, 558; кн. И. М. Долгоруковъ «Капище моего сердца», и пр.

перь оберъ-полицмейстера, на Тверскомъ бульварѣ. Мужъ — надутый, тупой, безтактный: «онъ безъ намѣренія дѣлалъ грубости, шутилъ обидно и говорилъ невпопадъ» (Вигель); о немъ очевидецъ (А. Я. Булгаковъ) разсказываетъ, что онъ, обругавъ въ собраніи (въ 1821 г.) одного изъ своихъ товарищей по директорству дуракомъ, затѣмъ оправдался такъ: ясно вѣдь, что я пошутилъ; ссылаюсь на товарищей: ну, можетъ ли быть дуракомъ тотъ, у кого 22 тысячи душъ? — Ни дать, ни взять, какъ у Грибоѣдова:

Въ заслуги ставили имъ души родовыя.

Жена была «смолоду взбалмошная», веселая и живая, и еще въ двадцатыхъ годахъ, несмотря на свои 60 лѣтъ, любительница забавъ и увеселеній; ея частые балы славились по Москвѣ богатствомъ и многолюдствомъ. Въ «Горе отъ ума» Чацкій говоритъ о Татьянѣ Юрьевнѣ: «Слыхалъ, что вздорная», а Молчалинъ съ почтенеімъ:

Какъ обходительна, добра, мила, проста!
Балы даетъ, нельзя богаче,
Отъ Рождества и до поста,
И лѣтомъ праздники на дачѣ.

Другая пріятельница Марьи Ивановны — знаменитая Настасья Дмитріевна Офросимова. Ее съ фотографической точностью (вплоть до закачиванья

рукавовъ[1]) изобразилъ, какъ извѣстно, Л. Н. Толстой въ «Войнѣ и мирѣ»; ее же часто называютъ прототипомъ Хлестовой въ «Горе отъ ума». Нѣтъ сомнѣнія, что Грибоѣдовъ долженъ былъ ее знать. Это одна изъ самыхъ видныхъ фигуръ въ тогдашней Москвѣ; ни къ кому въ такой мѣрѣ, какъ къ ней, не могутъ быть примѣнены слова Фамусова:

А дамы? — сунься кто, попробуй, овладѣй;
Судьи всему вездѣ, надъ ними нѣтъ судей...
Скомандовать велите передъ фрунтомъ!
Присутствовать пошлите ихъ въ сенатъ!

Она дѣйствительно властно командовала въ московскомъ обществѣ. Ея боялись, какъ огня, не только ея сыновья, рослые гвардейскіе офицеры, которыхъ она держала въ страхѣ пощечинами (она говорила о нихъ: «у меня есть руки, а у нихъ щеки»), но и всѣ, кто встрѣчался съ нею. Въ 1822 году Офросимова, бывши въ Петербургѣ, собиралась ѣхать назадъ въ Москву; по этому поводу А. Я. Булгаковъ чрезъ брата предупреждалъ содержателя дилижансовъ между Петербургомъ и Москвою, Серапина, чтобы онъ оказалъ старухѣ всевозможное снисхожденіе, — «ибо она своимъ языкомъ болѣе можетъ надѣлать заведенію партизановъ или вреда, нежели всѣ жители двухъ столицъ вмѣстѣ. Жалѣю заранѣе о бѣдномъ Серапинѣ». Тотъ же Булгаковъ за годъ передъ этимъ сообщаетъ брату анекдотъ, можетъ быть выдуманный московскими шутниками, но типичный для

[1]) См. «Война и миръ», т. I, ч. 1, гл. XV, и «Записки» Свербеева, т. I, стр. 261.

Офросимовой. Шелъ днемъ проливной дождь; въ это время Настасья Дмитріевна валялась, спала; подъ вечеръ видитъ — хорошая погода, велѣла заложить и поѣхала на гулянье; а тамъ грязно; разсердилась старуха, подозвала полицмейстеровъ, и ну ихъ ругать: боитесь пыли и поливаете такъ, что грязь по колѣно, — подлинно, заставь дураковъ Богу молиться, такъ лобъ разобьютъ. — Сцена между Ахросимовой и Пьеромъ въ «Войнѣ и мирѣ» совершенно вѣрна, развѣ только Толстой облагородилъ свою Марью Дмитріевну и далъ ей слишкомъ мягкія манеры. Е. П. Янькова разсказываетъ, что матери передъ баломъ наказывали дочерямъ — какъ завидятъ старуху Офросимову, то подойти къ ней и присѣсть пониже; и точно, если не сдѣлать этого, она «такъ при всѣхъ ошельмуетъ, что отъ стыда сгоришь»: «Я твоего отца знала и бабушку знала, а ты идешь мимо меня и головой мнѣ не кивнешь; видишь, сидитъ старуха, ну, и поклонись, голова не отвалится; мало тебя драли за уши» и т. д. Свербеевъ картинно описываетъ одну свою встрѣчу съ Офросимовой. «Возвратившись въ Россію изъ-за границы въ 1822 году и не успѣвъ еще сдѣлать въ Москвѣ никакихъ визитовъ, я отправился на балъ въ Благородное собраніе... Издали замѣтилъ я сидѣвшую съ дочерью на одной изъ скамеекъ между колоннами Настасью Дмитріевну Офросимову и, предвидя бурю, всячески старался держать себя отъ нея вдали, притворившись, будто ничего не слыхалъ, когда она на полъ-залы закричала мнѣ: «Свербеевъ, поди сюда!» Бросившись въ противоположный уголъ огромной

залы, надѣялся я, что обойдусь безъ грозной съ нею встрѣчи, но не прошло и четверти часа, дежурный на этотъ вечеръ старшина, мнѣ незнакомый, съ учтивой улыбкой пригласилъ меня итти къ Настасьѣ Дмитріевнѣ. Я отвѣчалъ: «сейчасъ». Старшина, повторяя приглашеніе, объявилъ, что ему приказано меня къ ней привести. «Что это ты съ собой дѣлаешь? Небось, давно здѣсь, а у меня еще не былъ! Видно, таскаешься по трактирамъ, по кабакамъ, да гдѣ-нибудь еще хуже, — сказала она, — оттого и порядочныхъ людей бѣгаешь. Ты знаешь, я любила твою мать, уважала твоего отца»... и пошла, и пошла! Я стоялъ передъ ней, какъ осужденный къ торговой казни, но какъ всему бываетъ конецъ, то и она успокоилась: «Ну, Богъ тебя проститъ; завтра ко мнѣ обѣдать, а теперь давай руку, пойдемъ ходить!» — и пошла съ нимъ и съ дочерью не по краю залы, какъ дѣлали всѣ, а зигзагами, какъ вздумается, хотя въ это время танцовали нѣсколько кадрилей, и на робкія замѣчанія дочери и Свербеева громко отвѣчала: «Мнѣ, мои милые, вездѣ дорога». — Такъ могла она встрѣтить въ 1823 году и Грибоѣдова. Въ старости она была вздорная и сумасбродная, на манеръ Хлестовой, все знала и ко всякому приставала съ допросомъ. На балу у Пушкиныхъ (1821 г.) она впивается въ Булгакова: «Сказывай новости!» — Ничего не знаю. — «Врешь, батюшка. Ты все скрытничаешь: брата твоего въ Царьградъ». — Это пустяки, сударыня, — «Какой пустяки! Ему Нессельродъ и другой-то, какъ его! свой; ну они это и сдѣлали». — Да это не милость бы была, а наказаніе. — «Пу-

стяки говоришь; онъ заключитъ съ турками миръ, государь дастъ ему 3.000 душъ, а турки милліонъ». — Да, сударыня, государь душъ не даетъ. — «Ну, аренду въ Курляндіи», и т. д. Въ декабрѣ 1820 года ее разбилъ параличъ; она и въ самой болѣзни грозно правила домомъ, заставляла дѣтей по ночамъ дежурить около себя и записывать исправно и вечеромъ рапортовать ей, кто самъ пріѣзжалъ, а кто только присылалъ спрашивать о ея здоровьѣ. Три недѣли спустя она вдругъ, какъ тѣнь, является на балъ къ Исленьевымъ, — это было на Рождествѣ, — и заявляетъ, что прогнала докторовъ и бросила лѣкарства: отложила лѣченье до Великаго поста. Она умерла только пять лѣтъ спустя, 74 лѣтъ, — подобно мужу, «ухлопала себя невоздержанностью въ пищѣ»; передъ смертью съ большой твердостью диктовала дочери свою послѣднюю волю, даже въ какомъ чепцѣ ее положить, и раздала много денегъ и наградъ[1]).

Еще одно лицо въ кругу Марьи Ивановны хочется отмѣтить, тоже характерное для этого пустого, веселящагося, сплетничающаго, безпечнаго общества. Одинъ изъ ближайшихъ друзей Марьи Ивановны — Александръ Александровичъ Башиловъ. Въ недѣлю ужъ вѣрно раза два онъ пріѣзжаетъ утромъ и остается къ обѣду. Онъ — отставной генералъ-маіоръ и живетъ въ абсолютной праздности. Не-

---

[1]) О Н. Д. Офросимовой см. «Записки» Свербеева, I, 260—263; Соч. Вяземскаго, VIII, 219—220; Благово, стр. 188—190; Письма А. Я. Булгакова въ «Рус. Арх.», 1900, III, 571, 576, и 1901, I, 85, 299, 407, и II, 341, также въ «Истор. Вѣстн.» 1881 г., май, стр. 33.

смотря на почтенный воинскій чинъ и на годы (ему въ 1820 году уже 43 года), онъ — душа общества и всеобщій любимецъ; его спеціальность — всевозможные бальные эффекты и сюрпризы. Устроить на балу у Апраксиныхъ скандальную и грубую публичную ссору съ молодымъ Апраксинымъ, къ ужасу хозяевъ и всѣхъ присутствующихъ, и затѣмъ открыть, что это былъ «сюрпризъ»; на именинахъ генералъ-губернатора, кн. Д. В. Голицына, инсценировать балетъ, гдѣ самъ Башиловъ исполнялъ мужскую роль, а другой господинъ — женскую; принимая у себя вел. князя Михаила Павловича, спросить его, не желаетъ ли онъ чая, и черезъ минуту вернуться въ видѣ толстаго нѣмца въ шитомъ кафтанѣ и напудренномъ парикѣ, съ подносомъ и чаемъ; на dejeuné dansant у Марьи Ивановны въ качествѣ ресторатора, съ колпакомъ на головѣ и въ фартукѣ, угощать гостей по картѣ блюдами, имъ самимъ изготовленными, и, по словамъ Вяземскаго, разсказывающаго это, очень вкусными, — и мало ли еще остроумныхъ идей рождалъ этотъ изобрѣтательный умъ! и, вѣрно, былъ мастеръ угодить старухѣ Хлестовой арапкою, а Софьѣ Павловнѣ билетомъ на завтрашній спектакль, хотя и не «лгунишка, картежникъ, воръ», нѣтъ: впослѣдствіи сенаторъ, тайный совѣтникъ. По крайней мѣрѣ, Марья Ивановна въ немъ души не чаетъ и не нахвалится его услужливостью[1]). Грибо-

---

[1]) О Башиловѣ см. Соч. Вяземскаго, VII, 170; «Рус. Арх.», 1901, II, 214, 223, и III, 504; «Русск. Біограф. Словарь» и проч.

ѣдовъ могъ завидовать безпечальной, легкой жизни Башилова, какъ онъ однажды, по извѣстному разсказу его сестры, позавидовалъ танцовальной ловкости молодыхъ Офросимовыхъ.

X

Но пора вернуться къ разсказу. Въ началѣ 20-хъ годовъ при Марьѣ Ивановнѣ оставались уже только двѣ младшія дочери. Наташу ей, наконецъ, удалось пристроить: на масляной 1819 года, на балу, въ нее влюбился пріѣхавшій въ отпускъ изъ Тамбова полковникъ Акинфіевъ (бывшій впослѣдствіи сенаторомъ въ Москвѣ). Павелъ Ржевскій пріѣхалъ отъ его имени сватать; «Марья Ивановна сказала, какъ Наташа хочетъ, а Наташа — какъ вамъ, маменька, угодно. Только вышло угодно всѣмъ тремъ, и по рукамъ». Это сообщаетъ А. Я. Булгаковъ въ письмѣ къ Вяземскому; и онъ же пишетъ въ другой разъ: «Вчера собирали городъ смотрѣть приданое; говорятъ, что великолѣпно, а старая Офросимова даже сказала: ай да Марьища (т.-е. Марья Ивановна), не ударила лицомъ въ грязь!»[1]). Пенелопа засидѣлась: ей было уже 27 лѣтъ. У Марьи Ивановны гора съ плечъ свалилась.

И тутъ она немедленно затѣяла экстраординарное увеселеніе — поѣздку въ чужіе края. Взманило ли

---

[1]) «Истор. Вѣстн.», 1881 г., май, стр. 21.

ее любопытство, или соблазнилъ примѣръ Волковыхъ, незадолго передъ тѣмъ путешествовавшихъ за границей, но она рѣшила и не слушала возраженій. Предлогомъ она выставляла сыпь, бывшую у нея на лицѣ. Изъ-за денежныхъ затрудненій поѣздка въ этомъ году не состоялась; но къ веснѣ 1820 года Марья Ивановна достала денегъ и начала готовиться въ путь. Софья Волкова писала брату: «Теперь возможности болѣе встрѣтилось ей исполнить желаніе свое, она же любитъ поѣздить, посмотрѣть, да и другимъ дѣлать пріятное (т.-е. дочерямъ) — вотъ причины. Я, можетъ быть, первая ей сказала, на что и зачѣмъ вамъ ѣхать?» Янькова разсказываетъ, что Марья Ивановна добыла деньги на поѣздку, продавъ меньшій изъ своихъ двухъ домовъ на Страстной площади за 50 тыс. руб. ассигнаціями[1]).

Марья Ивановна съ дочерьми, Сашей и Катей, должна была лѣто провести въ Карлсбадѣ, а на зиму перебраться въ Вѣну; ей сопутствовалъ знакомый намъ Башиловъ.

Выбраться изъ Москвы надолго было для Марьи Ивановны, при ея обширномъ знакомствѣ, не шуточное дѣло: надо было проститься со всѣми, чтобы никого не обидѣть. Въ четвергъ въ 6 час. дня Марья Ивановна сѣла въ карету и пустилась по визитамъ, съ реестромъ въ рукѣ; въ этотъ день она сдѣлала 11 визитовъ, въ пятницу до обѣда 10, послѣ обѣда 32, въ субботу 10, всего 63, «а кровныхъ съ десятокъ, — пишетъ она послѣ этого, — остались на за-

---

[2]) Благово, «Разсказы бабушки», стр. 440.

куску». А два дня спустя начались отвѣтные визиты: въ одно послѣ-обѣда перебывали у нея кн. Голицына, Шаховская, Татищева, Гагаринъ, Николаева. На нее напалъ страхъ: «ну, если всей сотнѣ вздумается со мной прощаться!» — и приказала отвѣчать всѣмъ, что ее дома нѣтъ.

Ей нужно было предъ отъѣздомъ обдѣлать еще одно дѣло, которое она держала втайнѣ отъ всѣхъ. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля она послала государю въ собственныя руки письмо. Она писала, что плохое состоянiе ея здоровья требуетъ лѣченья за границей; а какъ человѣкъ въ своей жизни не воленъ, у ней же другихъ протекторовъ нѣтъ, то она ввѣряетъ своихъ двухъ сыновей Богу и ему (государю), и съ этой надеждой поѣдетъ спокойнѣе. Уже отославъ письмо, она сообщила о немъ сыновьямъ. Она сама хорошо понимала, что ея поступокъ нахаленъ, но соблазнъ былъ силенъ: два года назадъ царская семья обошлась съ нею такъ милостиво, государь Волкова любитъ, — авось, расщедрится. Она бы, можетъ быть, и теперь не освѣдомила сыновей (даже Софья Волкова ничего не знала), но могло случиться, что царь при встрѣчѣ заговоритъ съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ о ея письмѣ; поэтому она предупреждаетъ ихъ, что если государь спроситъ, чѣмъ она больна, они должны отвѣчать, что больна разстройствомъ нервъ отъ огорченія вслѣдствіе потери мужа, сына, дочери и зятя, котораго любила тоже какъ сына. Поступокъ же свой она мотивируетъ такъ: «Какъ ни верти, но участь наша вся зависитъ отъ него. Кто знаетъ, если онъ васъ короче

узнаетъ, въ уши его дойдетъ, что вы себя ведете хорошо, — репутація хорошая. Другіе же, которые возлѣ него, не порохъ же выдумали, а мои чѣмъ хуже другихъ!.. Ну, если Гриша, письмо мое онъ приметъ въ томъ чувствѣ, какъ я его пишу, скажетъ: Возьму старшаго себѣ въ адъютанты! Не знаю, будешь ли ты этимъ доволенъ, а я сверхъ головы буду счастлива». Забѣгая впередъ, скажу, что ея письмо къ царю имѣло тотъ самый результатъ, какого слѣдовало ожидать. Шесть недѣль спустя Волковъ былъ несказанно удивленъ, получивъ изъ царской канцеляріи пакетъ на имя Марьи Ивановны; это и былъ отвѣтъ на ея письмо. Ей отвѣчали, что она можетъ быть спокойна за своихъ сыновей, если и они со своей стороны будутъ исполнять свой долгъ. Въ этихъ словахъ заключалось предостереженіе, но Марья Ивановна, конечно, не могла понять его.

Выѣхали 12 мая, на Смоленскъ, Могилевъ, Броды, ѣхали ежедневно съ 4 час. утра до 10 ч. вечера, когда останавливались на ночлегъ; наконецъ, 6 іюня добрались до Праги, откуда до Карлсбада рукой подать. Марья Ивановна датировала свои письма русскимъ стилемъ: «нѣмецкаго и писать никогда не стану; со мной календарь, по немъ и живу». Восхищенію Марьи Ивановны не было границъ. Она восторгалась и дешевизною товаровъ въ большихъ городахъ, и красотой видовъ, и, особенно, общимъ благоустройствомъ: «Маленькій лоскутокъ земли, но прелесть смотрѣть, такъ чисто. Самая дрянная вещь, картофель, но такъ чисто выполено, что каждая бы-

линка растетъ сама собой, а не съ крапивой по-нашему. Генерально все лучше, начиная съ ихъ мазанокъ; у насъ въ избу войти нельзя, а у нихъ все бѣло. А дѣти въ тряпкахъ, въ заплаткахъ, но чисто, накрахмалено. Хлѣбъ въ полѣ прелестенъ, дороги безподобныя, не толкнетъ, катись только, а у насъ такія ямы, что мозгъ трясется на мостовой, а какъ начнетъ толкать изъ ямы въ яму — только держись. Мосты чудесные, какъ столы гладкіе, а у насъ изъ жердинокъ, — идешь по мосту, смотри, чтобы головы не сломать или нога пополамъ», и т. д.

Писемъ Марьи Ивановны изъ-за границы сохранилось немного, и судить о ея дальнѣйшихъ впечатлѣніяхъ по нимъ невозможно. Она провела лѣто въ Карлсбадѣ, а въ концѣ августа чрезъ Дрезденъ перебралась въ Парижъ и тамъ зазимовала; въ Парижѣ Саша и Катя брали уроки предметовъ. Слѣдующее лѣто она снова провела въ Карлсбадѣ, гдѣ тогда лѣчилось множество русскихъ, въ томъ числѣ вел. кн. Михаилъ Павловичъ; Марья Ивановна встрѣчалась съ нимъ тамъ, танцовала съ нимъ польскій на балу, принимала его у себя. Жила она безъ разсчета, а главное накупала цѣлые воза вещей; уже чрезъ четыре мѣсяца послѣ ея отъѣзда изъ Москвы цифра денегъ, пересланныхъ ей Волковымъ за границу, достигла 65 тысячъ ассигнаціями, а къ концу парижской зимы она издержалась до того, что принуждена была просить взаймы у Ростопчина; онъ не далъ ей денегъ, и если бы не помогъ ей Григорій Орловъ поручительствомъ у банкира, ей пришлось бы за полцѣны продать то, что она накупила;

этихъ денегъ тоже, разумѣется, хватило не надолго, — весною, когда Марья Ивановна собралась въ обратный путь, у нея уже опять ничего не было ни на уплату мелкихъ долговъ, ни на дорогу; этотъ разъ ее выручилъ Поггенполь, поручившись за нее банкиру въ шести тысячахъ франковъ. Такъ она и уѣхала изъ Парижа, не уплативъ долга ни Орлову, ни Поггенполю, а съ послѣдняго банкиръ еще долго спустя требовалъ уплаты, потому что Марья Ивановна и въ Москвѣ не захотѣла платить, когда банкиръ прислалъ сюда ея вексель для взысканія[1]).

Между тѣмъ, пока она жуировала за границей, ее постигли въ Россіи двѣ крупныя непріятности. Первая, при ея богатствѣ, была не такъ страшна, но все же чувствительна: она проиграла давнишній процессъ противъ кн. Ник. Меньшикова, того самаго, что́ когда-то ухаживалъ за Наташей, и чрезъ то потеряла 4.000 десятинъ въ Пензенской губерніи съ 600 душами. Эта потеря была, впрочемъ, возмѣщена изряднымъ наслѣдствомъ, которое Марья Ивановна получила въ 1821 году послѣ родственницы своей, М. И. Высоцкой[2]). Вторая непріятность должна была поразить ее несравненно больнѣе: она касалась ея любимца Гриши. Григорій Александровичъ, послѣ своего адъютантства у Тормасова, былъ теперь полковникомъ л.-гв. Московскаго полка въ Петербургѣ. Извѣстно, какая нервность овладѣла высшими военными властями послѣ семеновской

---

[1]) Письма А. Я. Булгакова, «Рус. Арх.», 1900 г., III, 556, и 1901, I, 67 и 267; 1903, I, 59 и 201.

[2]) «Рус. Арх.», 1901, III, 364, и 1903, I, 59.

исторіи. Въ офицерскихъ кругахъ столицы сильно негодовали на суровую кару, постигшую семеновцевъ, и эти толки безпокоили Александра. На запросъ кн. П. М. Волконскаго, находившагося при государѣ въ Троппау, кто изъ офицеровъ особенно «болтаетъ», И. В. Васильчиковъ, командовавшій въ это время гвардейскимъ корпусомъ, отвѣчалъ, что главными болтунами считаются трое: полковникъ Шереметевъ, капитанъ Пестель и Григорій Корсаковъ; «этотъ послѣдній, — прибавлялъ онъ, — въ особенности безпокойный человѣкъ». Васильчиковъ находилъ полезнымъ перевести ихъ въ армію, но совѣтовалъ осторожность, такъ какъ удалить ихъ безъ явной вины съ ихъ стороны, значило бы подать поводъ къ новымъ толкамъ о произволѣ. Это письмо было послано изъ Петербурга 3 декабря (1820 г.). Въ Троппау на дѣло взглянули иначе; государь велѣлъ написать Васильчикову, что если у него есть вѣрныя доказательства, — нѣтъ основаній церемониться съ упомянутыми тремя лицами: ихъ слѣдуетъ перевести въ армію, — «тѣмъ болѣе, — писалъ Волконскій, — что мы имѣемъ письмо, писанное полковникомъ Корсаковымъ въ весьма дурномъ духѣ». Очевидно, какое-то письмо Корсакова было перлюстровано и въ числѣ другихъ такихъ же доставлено царю въ Троппау.

Но Васильчиковъ и самъ былъ не промахъ. Еще прежде, чѣмъ приказаніе государя дошло до него, онъ нашелъ поводъ придраться къ Корсакову. Случай былъ ничтожный и въ другое время не имѣлъ бы послѣдствій. 13 января (1821 г.) на балу, вѣро-

ятно, во дворцѣ, Григорій Александровичъ за ужиномъ разстегнулъ мундиръ. Этого было достаточно: Васильчиковъ послалъ сказать ему, что онъ показываетъ дурной примѣръ офицерамъ, осмѣливаясь забыться до такой степени, что разстегивается въ присутствіи своихъ начальниковъ, и что поэтому онъ проситъ его — оставить корпусъ! Корсаковъ тстчасъ подалъ въ отставку совсѣмъ. Когда объ этомъ узнали въ Троппау, то были очень довольны. Впрочемъ, Корсаковъ получилъ отставку только въ слѣдующемъ году[1]).

Марья Ивановна вернулась въ Москву въ августѣ 1821 года. Здѣсь въ ближайшую зиму разыгрался въ ея домѣ романъ, изложеніе котораго, надѣемся, сообщитъ нашему повѣствованію тотъ романтическій интересъ, какого ему до сихъ поръ недоставало. Впрочемъ, насъ ждетъ впереди и второй романъ, герой котораго — Пушкинъ.

---

[1]) Объ этомъ дѣлѣ см. «Бумаги кн. И. В. Васильчикова», «Рус. Арх.», 1875 г., II, стр. 67, 74—76, 95, 436, 439, 448, или въ «Сборникѣ» Имп. Рус. Ист. Общ., т. 73. — Разсказъ Н. А. Тучковой-Огаревой объ этомъ эпизодѣ весьма неточенъ, см. «Воспоминанія», М. 1903, стр. 12—13.

XI

Общей героинею романовъ была Alexandrine Корсакова, по-домашнему Саша, старшая изъ двухъ еще незамужнихъ дочерей Марьи Ивановны. Она была не только красавицей, какъ ея старшія сестры, но и самобытной натурой. Мать говоритъ о ней: «elle a du caractère». Въ 14 лѣтъ она всѣ шесть недѣль поста упрямо ѣстъ только пустыя щи и кашу, хотя всѣ въ домѣ ѣдятъ и рыбу; тогда же, наслушавшись разсказовъ іерусалимскаго патріарха, она въ шутку заявляетъ, что уѣдетъ въ Іерусалимъ, и мать, пересказывая эту шутку въ письмѣ, прибавляетъ: «И увѣрена въ Сашѣ, — если бы она твердо предприняла, вѣрно бы сдѣлала». А два года спустя, живя поздней осенью въ деревнѣ съ дочерьми, Марья Ивановна писала оттуда Гришѣ: «Скажу тебѣ объ Сашѣ: достойная крестница своего крестнаго отца (ея крестнымъ отцомъ и былъ Григорій Алекс.). Третьяго дня послѣ ужина вышли мы на крыльцо. Ночь безподобная, свѣтло, тихо. Говоря объ разныхъ разностяхъ, зашелъ разговоръ объ страхахъ. Я Сашѣ про-

позицію: «Дойдешь ли ты до церкви? Если дойдешь, я даю сто рублей». — «Иду, право, иду!» — «Полно врать!» — «Даете ли сто рублей?» — «Даю». Пошла, одѣлась. «Ну, маменька, я иду». — «А чтобы мы знали, ты оставь на могилѣ платокъ, я за нимъ пошлю». Мы прежде думали, что она шутитъ. Отправилась наша Саша. Акинфіевъ издали пошелъ смотрѣть. Я послала, погодя довольно время, Дугина и сто рублей проигранныхъ. Онъ ее встрѣтилъ на половинѣ дороги, пошелъ на погостъ, взялъ платокъ, на который она положила даже камушекъ, чтобы вѣтромъ не унесло». Марья Ивановна признается, что она ни за какія деньги не пошла бы ночью на кладбище. «Я увѣрена, если-бъ московскіе сочинители узнали бы храбрость 16-лѣтней дѣвчонки, то-есть Жуковскіе, Шаликовы съ братіей, — вѣрно бы написали балладу».

Въ 1821 году, когда разыгрался первый романъ Саши, ей было всего 18 лѣтъ. Но Марья Ивановна была рачительная мать; притомъ позднее дѣвичество и, въ концѣ-концовъ, вовсе не блестящій бракъ Наташи предстояли тревожнымъ предостереженіемъ; поэтому можно поручиться, что Марья Ивановна при первой же возможности не положитъ охулки на руку, особенно если представится блестящая партія. Хотя она до сихъ поръ и не имѣла большого счастія въ уловленіи жениховъ для своихъ дочерей, но она столько разъ практиковала это искусство, что, конечно, пріобрѣла въ немъ большую опытность.

И вотъ случилось, что въ концѣ 1821 года, т.-е. чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по возвращеніи Марьи

Ивановны съ дочерьми изъ-за границы, появился въ московскомъ свѣтѣ самый блестящій изъ жениховъ, о какомъ только могла мечтать для своей дочери самая любящая изъ матерей типа Марьи Ивановны. Это былъ молодой графъ Николай Александровичъ Самойловъ, второй сынъ екатерининскаго генералъ-прокурора. Онъ рано началъ службу подъ начальствомъ Ермолова, участвовалъ въ его персидскомъ посольствѣ 1817 года и затѣмъ нѣсколько лѣтъ безвыѣздно оставался при Ермоловѣ; теперь, вернувшись съ Кавказа, онъ только что (въ августѣ этого 1821 года) былъ назначенъ флигель-адъютантомъ при государѣ. Красавецъ и кутила, «Алкивіадъ того времени», наслѣдникъ громаднаго состоянія (ему принадлежало, между прочимъ, м. Смѣла), онъ былъ въ жизни сущимъ младенцемъ и по врожденной мягкости характера легко поддавался чужимъ вліяніямъ. Еще жива была его мать, по происхожденію Трубецкая, женщина энергичная и жесткая въ противоположность сыну; его слабая воля была безпомощна предъ непреклонной настойчивостью матери. Какъ разъ теперь его сыновняя покорность подвергалась жестокому испытанію: мать требовала, чтобы онъ женился на красивой и очень богатой дѣвицѣ Паленъ, которая ему не нравилась. Въ такомъ настроеніи Самойловъ пріѣхалъ въ Москву, и здѣсь влюбился въ Александру Корсакову. Скажу заранѣе, что, несмотря на всѣ усилія, приложенныя Марьей Ивановной, — усилія пламенныя и героическія, — изъ этого романа ничего не вышло, что Самойловъ, въ концѣ-концовъ, уступилъ

таки настояніямъ матери и женился на Паленъ, и что, наконецъ, этотъ бракъ былъ очень несчастливъ, какъ и слѣдовало ожидать.

Внѣшній ходъ романа намъ совсѣмъ неизвѣстенъ; зато сущность возникшей здѣсь драматической коллизіи и психика дѣйствующихъ лицъ изображены въ одномъ изъ писемъ Марьи Ивановны съ такой наглядностью и экспрессіей, которыя сдѣлали бы честь романисту. Она намѣревалась только разсказать — и попутно нарисовала художественные портреты, прежде всего — самой себя, потомъ Самойлова, и Саши. Можно сказать, что страстность хотѣнія сдѣлала ее поэтомъ.

Письмо писано къ Григорію Александровичу 28 февраля 1822 г.; пишетъ Марья Ивановна изъ Ельца, куда она только что пріѣхала съ Сережей и обѣими дочерьми, Сашей и Катей, чтобы погостить у Наташи, мужъ которой стоялъ здѣсь со своимъ полкомъ.

«Милый другъ, родной мой Гриша. Я увѣрена въ доброй твоей душѣ, что ты совершенно примешь участіе въ своей крестницѣ. Я все тебѣ теперь разскажу, какъ что было съ начала и до конца.

«Ты вѣрно тоже видѣлъ, что и я, — что Самойловъ Сашу отличалъ противъ другихъ. Это было очень ясно, развѣ слѣпой П. И. этого бы не примѣтилъ. Первое мое дѣло было, чтобъ Сашѣ дать всю мою довѣренность. Я ей всякой день говорила (и) успѣла въ ея откровенности ко мнѣ. Она столько была благоразумна, чего бы я отъ нея не ожидала; но что, милый другъ Гриша, мнѣ стоило слезъ вти-

хомолку, это я одна знаю. Всякое утро я сама была не своя. Много мы съ Самойловымъ говорили обиняками, я понимала, что онъ мнѣ говорилъ, также и я ему отпускала порядочно не въ самую бровь, а въ самый глазъ. Въ понедѣльникъ вечеромъ стоитъ онъ у камина послѣ ужина — Саша тутъ — Самойловъ стоитъ повѣся носъ. — Графъ, отчего вы такъ грустны? — «Ѣхать не хочется». — «Мнѣ кажется, что вы сами не знаете, чего вы хотите. Графъ! сколько разъ я вамъ говорила d'être confiant, de n'être méfiant! Я увѣрена, что вы такой, какъ я, еще въ жизнь вашу не находили. — «C'est juste». — Послушайте, графъ Самойловъ, я хочу вамъ говорить (съ) открытой душой. Пора намъ снять съ себя маски. Si je veux vous parler, c'est vous même qui en est cause; l'assiduités que vous aves pour ma fille A., la confiance que vous aves pu m'inspirer, me donnent le droit de vous parler à coeur ouvert. Я-бъ хотѣла знать, чѣмъ это кончится? — Саша ту минуту ушла вонъ. Онъ стоитъ у камина, точно остолбенѣлъ — слезы катятся — а я говорю дрожащимъ языкомъ — сердце замираетъ, руки трясутся; но какъ я увидѣла его слезы и его фигуру, это мнѣ дало еще больше смѣлости съ нимъ говорить. — Я полагала, что вы честный человѣкъ, человѣкъ съ правилами, — какое же ваше намѣреніе насчетъ моей дочери? Любовницей вашей она быть не можетъ, мезаліанса между вами и ей ни на волосъ нѣтъ. — Самойловъ: «Вы знаете, что у меня есть мать, мнѣ надо къ ней писать». — Я знаю, что ваша мать никогда на это не согласится, потому что

она положила себѣ въ голову васъ женить на графинѣ Паленшѣ. — «Не полагаете ли вы, что у моей матери нѣтъ никакихъ чувствъ? je tâcherai de la flechir». — M-r le comte, vous auriez dû penser avant à tout ce que vous avez fait, et non rendre le malheur dans la famille. Я вамъ божусь счастьемъ моей дочери, что все это время я не знала дня себѣ покойнаго. — «М. И., jamais je n'ai entendu s'exprimer de cette manière». — А самъ стоитъ истинно точно истуканъ. — Помилуйте, графъ, — что я плачу — я женщина, вы-то мужчина. — Самойловъ: «Вѣрьте мнѣ, что я честный человѣкъ; божусь вамъ, если я не имѣю правилъ честнаго человѣка, то я недостоинъ носитъ имя Самойлова. Время вамъ докажетъ, que je suis un homme d'honner». — Я вамъ очень вѣрю. — «Послушайте, М. И., если-бъ была (здѣсь) моя мать, я бы сейчасъ женился». — Да я отъ васъ этого теперь не требую, а скажу вамъ, милый графъ, что я васъ вижу въ послѣднiй разъ. Мало сказать, что я въ васъ обманулась, — знаю, что этого несчастья я въ вѣкъ мой не оплáчу. Я ужъ не говорю объ себѣ, — за что вы ее компрометировали? — «Нѣтъ, я безчестнымъ человѣкомъ никогда не былъ». — Я не знаю, — что вы были, а что вы есть — то я знаю. — Le refrain — плачетъ горько. Я встаю со своего стула: — Прощайте, графъ. — «Нѣтъ, М. И., позвольте мнѣ завтра у васъ быть», — взялъ мою руку, плачетъ надъ ней. Опять сѣла, опять поговорка. — Что я выиграла вашимъ здѣшнимъ присутствiемъ? Вы уѣзжаете, оставляете мнѣ все на плечахъ — вашу матушку, графиню Бобрин-

скую, которая всѣхъ фельдъегерей выдумала, княгиню Гагарину. Какъ я на нихъ буду смотрѣть? вы сами войдите въ мое положеніе. — «М. И., что же вы думаете обо мнѣ?» — Графъ, мнѣ смерть грустно; отъ роду со мной подобнаго несчастья не случалось. Я доказала, что я не интересантка: трехъ дочерей выдала, не искала богатства, а желала имъ только совершеннаго счастья; и въ доказательство божусь, что не знаю, чтó у васъ есть. Что вы — графъ, меня это не удивляетъ, мнѣ все равно, только была бы она счастлива. — «Я вамъ сказалъ, больше говорить не могу если-бъ моя мать была здѣсь, то завтра бы было все кончено. Не думайте обо мнѣ такъ мерзко». — Мнѣ ужъ онъ сталъ жалокъ своими слезами; божусь, никогда не видала человѣка этакъ плакать; стоитъ у камина, разливается. — Право, пора ужъ спать — 3 часа. — Обнялись мы съ нимъ. — «Завтра вы мнѣ позволите придти?» — Приходите.

«Это было во вторникъ. Я хотѣла ѣхать въ ночь въ 5 часовъ — онъ меня уговорилъ, и я поѣхала въ середу утромъ. Въ Тулу я пріѣхала въ 9 часовъ вечера, въ четвергъ, а онъ насъ догналъ въ Тулѣ въ четвергъ въ 12 часовъ ночи. Не видались (т.-е. ночью). Поутру въ пятницу явился ко мнѣ: «Вы мнѣ позвольте ѣхать съ вами». — Милый, послушайте: эта дорога насъ еще больше сблизитъ. — «Если-бъ могъ, я бы ни на минуту съ вами не разстался». — Вы не забудьте, какую вы клятву дали Сашѣ, — vous aves juré par les cendres de votre père. Ну, если вы не воротитесь, такъ какъ вы есть, что съ вами дѣлать! мало меня на висѣлицу повѣсить.

«Онъ въ Ельцѣ остановился въ Собраніи, я — у Акинфіева. Послала я Сережу за нимъ звать обѣдать. Съ понедѣльника до четверга онъ все такъ же былъ съ утра до вечера у насъ. Одинъ день Саша была больна головой, вечеръ весь была у себя въ комнатѣ; надо было видѣть, что былъ Самойловъ! Послѣ ужина остаемся мы съ нимъ двое; онъ садится возлѣ меня. «Скажите, Бога ради, что дѣлается съ Александрой А.?» — Я ему сказала: Ахъ, милый, куда тяжело разставаться! Скажите, милый, чистосердечно, — я увѣрена, что вы писали къ вашей матушкѣ? — «Писалъ». — Это все будетъ пустое. Графиня Паленъ у ней сидитъ крѣпко въ ея намѣреніяхъ. — «Да развѣ я кукла или ребенокъ? Нѣтъ, М. И., я вамъ клянусь comme un homme d'honneur et par tout ce qu'il y a de plus sacré — depuis que j'existe, jamais je n'ai eu de sentiment pareil. Дайте вашу руку». Онъ мою взялъ, прижалъ и поцѣловалъ. А тотъ день, что онъ поѣхалъ, 24 февраля, говоритъ онъ Сашѣ, что онъ бы хотѣлъ съ ней поговорить про свою мать, но всего онъ не смѣетъ. Нѣсколько разъ начнетъ, и замолчитъ. Саша ему говоритъ: «Это, право, скучно. Да говорите». Наконецъ рѣшился. «Мать моя непремѣнно хотѣла, чтобы я женился на графинѣ Паленъ; я ей, бывши въ Петербургѣ сказалъ, что не хочу. Нельзя жениться, когда не имѣешь никакого чувства къ тому человѣку. Я не хочу обманывать: знаю, увѣренъ, что она не согласится. Получа ея письмо я сказалъ вашей маменькѣ, что я ей дамъ отвѣтъ. Если моя мать не будетъ согласна, то я буду просить генерала Ермолова, чтобъ

просилъ государя о позволеніи мнѣ жениться. Я писалъ къ своей матери, началъ тѣмъ, что прошу позволенія, а если она не будетъ на это согласна, то я ее извѣщалъ о своемъ намѣреніи». Après cela il lui dit: «M-lle Alexandrine, dites, vous m'appartenez?» — C'est drôle, ce que vous me demandez. C'est vous qui devez le savoir. — «Oui, je suis persuadé que vous serez à moi et n'appartiendrez à personne autre». — Какъ онъ прощался, отъ роду не видала никого, qu'on puisse étre ému comme lui, pleurant, mais comment? — à chaudes larmes! Изъ комнаты не вышелъ, а вывалился, вечеромъ въ два часа».

Тѣмъ дѣло и кончилось. Самойловъ возвращался на Кавказъ, и Марья Ивановна имѣла всѣ основанія сомнѣваться въ успѣхѣ своего дѣла. Мы узнаéмъ еще, что, разставаясь, онъ Богомъ просилъ ее писать къ нему, говорилъ, что будетъ стараться пріѣхать какъ только можно скорѣе, даже будетъ проситься въ курьеры. Что Марья Ивановна не преувеличивала его взволнованности, это доказываютъ два его письма къ ней, копіи которыхъ, переписанныя Сашей, она послала сыну. Онъ дѣйствительно плакалъ при разлукѣ; а три дня спустя онъ писалъ ей съ дороги (по-французски): «Если бы вы могли представить себѣ, какъ одиноко я себя чувствую! До сихъ поръ не могу привыкнуть къ мысли, что мы болѣе не вмѣстѣ, и часто, проснувшись вдругъ, я спрашиваю у слуги, сидящаго возлѣ меня: «Марья Ивановна впереди?» на что онъ неизмѣнно отвѣчаетъ смѣхомъ, а я снова погружаюсь въ мои печальныя мысли, отъ которыхъ меня отвлекъ-было

сладкій сонъ». Марья Ивановна была этому письму «мало сказать, что просто рада, а безмѣрно». Она пламенѣла не меньше его, ея «душа и сердце теперь заняты» этимъ дѣломъ «сверхъ головы». Она взвѣшиваетъ шансы: весь вопросъ — въ согласіи матери; объ остальныхъ его родныхъ и его опекунѣ, графѣ Литта, нечего безпокоиться, дѣло можно рѣшить и безъ нихъ; о гр. Литта она даже въ шутку спрашивала Самойлова, и онъ подтвердилъ, что голосъ опекуна для него не будетъ имѣть значенія. Григорій Александровичъ въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ, повидимому, упрекалъ мать, что дѣло съ ихъ стороны велось неправильно, — что она и Саша дѣлали слишкомъ много авансовъ Самойлову и не сумѣли внушить ему довѣрія къ себѣ. Марья Ивановна оправдывалась: «Это правда, что я ему начала говорить прежде (т.-е. первая); я его въ этомъ не совсѣмъ виню — онъ послѣ мнѣ самъ отдалъ справедливость, что я ему говорила и что я ничего дурного въ этомъ не сдѣлала...» И Саша ни въ чемъ не виновата: «Я знала все, что онъ ей говорилъ, она меня слушалась, всѣ мои наставленія исполняла въ точности»; а что онъ недовѣрчивъ, это правда: онъ дѣйствительно все время присматривался къ Сашѣ, хотѣлъ ее узнать короче, и онъ самъ говорилъ ей (М. И.) нѣсколько разъ, что онъ свѣта совсѣмъ не знаетъ, съ людьми почти не жилъ, и это дѣлаетъ его недовѣрчивымъ. «Разъ мы съ нимъ разговорились: — Скажите правду, Самойловъ, что вы обо мнѣ думаете? Я увѣрена, что вы не имѣете никакого чувства касательно родства. — «Я одно вамъ скажу:

съ тѣхъ поръ, какъ я на свѣтѣ, вы — первая, которая меня такъ балуете. Вотъ какъ я жилъ до сихъ поръ: родился необыкновенной величины, только что началъ говорить — меня отдали въ пансіонъ, я не зналъ почти ни отца, ни матери, послѣ отдали меня въ артиллерію, потомъ попалъ къ Ермолову, а теперь къ вамъ, — и это въ первый разъ въ моей жизни, что я могу сказать, что я живу. И вы меня балуете. Не хочу скрывать, что я въ первый разъ себя чувствую счастливымъ, какъ никогда». Марья Ивановна признавалась, что она, можетъ быть, черезчуръ баловала его: «Дуняшка мнѣ говоритъ: М. И., вы, право, больше влюблены въ него, чѣмъ Саша», и она кается: «Признаюсь тебѣ въ моей слабости къ нему: ну, страхъ люблю. Впрочемъ, это не новое: Акинфіевъ не далъ мнѣ времени въ себя влюбиться, а Волковъ, Ржевскій — въ обоихъ такъ вляпалась, что по-уши». Она влюблялась, вѣроятно, во всякаго молодого человѣка, котораго ей очень хотѣлось женить на своей дочери; такъ преломлялась въ ней страстность желанія.

Любопытно, что, обѣщавъ Самойлову держать втайнѣ свои интимные переговоры съ нимъ, она не только немедленно со всей подробностью сообщила ихъ Гришѣ, но точно такія же три письма, какъ приведенное выше, послала еще дочери Софьѣ, сыну Сережѣ и своей любимой племянницѣ Марьѣ Дмитріевнѣ Ралль, и объясняла свой поступокъ такъ: «Я обѣщала Самойлову, что все то, что мы говорили, останется между нами тремя; мнѣ бы должно точно молчать, давши честное слово ему, но не могу,

потому что вы мнѣ все равно, что я». И даже поручала Гришѣ дать прочесть ея письмо ея любимой приживалкѣ, Марьѣ Тимоѳеевнѣ: «Я знаю, что это у нея умретъ, а ей моя довѣренность послужитъ вмѣсто лѣкарства».

Вотъ и все, что мы знаемъ объ этомъ романѣ. Героинѣ онъ, видимо, обошелся не дешево: въ началѣ октября П. Мухановъ писалъ своему пріятелю, что Alexandrine Корсакова была отчаянно больна нервическою горячкою, но теперь выздоравливаетъ.[1]) Самойловъ въ 1825 году женился на Паленъ, прожилъ съ нею лишь годъ и навсегда разстался; онъ умеръ въ 1842 году бездѣтнымъ, и съ нимъ угасъ родъ Самойловыхъ.

---

[1]) Щукинскій Сборн. VI, стр. 299.

XII

Григорій Александровичъ вскорѣ по выходѣ въ отставку уѣхалъ за границу надолго: онъ вернулся домой только три года спустя, въ 1826 году, благополучно проѣздивъ и заговоръ, и кару декабристовъ, которые вѣрно не миновали бы его. Сережа также въ ноябрѣ 1822 г. вышелъ въ отставку, съ чиномъ штабсъ-капитана, и съ этихъ поръ жилъ при матери. А Марья Ивановна попрежнему жила легко и людно; попрежнему къ обѣду Метакса и Башиловъ, попрежнему балы и катанья, и сумасшедшія траты, и беззаботное веселье въ домѣ. Въ письмахъ современниковъ за 1824—25 годы то и дѣло мелькаетъ ея имя, и все въ связи съ разными увеселеньями: «Кутитъ Марья Ивановна — дымъ коромысломъ: каталась и подъ Новинскимъ, кататься ѣздитъ и въ Петровское»[1]). Въ январѣ 1824 г. на маскарадѣ у Бобринской Саша и Катя Корсаковы одѣты римлянками — «великолѣпные костюмы, и брилліанты съ головы до ногъ»[2]). Въ апрѣлѣ

[1]) Н. А. Мухановъ, въ «Сборникѣ старинн. бумагъ» П. И. Щукина, ч. X, стр. 424.

[2]) А. Я. Булгаковъ, въ «Рус. Арх.», 1901 г., II, 35.

1825 года Марья Ивановна даетъ балъ въ честь гостившаго въ Москвѣ Каннинга[1]).

Григорій Александровичъ уже вернулся въ Москву изъ своего заграничнаго путешествія, когда явился въ Москвѣ Пушкинъ. Повидимому, они не были знакомы раньше, но Пушкинъ слышалъ о семьѣ Корсаковыхъ давно: въ апрѣлѣ 1823 года онъ изъ Кишинева по чьей-то просьбѣ спрашивалъ Вяземскаго, «гдѣ Марія Ивановна Корсакова, что живетъ или жила противъ какого-то монастыря (Страстного, что-ли), жива-ли она, гдѣ она, если умерла, чего Боже упаси, то гдѣ ея дочери, замужемъ-ли и за кѣмъ, дѣвствуютъ-ли или вдовствуютъ и проч.». Теперь, осенью 1826 года, Пушкинъ близко сошелся съ Григорьемъ Корсаковымъ, вѣроятно, чрезъ Вяземскаго, который былъ друженъ съ послѣднимъ. Какъ извѣстно, Пушкинъ провелъ въ Москвѣ осень этого года (сентябрь и октябрь) и почти всю слѣдующую зиму, съ 20-го декабря до середины мая 1827-го. Много лѣтъ спустя Вяземскій, разсказывая о Григоріи Александровичѣ, вспоминалъ[2]): «Особенно памятна мнѣ одна зима или двѣ, когда не было бала въ Москвѣ, на который не приглашали бы его и меня. Послѣ присталъ къ намъ и Пушкинъ. Знакомые и незнакомые зазывали насъ и въ Нѣмецкую Слободу, и въ Замоскворѣчье. Нашъ тріумвиратъ въ отношеніи къ баламъ отслуживалъ службу свою,

---

[1]) Тамъ же, стр. 172. Тотъ же А. Я. Булгаковъ подробно описываетъ одну изъ маскарадныхъ затѣй М. И. въ 1824 г., тамъ же, стр. 42—3.

[2]) «Замѣтка изъ воспоминаній», Полн. собр. соч., VII, стр. 171.

наподобіе бригадировъ и кавалеровъ св. Анны, непремѣнныхъ почетныхъ гостей», и т. д. Въ это же время Пушкинъ началъ бывать у Марьи Ивановны; такъ, удостовѣрено, что онъ былъ у нея 26 октября (1826 г.) на вечерѣ, который Марья Ивановна устроила спеціально для него и куда она назвала множество гостей[1]). Въ маѣ 1827 года Марья Ивановна съ обѣими дочерьми уѣхала на кавказскія воды; Пушкинъ далъ ей письмо къ своему брату Льву, служившему тогда въ Грузіи: «Письмо мое доставитъ тебѣ М. И. Корсакова, чрезвычайно милая представительница Москвы. Пріѣзжай на Кавказъ и познакомься съ нею — да прошу не влюбиться въ дочь»; разумѣется, онъ намекалъ на красавицу Сашу.

На Кавказѣ Корсаковы провели свыше года: два лѣчебныхъ сезона — на водахъ, промежуточную зиму — въ Ставрополѣ. Тамъ у Марьи Ивановны были разныя приключенія — «у Корсаковой ни минуты безъ авантюровъ», какъ писалъ А. Я. Булгаковъ брату: гдѣ-то на нее напали горцы и ограбили до рубашки; потомъ какой-то мирнóй князь, уже немолодой (Тарковскій шамхалъ) пытался увезти Сашу и, не успѣвъ, сталъ свататься къ ней, предлагая

---

[1]) «Рус. Арх.», 1867 г., ст.1067—68. Въ мартѣ 1827 г. Пушкина видѣли на Тверскомъ бульварѣ съ Корсаковымъ, безъ сомнѣнія, съ Григоріемъ. — Соч. Пушкина, п. ред. Ефремова, изд. Суворина, VIII, 111. — Пушкинъ былъ знакомъ съ гр. Н. А. Самойловымъ, — см. его письмо къ Зубкову 1 дек. 1826 г.: «Je félicite le C-te Samoiloff», Письма, п. ред. В. И. Саитова, I, 391.

тотчасъ 300 тыс. руб. задатка въ счетъ калыма[1]). Въ Москву Корсаковы вернулись въ концѣ октября 1828 года, а въ десятыхъ числахъ декабря пріѣхалъ сюда и Пушкинъ. Тотчасъ послѣ его пріѣзда Вяземскій пишетъ А. И. Тургеневу: «Вчера долженъ онъ (т.-е. П.) былъ быть у Корсаковыхъ; не знаю еще, какъ была встрѣча». Эти послѣднія слова останавливаютъ на себѣ вниманіе: значитъ, отъ прошлыхъ отношеній Пушкина къ этому дому, т.-е. отъ зимы 1826—27 гг., осталось какое-то осложненіе, и увидѣться ему теперь съ Корсаковыми было не просто. Мѣсяцъ спустя (9 января 1829 г.) тотъ же Вяземскій пишетъ о Пушкинѣ: «Онъ что-то во все время былъ не совсѣмъ по себѣ. Не умѣю объяснить, ни угадать, что съ нимъ было, или чего не было, mais il n'était pas en verve. Постояннѣйшія его посѣщенія были у Корсаковыхъ и у Цыганокъ; и въ томъ и въ другомъ мѣстѣ видѣлъ я его рѣдко, но видалъ съ тѣми и другими, и все не узнавалъ прежняго Пушкина»[2]).

Впослѣдствіи Вяземскій дважды высказалъ предположеніе, что въ 52-ой строфѣ седьмой главы «Онѣгина» Пушкинъ воспѣлъ Александру Корсакову[3]). Его свидѣтельство имѣетъ въ этомъ случаѣ большой вѣсъ, какъ свидѣтельство очевидца; во всякомъ случаѣ, оно доказываетъ, что у Вяземскаго сохранилось воспоминаніе о влюбленности Пушкина

---

[1]) «Рус. Арх.», 1901, III, 173, 190, 359.

[2]) «Рус. Арх.», 1884, кн. 4, стр. 408—409.

[3]) «Рус. Арх.», 1887, III, 578; сравн. его Соч., т. VII, стр. 170.

въ Корсакову. Вотъ эта строфа (описывается балъ въ московскомъ Собраніи):

У ночи много звѣздъ прелестныхъ,
Красавицъ много на Москвѣ,
Но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ
Луна въ воздушной синевѣ.
Но та, которую не смѣю
Тревожить лирою моею,
Какъ величавая луна
Средь женъ и дѣвъ блеститъ одна.
Съ какою гордостью небесной
Земли касается она!
Какъ нѣгой грудь ея полна!
Какъ томенъ взоръ ея чудесный!
Но полно, полно, перестань,
Ты заплатилъ безумству дань.

Важно отмѣтить, что эта глава «Онѣгина», 7-ая, писана именно въ годы знакомства Пушкина съ Корсаковыми: 1827 и 1828. Въ «Донъ-Жуанскомъ» спискѣ Пушкина указаны двѣ Александры, — возможно, что одна изъ нихъ — Александра Александровна Корсакова[1]). Былъ ли точно Пушкинъ влюбленъ въ Сашу Корсакову? Кажется, что да; но наши свѣдѣнія слишкомъ скудны, чтобы можно было утверждать это положительно.

Шли годы, Марья Ивановна старѣла, не старѣясь; еще на седьмомъ десяткѣ она задавала тонъ

[1]) См. «Донъ-Жуанскій списокъ», Н. О. Лернеръ, въ изд. Пушкина подъ ред. С. А. Венгерова, т. IV, стр. 99.

въ московскихъ увеселеніяхъ[1]). Александра Александровна долго оставалась въ дѣвушкахъ. Уже и младшая ея сестра, Екатерина, успѣла выйти замужъ (въ началѣ 1827 года[2]) за одного изъ сыновей Настасьи Дмитревны Офросимовой, Андрея, потомъ (въ 1828 г.) Сережа женился на Грибоѣдовой, а она все жила у матери. Е. П. Янькова намекаетъ, что жениха ей «изловила» Марья Ивановна; этимъ женихомъ былъ племянникъ Яньковой, кн. Александръ Николаевичъ Вяземскій, причастный къ дѣлу 14 декабря. 8 декабря 1831 года Пушкинъ изъ Москвы сообщалъ женѣ, что Alexandrine Корсакова выходитъ замужъ за кн. Вяземскаго. Янькова говоритъ: «По правдѣ сказать, и съ той, и съ другой стороны партія была подходящая; одно только — что невѣста была немного постарше жениха и ужъ совсѣмъ не хозяйка для дома, ни о чемъ понятія не имѣла. Свадьба была 12-го февраля (1832 г.). Приглашали и съ той, и съ другой стороны однихъ родныхъ и самыхъ близкихъ знакомыхъ; было, однако, людно и парадно»[3]). Александрѣ Александровнѣ шелъ уже 29-й годъ.

Марья Ивановна умерла въ 1833 году; она похоронена въ Николо-Пѣшношскомъ монастырѣ, Дмитровскаго уѣзда, Моск. губ. Изъ ея дѣтей раньше всѣхъ за нею послѣдовала Наталья Акинфіева, умершая въ 1848 году; въ январѣ 1852 года умеръ холо-

---

[1]) См. письмо А. Я. Булгакова о покникѣ въ 1830 г. «Рус. Арх.», 1901, III, 493.

[2]) Щукинъ. Сборн. IV, 161.

[3]) Благово, «Разсказы бабушки», стр. 441.

стой Григорій Александровичъ, другъ А. А. Тучкова (о немъ много говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Н. А. Огарева-Тучкова). Остальные Корсаковы надолго пережили мать. Екатерина послѣ смерти Офросимова вторично вышла замужъ — за извѣстнаго композитора Алябьева. Александра умерла въ 60-хъ годахъ, и мужъ ея еще вторично женился; Софья Волкова дожила до 80 лѣтъ, а Сергѣй Корсаковъ — почти до 90; онъ умеръ въ 1883 г., а его жена, кузина Грибоѣдова, — только въ 1886-мъ.

Но еще долго послѣ смерти Марьи Ивановны въ ея домѣ противъ Страстного монастыря виталъ ея беззаботный, веселый духъ. Въ 1845 году здѣсь поселился Сергѣй Александровичъ и открылъ рядъ многолюдныхъ и блестящихъ праздниковъ: старина ожила. «Его домъ (такъ вспоминалъ позднѣе современникъ), — при его матери, привѣтливой и радушной, въ продолженіе столькихъ лѣтъ средоточіе веселій столицы — еще разъ оживился и въ послѣдній разъ заблестѣлъ новымъ блескомъ и снова огласился радостными звуками: опять освѣтились роскошныя и обширныя залы и гостиныя, наполнились многолюдною толпой посѣтителей, спѣшившихъ на призывъ гостепріимныхъ хозяевъ, жившихъ въ удовольствіе другихъ и веселившихся весельемъ каждаго. Въ сороковыхъ годахъ домъ С. А. Корсакова былъ для Москвы тѣмъ же, чѣмъ когда-то бывали дома князя Юрія Владиміровича Долгорукова, Апраксина, Бутурлина и другихъ хлѣбосоловъ Москвы... Каждую недѣлю по воскресеньямъ бывали вечера запросто, и съѣзжалось иногда болѣе ста че-

ловѣкъ, и два, три большіе бала въ зиму. Но изъ всѣхъ баловъ особенно были замѣчательны два маскарада, въ 1845 и 1846 годахъ, и ярмарка въ 1847 году: это были многолюдные блестящіе праздники, подобныхъ которымъ я не помню, и какихъ Москва, конечно, уже никогда болѣе не увидитъ»[1]).

Одинъ изъ присутствовавшихъ на маскарадѣ 1846 года подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ восторженно описалъ это празднество въ фельстонѣ «Сѣверной Пчелы»[2]). Мы съ удивленіемъ узнаемъ, что этотъ маскарадъ 7 февраля 1846 года былъ не просто увеселеніемъ, но долженъ былъ иллюстрировать и доказать нѣкую философско-эстетическую идею. Споръ между славянофилами и западниками былъ какъ разъ въ разгарѣ; обѣ послѣднія зимы вниманіе общества было всецѣло поглощено манифестаціями обоихъ лагерей — публичными курсами Грановскаго и Шевырева, стихотворнымъ памфлетомъ Языкова, диспутомъ Грановскаго и пр. Маскарадъ долженъ былъ ad oculos разрѣшить вопросъ, который страстно дебатировался въ свѣтской части славянофильскаго лагеря, — вопросъ о томъ, можетъ ли русская одежда быть введена въ маскарадный костюмъ. По свидѣтельству корреспондента «Сѣверной Пчелы», маскарадъ С. А. Корсакова блистательно разрѣшилъ задачу въ положительномъ смыслѣ: русское одѣяніе совершенно затмило всѣ другія. Это былъ урокъ нагляднаго обученія, инсценированный съ достодолжной убѣдительностью въ присутствіи 700 гостей.

---

1) Д. Благово, «Разсказы бабушки», стр. 187—188.

2) «Сѣв. Пчела», 1846 г., № 39, отъ 19 февраля.

Маскарадъ открылся танцами въ костюмахъ вѣка Людовика XV и античнo-миѳологическихъ; и когда очарованные взоры достаточно насытились этимъ роскошнымъ иноземнымъ зрѣлищемъ, — ровно въ полночь музыка умолкла, распахнулись двери, и подъ звуки русской хороводной пѣсни въ залу вступила національная процессія. Впереди шелъ карликъ, неся родную березку, на которой развѣвались разноцвѣтныя ленты съ надписями изъ русскихъ поговорокъ и пословицъ, за нимъ князь и княгиня въ праздничной одеждѣ, и 12 паръ бояръ съ боярынями, въ богатыхъ бархатныхъ кафтанахъ и мурмолкахъ, въ парчевыхъ душегрѣйкахъ и жемчужныхъ поднизяхъ, потомъ боярышни съ русыми косами, въ сарафанахъ, и т. д.; шествіе заключалъ хоръ изъ рындъ, пѣвцовъ и домочадцевъ; онъ пѣлъ куплеты, написанные С. Н. Стромиловымъ и положенные на музыку въ русскомъ стилѣ А. А. Алябьевымъ:

Собрались мы къ боярину,
Хлѣбосолу-хозяину,
и т. д.

Но, кажется, еще великолѣпнѣе была «ярмарка», устроенная въ домѣ Сергѣя Александровича 24 января 1847 г. и также описанная московскимъ корреспондентомъ «Сѣверной Пчелы[1]); тутъ были въ залахъ шатры и павильоны, пріютъ Флоры, булочныя и вафельныя лавочки, мордовская овощная и французская галантерейная лавка, множество подобныхъ

---

[1]) «Сѣверная Пчела», 1847 г., № 26, 4 февраля.

сюрпризовъ, и — чудо! — между всѣми этими элегантными костюмированными красавицами-продавщицами большинство носило знакомыя намъ имена: это — имена тѣхъ людей, которые четверть вѣка назадъ толпились на балахъ Марьи Ивановны, это просто — дѣти тѣхъ самыхъ людей, все Римскіе-Корсаковы, Акинфіевы, Ржевскіе, Волковы, Исленьевы, Башиловы. Тутъ внуки Марьи Ивановны — дочь Сергѣя Александровича, дочь Наташи и сынъ Софьи Волковой, тутъ дочь Башилова, дочь Ржевскаго, сынъ Вяземскаго. Въ этомъ кругу московскаго общества, въ «Грибоѣдовской Москвѣ», ничто не измѣнилось за 25 лѣтъ; еще уцѣлѣли наслѣдственнныя помѣстья, и даже пріумножились женитьбами, а чиновные, тогда молодые, Башиловы и Акинфіевы, преуспѣли по службѣ и теперь — сенаторы; уцѣлѣли, не измѣнились нравы и вкусы, интересы и забавы, развѣ только модная идея, возникшая въ другой, въ мыслящей части Москвы, залетѣвъ сюда, даетъ поводъ къ новому маскарадному «сюрпризу» въ духѣ Марьи Ивановны. Кн. П. А. Вяземскій справедливо предостерегалъ нѣкогда противъ отожествленія Грибоѣдовской Москвы со всей Москвою: «Это развѣ часть, закоулокъ Москвы. Рядомъ или надъ этой выставленною Москвою была другая, свѣтлая, образованная Москва»[1]). Она существовала и въ тѣ годы, когда устраивала свои бальные сюрпризы Марья Ивановна, — объ этомъ не слѣдуетъ забывать, читая настоящую хронику. Но на всемъ протяженіи времени оба эти круга жили раздѣльной жизнью, и Гри-

---

[1]) Полн. собр. соч., VII, 378.

боѣдовская Москва, какъ сказано, осталась почти неизмѣнной вплоть до Крымской войны или, можетъ быть, даже до отмѣны крѣпостного права.

Здѣсь, на рубежѣ новой эпохи, въ послѣдній разъ ярко вспыхнула легкая кровь Марьи Ивановны въ ея внукѣ. «Еще одно, послѣднее сказанье», и конецъ дворянской безпечности, а съ нею и конецъ нашей хроники! Сынъ Сергѣя Римскаго-Корсакова, Николай, четырехлѣтнимъ ребенкомъ еще зналъ свою бабушку[1]). Юношей 17—18 лѣтъ онъ блисталъ красотой и весельемъ на отцовскихъ балахъ и ярмаркахъ; кончивъ московскій университетъ, онъ рано женился на богатой и обворожительной дѣвицѣ Мергасовой, былъ выбранъ вяземскимъ предводителемъ дворянства, но бросилъ и жену, и службу, и отправился на войну подъ Севастополь. Здѣсь онъ оказалъ чудеса доблести, получилъ два ордена за храбрость, изъ нихъ одинъ съ мечами, а послѣ войны перешелъ въ гвардію, въ лейбъ-гусары. Богачъ и красавецъ, элегантный, остроумный и веселый, онъ былъ въ числѣ первыхъ львовъ Петербурга и Москвы, любимецъ «свѣта», душа баловъ и веселыхъ затѣй. Его и его жену зналъ въ Москвѣ Л. Н. Толстой и вывелъ ихъ подъ прозрачными именами въ «Аннѣ Карениной», въ картинѣ бала. Едва Кити вошла въ залу, какъ уже ее пригласили на вальсъ, «и пригласилъ лучшій кавалеръ, главный кавалеръ по бальной іерархіи, знаменитый дири-

---

[1]) О Н. С. Р.-Корсаковѣ см. «Списокъ лицъ рода Корсаковыхъ», стр. 54, и «Изъ воспоминаній кн. Д. Д. Оболенскаго», «Русск. Арх.», 1895, I, стр. 364—365.

жеръ баловъ, церемонимейстеръ, женатый красивый и статный мужчина Егорушка Корсунскій» (читай: Николушка Корсаковъ). Тутъ же въ лѣвомъ углу зала, гдѣ сгруппировался цвѣтъ общества, сидитъ его жена — «до невозможнаго обнаженная красавица «Лиди». Корсунскій говоритъ о себѣ: «Мы съ женой какъ бѣлые волки, насъ всѣ знаютъ». И кажется, подобно тому, какъ 35 лѣтъ назадъ Грибоѣдовъ съ завистливымъ презрѣніемъ смотрѣлъ на бальную развязность Офросимовыхъ, точно такъ же неуклюжій и неловкій Толстой въ 1857 или 1858 году смотрѣлъ, какъ Корсунскій съ спокойной увѣренностью вальсировалъ, умѣряя шагъ, «прямо на толпу въ лѣвомъ углу залы, приговаривая: «pardon, mesdames, pardon, pardon mesdames», и лавируя между моремъ кружевъ, тюля и лентъ, и не зацѣпивъ ни за перышко, повернулъ круто свою даму», потомъ «поклонился, выпрямилъ открытую грудь и подалъ руку, чтобы провести ее къ Аннѣ Аркадьевнѣ».

Позднѣе Корсаковъ разошелся съ женою. О ней разсказываетъ современникъ[1]): «Жена его считалась не только петербургскою, но и европейскою красавицей. Блистая на заграничныхъ водахъ, приморскихъ купаньяхъ, въ Біарицѣ и Остенде, а также и въ Тюльери, въ самый разгаръ безумной роскоши императрицы Евгеніи и блеска Наполеона III, В. Д. Корсакова дѣлила успѣхи свои между петербургскимъ великимъ свѣтомъ и французскимъ дворомъ, гдѣ ее звали la Vénus tartare». Разставшись съ му-

---

[1]) Кн. Д. Д. Оболенскій, въ цитир. м.

жемъ, она поселилась въ Ниццѣ, въ прекрасной собственной виллѣ, гдѣ и жила до своей смерти.

Николай Корсаковъ умеръ молодымъ, въ 1875 году. Его родители были еще живы. Кромѣ сына, у нихъ была дочь, Анастасія, замужемъ за Устиновымъ; спустя годъ послѣ смерти брата, и она была похищена смертью. И остались старики одни — послѣдній сынъ Марьи Ивановны, «послѣдній московскій хлѣбосолъ», и кузина Грибоѣдова, предполагаемый оригиналъ Софьи Фамусовой. Одинъ изъ тѣхъ, кто молодымъ человѣкомъ веселился на ихъ балахъ, итальянскій продавецъ мѣловыхъ бюстовъ на ихъ «ярмаркѣ» 1847 года[1]), въ 1877 году писалъ о нихъ: «Немощные и престарѣлые родители пережили молодыхъ и здоровыхъ своихъ дѣтей, которымъ, казалось, столько еще впереди жизни и счастья... Грустно и жалко видѣть одинокихъ и хилыхъ стариковъ, пережившихъ дѣтей своихъ! Глядя на нихъ, со вздохомъ повторяю я мысленно стихи:

Какъ листъ осенній, запоздалый,
Онъ живъ — коль это значитъ жить,
Полу-сухой, полу-завялый,
Онъ живъ, чтобъ помнить и грустить!»

Они пережили больше. На ихъ глазахъ умерли не только ихъ дѣти, и не только ихъ сверстники: умеръ весь тотъ бытъ, который ихъ вскормилъ и лелѣялъ.

---

[1]) Д. Благово, въ примѣчаніи къ «Разсказамъ бабушки», стр. 188.

На злачной почвѣ крѣпостного труда пышно-махровымъ цвѣтомъ разрослась эта грѣшная жизнь, эта пустая жизнь, которую я изображалъ здѣсь. Не бросимъ камня въ Марью Ивановну: виновна ли она въ томъ, что она не знала? Но отрадно думать, что ея вѣкъ кончился. Да едва ли и пристало намъ гордиться предъ нею. Я сильно опасаюсь, что какой-нибудь будущій историкъ въ отдаленномъ поколѣніи осудитъ насъ тѣмъ же судомъ, какимъ мы судимъ Марью Ивановну, потому что вѣдь и наша жизнь содержитъ въ себѣ еще слишкомъ мало творческаго труда и, стало-быть, также, въ свою очередь, неизбѣжно пуста и призрачна съ точки зрѣнія высшаго сознанія. Я не хочу сказать, что нашъ вѣкъ ровно такъ же плохъ, какъ тотъ вѣкъ: нѣтъ, онъ неизмѣримо лучше, ближе къ правдѣ, существеннѣе; но тотъ же ядъ сидитъ въ нашей крови, и отрава такъ же сказывается у насъ, какъ у тѣхъ людей, пустотою и легкомысліемъ, — только въ другихъ формахъ: тамъ — балы и пикники, весь «добросовѣстный, ребяческій развратъ» ихъ быта, у насъ — дурная сложность и безплодная утонченность настроеній и идей.

ОГЛАВЛЕНІЕ

